331.0947
T1760

К. М. Таръ.

ОЧЕРКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ 90-хъ годовъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ.

ЦѢНА 30 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„НОВЫЙ МІРЪ.“

1906.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

331.0947
T1760

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ocherkpeterburgs00takh

К. М. Таръ.

ОЧЕРКЪ
петербургскаго рабочаго движенія
90-хъ годовъ.

По личнымъ воспоминаніямъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

ВВЕДЕНІЕ.

Рабочее движеніе въ Петербургѣ имѣетъ за собою большую давность. Его первая волна достигла своей наивысшей точки въ концѣ 70-хъ годовъ. И возникновеніе Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза было провозвѣстникомъ зарожденія сознательнаго и организованнаго рабочаго движенія. Къ этому моменту создался и типъ сознательнаго петербургскаго рабочаго — борца, выдающимся примѣромъ котораго можетъ служить Степанъ Халтуринъ.

Но героическая борьба тѣсной заговорщической организаціи террористовъ Народной Воли какъ-то невольно захватывала въ то время почти всѣхъ, кто способенъ былъ стать революціонеромъ. Не имѣвшимъ никакого политическаго опыта, но рвущимся къ свободной жизни молодымъ энтузіастамъ вѣрилось въ возможность освободиться однимъ могучимъ ударомъ отъ гнета самодержавія. Съ другой стороны, жестокія преслѣдованія со стороны правительства всѣхъ сознательныхъ рабочихъ убѣждали ихъ въ почти полной безплодности попытокъ организовать широкое рабочее движеніе при данныхъ условіяхъ, когда сознательные рабочіе лишь начинали нарождаться, а окружающая рабочая среда давала о себѣ знать главнымъ образомъ какими-то не произвольными движеніями, вызывавшимися рѣзкими перемѣнами во время кризисовъ.

Террористическая борьба конспираторовъ Народной Воли отзывалась очень губительно на зарождавшемся сознательномъ рабочемъ движеніи. Ряды сознательныхъ рабочихъ рѣдѣли послѣ каждаго новаго покушенія. Дальнѣйшее развитіе и даже существованіе рабочаго союза при такихъ условіяхъ становилось невозможнымъ. Оставшіеся на свободѣ наиболѣе дѣятельные рабочіе, отчаявшись въ возможности существованія союза, переходили въ ряды террористовъ. Поэтому и подавленіе террористическаго движенія партіи Народной Воли казалось, хотя и временнымъ, но

331.0947 1*
T1760

полнымъ подавленіемъ всего, что было сознательно революціоннымъ.

Однако жизнь и развитіе страны шли впередъ, несмотря на старанія самодержавной бюрократіи остановить ходъ общественнаго развитія. Хотя восьмидесятые годы считаются годами полнаго торжества реакціи, но именно въ этотъ періодъ полнаго подавленія тайныхъ революціонныхъ организацій, быстро ростущая сила пролетаріата проявила себя въ цѣломъ рядѣ рабочихъ волненій и стачекъ, заставившихъ правительство встать на путь фабричнаго законодательства и ввести фабричную инспекцію. Самымъ выдающимся изъ этихъ событій была безъ сомнѣнія стачка на фабрикѣ Морозова въ селѣ Орѣхово-Зуево въ 1884 г. Вождями Морозовскихъ рабочихъ явились сознательные рабочіе-соціалисты, Моисеенко и Волковъ. Рабочіе, руководимые ими, выдвинули цѣлый рядъ требованій. Во время этой стачки во второй разъ развернулось на русской землѣ красное знамя. Правительство употребило всѣ средства, чтобы задавить движеніе. Масса рабочихъ была брошена въ тюрьму. Былъ назначенъ судъ. Однако присяжные вынесли оправдательный приговоръ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинительнымъ приговоромъ противъ нашихъ порядковъ. Катковъ тогда же назвалъ этотъ приговоръ „первымъ салютомъ русскому рабочему движенію“. Оправданные рабочіе были немедленно же послѣ освобожденія арестованы жандармскими властями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство признало справедливость требованій Морозовскихъ рабочихъ и осуществило главнѣйшія изъ нихъ въ формѣ особыхъ законовъ о штрафахъ, изданныхъ въ 1886 г.

Рабочее движеніе, казалось, должно было быть общепризнаннымъ фактомъ. Казалось, недоставало лишь мыслителей, которые смогли бы понять и выяснить смыслъ и общественное значеніе этого движенія. И они явились. Въ 1884 г. въ Петербургѣ самостоятельно возникла группа „Рабочій“, которая поставила своею цѣлью соціалдемократическую пропаганду среди рабочихъ и учащейся молодежи и выработала собственную программу. Почти одновременно съ этой первой петербургской соц.-дем. группой, или вѣрнѣе еще раньше ея, далеко за предѣлами Россіи возникла, подъ вліяніемъ германскаго соціалдемократическаго движенія, всѣмъ извѣстная Группа Освобожденія Труда. При первомъ же извѣстіи о существованіи группы „Рабочій“, Группа Освоб. Труда завязала съ ней сношенія. Казалось, русская соціалдемократія получила прочное основаніе. Но группа

„Рабочій“ просуществовала лишь до 27 января 1886 г., и начавшаяся было пропаганда снова прервалась. Снова дѣлались попытки проникнуть въ рабочую среду, и снова неудачи, благодаря арестамъ. И дѣло пропаганды среди рабочихъ дошло до такого упадка, что среди революціонной интеллигенціи стало даже закрадываться сомнѣніе въ возможности работы среди рабочихъ. Но сами рабочіе разбили эти сомнѣнія своими рѣчами 1-го мая 1891 г. Еще раньше, въ апрѣлѣ, рабочіе напомнили о себѣ адресомъ больному писателю Шелгунову. „Вмѣстѣ съ искреннимъ чувствомъ признательности къ Шелгунову, какъ къ указателю пути къ свободѣ и братству, — говорили они, — мы пробовали, подачею ему адреса и своимъ присутствіемъ съ вѣнкомъ на его похоронахъ, привлечь вниманіе общества къ рабочему вопросу и, какъ слышно, успѣли въ этомъ“.

„Будемъ учиться, объединяться сами, товарищи, будемъ объединяться въ сильную партію! Будемъ, братья, сѣять это великое сѣмя съ восхода до захода солнца во всѣхъ уголкахъ нашей земли“.—Такъ закончилъ свою рѣчь одинъ изъ петербургскихъ рабочихъ, говорившихъ на тайномъ собраніи рабочихъ 1-го мая 1891 г.

И присутствіе рабочихъ на похоронахъ писателя Шелгунова и рѣчи ихъ, произнесенныя 1-го мая 1891 года, были ихъ открытымъ заявленіемъ о зарожденіи въ Петербургѣ сознательнаго рабочаго движенія.

Глава I.

Первый періодъ—кружковщина.

Подъ вліяніемъ голодныхъ 1891—92 годовъ и холеры сильно оживилась дѣятельность интеллигенціи и возобновилась работа народовольцевъ. Въ 1892 году „Группа народовольцевъ“ издала свои „Письма къ голодающимъ крестьянамъ“. Тогда же вышелъ ихъ „Летучій Листокъ“ № 1, носившій главнымъ образомъ радикальный народническій характеръ. Осенью 93 г. группа выпускаетъ № 2-ой „Листка“, „Александръ III“ или „Къ десятилѣтію коронаціи“ и „Братцы товарищи“, обращеніе рабочаго къ рабочимъ.

„Группа народовольцевъ“ имѣла рабочіе кружки въ различныхъ фабричныхъ районахъ Петербурга и во главѣ кружковъ стояли пожилые рабочіе, оставшіеся еще отъ временъ „Земли и Воли“. Народовольцы образовывали маленькія кружковыя кассы и библіотеки. Не знаю, кому нужно приписать ихъ устройство — интеллигенціи или самимъ рабочимъ. Читать — было первою потребностью развивающихся рабочихъ, и большая часть кассовыхъ денегъ шла на покупку литературы (преимущественно легальной). Въ кружковыхъ библіотекахъ видное мѣсто занимали сочиненія Шелгунова, Некрасова, Щедрина, Щапова, „Пролетаріатъ во Франціи“ Михайлова, „Исторія французскаго крестьянина“ Шатріана, „Спартакъ“ Джіованіолли, „Экономическія бесѣды“ Карышева, разныя статьи изъ старыхъ журналовъ; попадались и единичные экземпляры „лекцій по русской исторіи“ Ключевскаго, „Очерки экономической культуры“ Зибера, Лассаль, а въ особой библіотекѣ для интеллигентныхъ рабочихъ имѣлся Марксъ и Н. Чернышевскій (Критика политической экономіи). Главный девизъ, который выставляли тогдашніе народовольцы, было сверженіе самодержавія въ цѣляхъ достиженія лучшаго соціальнаго строя. Главнымъ орудіемъ переворота оставалась по прежнему крайне незначительная группа людей, сплочен-

ная организація самоотверженныхъ заговорщиковъ. Сознаніе слабости этого революціоннаго средства побуждало искать опоры во внѣшней средѣ. Отсюда мысль о необходимости „опереться на народъ“. Мѣстопребываніе группы въ городѣ заставляло искать поддержки у городского народа, у наиболѣе отзывчивыхъ его слоевъ, т. е. у рабочихъ. Конечно, работать надо и среди крестьянъ, но городскіе рабочіе признавались народовольцами наиболѣе подходящей для этой цѣли группой людей изо всего трудящагося народа. Слѣдовательно, работа должна быть сосредоточена среди городскихъ рабочихъ.

„Стремиться организовать широкое рабочее движеніе, создавать рабочую партію при условіяхъ нашего деспотическаго управленія, — говорили они, — значитъ вращаться въ заколдованномъ кругу. Ибо главнымъ условіемъ возможности широкаго рабочаго движенія является политическая свобода, а главнымъ условіемъ ея достиженія — сверженіе самодержавія. Тратить же силы на рабочее движеніе, какъ таковое, значитъ не добиться ничего (ибо чего же добьешься, когда правительство даже фабрикантамъ не позволяетъ дѣлать рабочимъ уступокъ); значитъ потратить массу средствъ и людей на безчисленныя жертвы идеѣ, чтобы въ концѣ концовъ все-таки возвратиться къ государственному перевороту“.

Такова была сущность теоріи тогдашнихъ народовольцевъ. На практикѣ у нихъ дѣло сводилось къ возможно широкой организаціи рабочихъ кружковъ и къ веденію въ нихъ противоправительственной пропаганды. Эта пропаганда велась съ такимъ жаромъ, что ее скорѣе можно было бы назвать политической агитаціей, если бы дѣло велось среди массы рабочихъ, а не въ малочисленныхъ кружкахъ. Я помню, какъ мои пріятели радовались, когда имъ удавалось устроить небольшое собраніе человѣкъ въ 15, особенно изъ такъ называемыхъ „сѣрыхъ“, т. е. еще не распропагандированныхъ рабочихъ. Въ кружкахъ пропаганда велась главнымъ образомъ устнымъ путемъ. Бывало, одинъ кончалъ говорить, приходилъ другой и „жарилъ“ дальше.

Распропагандированные рабочіе на фабрикахъ держались очень осторожно и обыкновенно не принимали никакого активнаго участія въ тогдашнемъ рабочемъ движеніи, т. е. въ стачкахъ, „рабочихъ безпорядкахъ“ и волненіяхъ. Такимъ образомъ дѣло сводилось къ политической пропагандѣ и къ вербовкѣ *отдѣльныхъ личностей* изъ рабочей

среды для этой пропаганды, при посредствѣ рабочихъ кружковъ. Въ концѣ концовъ получалось нѣкоторое число вполнѣ интеллигентныхъ рабочихъ, оторванныхъ отъ рабочей среды.

Такъ обстояло дѣло зимою 93 года. Въ это же время въ средѣ нѣкоторыхъ сознательныхъ и развитыхъ рабочихъ, называвшихъ себя соціалдемократами, сталъ раздаваться протестъ противъ подобнаго положенія вещей. Нѣтъ!—говорили они,—успѣхъ дѣла лежитъ въ рабочемъ движеніи. А для того, чтобы создать сознательное рабочее движеніе, необходимы дѣятели, спеціально для этой цѣли подготовленные. Рабочій пропагандистъ и организаторъ долженъ тонко знать всѣ окружающія условія его рабочей жизни. Его міросозерцаніе должно быть широко и всесторонне, онъ долженъ быть хорошо подготовленнымъ и знающимъ человѣкомъ. А для этого имѣющіеся на лицо сознательные рабочіе должны основывать особые кружки для саморазвитія, приглашая интеллигентовъ для помощи. Иногда доходили до крайностей, высказывая мнѣнія, что въ подобныхъ кружкахъ должны сначала проходиться естественныя науки; и только усвоивши болѣе правильный взглядъ на природу, можно браться за исторію культуры, а потомъ уже за вершину знанія—за политическую экономію. Въ такихъ кружкахъ пользовались главнымъ образомъ легальной литературой. Вышеупомянутой программѣ для саморазвитія нѣкоторые слѣдовали съ такою прямолинейностью, что кто сомнѣвался въ ея цѣлесообразности, тотъ признавался недостаточно серьезнымъ человѣкомъ, еретикомъ, не заслуживающимъ имени „соціалдемократа“. Впрочемъ, это не было общимъ явленіемъ. Что касается до пропаганды необходимости для рабочихъ политической борьбы, до участія ихъ въ политической революціи, то среди тогдашнихъ рабочихъ „соціалдемократовъ“ существовалъ особый взглядъ. Конечно, сознательные рабочіе хорошо чувствовали всѣ преимущества политической свободы и выясняли ея значеніе своимъ близкимъ товарищамъ. Но въ то же время они очень отрицательно относились къ возможности политической пропаганды среди широкаго круга рабочихъ, а ужъ тѣмъ болѣе къ возможности организаціи рабочихъ для достиженія политической свободы Если вы говорили о необходимости участія рабочихъ въ политической революціи, о борьбѣ рабочихъ за конституцію, то къ вамъ сразу же начинали косо относиться, видя въ васъ народовольца.

Очевидно, это было прямой реакціей отдѣльныхъ сознательныхъ единицъ на народовольческую, не классовую про-

паганду и на главный пунктъ этой пропаганды — на заговорщическую организацію революціонеровъ съ цѣлью сверженія самодержавія. Реакція, какъ извѣстно, всегда вызываетъ противоположную крайность, крайность часто нежелательную, но почти всегда неизбѣжную. Такъ случилось и въ данномъ случаѣ: на необходимость борьбы за политическую свободу временно какъ то перестали обращать вниманіе. Основная мысль пропагандистовъ конца 70-хъ годовъ какъ будто заглохла, и началась новая проповѣдь сознательной жизни.

На помощь къ рабочимъ, рвущимся къ знанію, подоспѣла соціалдемократическая интеллигенція. И изъ этихъ соціалдемократическихъ рабочихъ кружковъ вышли развитые, образованные рабочіе, ставшіе во главѣ петербургскаго движенія. Правда, имъ пришлось перенести немало разочарованій, откинуть немало предвзятыхъ взглядовъ и предразсудковъ, чтобы изъ культурныхъ одиночекъ превратиться въ настоящихъ рабочихъ-бойцовъ, изъ теоретиковъ въ практиковъ-пропагандистовъ и агитаторовъ. Жизнь, создавшая ихъ, помогла имъ въ этомъ.

При сравненіи дѣятельности соціалдемократическихъ кружковъ съ народовольческими мы видимъ, что какъ тутъ, такъ и тамъ, собственно говоря, дѣло сводилось къ выдѣленію изъ рабочей среды культурныхъ единицъ; ибо и культурный рабочій „соціалдемократъ“ въ значительной степени терялъ связь со своею менѣе культурною средою. Но оба эти направленія были страшно враждебны. Поле для работы тогда не было широко, а кругъ сознательныхъ рабочихъ былъ еще уже, поэтому весьма естественно, что въ этотъ кругъ перешла и нашла себѣ богатую почву зародившаяся среди интеллигенціи борьба направленій. Въ рабочей средѣ эта борьба повелась поистинѣ съ ожесточеніемъ и непримиримостью. Въ этой борьбѣ приняли участіе и пожилые рабочіе, лично знававшіе Халтурина, Желябова и Тимофея Михайлова, бывшіе и на демонстраціи у Казанскаго собора (6/XII 1876), и на Смоленскомъ кладбищѣ на похоронахъ несчастныхъ жертвъ патроннаго завода (въ 1878 году). Приняли въ ней участіе и молодые рабочіе, только что примкнувшіе къ рабочимъ кружкамъ. Взаимныя теоретическія пререканія подчасъ переходили даже въ личныя дрязги. Такъ рабочій N, стоявшій во главѣ одного кружка, пожертвовалъ 190 рублей на пропаганду среди рабочихъ и передалъ ихъ народовольцамъ. А тѣ употребили деньги или на организаціонныя цѣли, или на

типографію. Въ концѣ концовъ вышла „исторія“, разнесшаяся довольно широко и послужившая почвой для новаго ожесточенія мѣстной борьбы. Словомъ, это соперничество, такъ ярко проявлявшееся въ средѣ самихъ рабочихъ, ихъ дѣленіе на „соціалдемократовъ“ и „народовольцевъ“ представляло порой зрѣлище далеко непріятное. Но что было дѣлать? Съ этой рознью приходится считаться, какъ съ историческимъ фактомъ.

Тутъ умѣстно замѣтить, что даже въ это время розни и пререканій среди развитыхъ рабочихъ существовало нѣкоторое единство. Я говорю про „Объединенную кассу петербургскихъ рабочихъ“. Дѣло въ томъ, что почти каждый кружокъ рабочихъ, какъ соціалдемократическій, такъ и народовольческій, имѣлъ свои деньги. Въ большинствѣ случаевъ это были ничтожныя суммы, шедшія главнымъ образомъ на покупку литературы. Необходимость помогать арестованнымъ товарищамъ и недостаточность для этой цѣли кружковыхъ кассъ, заставила объединиться всѣ извѣстные тогда рабочіе кружки для этой общей цѣли. Немногіе кружки каждаго рабочаго района Петербурга, даже принадлежавшіе къ разнымъ лагерямъ, были хорошо извѣстны другъ другу. Поэтому были избраны представители отъ отдѣльныхъ соціалдемократическихъ и народовольческихъ кружковъ каждаго района, которые время отъ времени, кажется, не чаще одного раза въ мѣсяцъ, собирались на общее собраніе „Объединенной кассы петербургскихъ рабочихъ“. Правда, въ ней участвовали только кружковые рабочіе;—но вѣдь въ то время и все сознательное движеніе ограничивалось кружками. Въ эту кассу поступали деньги изъ кружковыхъ кассъ, а изъ нея шли на помощь арестованнымъ и высланнымъ, ихъ семьямъ, словомъ, жертвамъ революціоннаго рабочаго движенія. Касса издавала гектографомъ свои отчеты, на оборотной сторонѣ которыхъ помѣщалась хроника арестовъ, высылокъ, обысковъ...

Прибавлю, что въ описываемое время въ этой кассѣ участвовало немало „стариковъ“, отъ которыхъ съ большими подробностями можно было услышать про тѣ эпизоды изъ прошедшей исторіи петербургскаго движенія, которые приводятся Плехановымъ въ его талантливой брошюрѣ „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“. Послѣ народовольческаго погрома въ апрѣлѣ 1894 г. „Объединенная касса“ стала быстро клониться къ упадку. Вмѣсто нея, при новомъ подъемѣ силъ, въ 95 году стала намѣчаться общая организація рабочихъ Петербурга въ видѣ начав-

шихся общихъ агитаціонныхъ собраній рабочихъ представителей отъ отдѣльныхъ районовъ (Невской заставы, Нарвской заст. съ огромнымъ Путиловскимъ заводомъ, Выборгской и Петербургской стор.). Но объ этой организаціи рѣчь впереди.

Въ январѣ 1894 года я получилъ кружокъ отъ народовольцевъ, которые допустили меня въ качествѣ независимаго соціалиста. Я читалъ съ рабочими „Экономическое ученіе Маркса“ Каутскаго и рефераты по рабочему вопросу. Хорошо остался у меня въ памяти одинъ рефератъ, который былъ начатъ съ краткаго очерка народныхъ и нашего революціоннаго движеній (главнымъ образомъ по Туну). Пособіями для критики были взяты „Исторія русскаго революціоннаго движенія“ Кричевскаго и только что упомянутая брошюра Плеханова. Рефератъ кончался данными изъ нашего промышленнаго развитія и наиболѣе характерными выдержками изъ „Идеи рабочаго сословія“ Лассаля. Въ рефератѣ проводилась мысль, что рабочее дѣло должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, что ему должны быть отдаваемы всѣ лучшія силы рабочихъ, что наша задача приложить всѣ усилія для созданія кадра будущей рабочей партіи. Мнѣ такъ хорошо врѣзались въ память разгоряченныя, полныя жизни и силы, лица рабочихъ...

Наши собранія происходили довольно часто. Но въ концѣ марта мой близкій товарищъ изъ народовольцевъ заявилъ мнѣ однажды: „Какъ ни печально, но намъ придется разстаться съ вашимъ кружкомъ. Мы получили его отъ рабочихъ соціалдемократовъ, но взаимная рознь дошла до того, что они отнимаютъ у насъ кружки, предоставленные намъ въ моментъ соглашенія. Итакъ не ходите больше въ вашъ кружокъ отъ нашего имени“. Разумѣется, при первой возможности я отправился къ рабочимъ выяснить дѣло. Они изумились. „Съ народовольцами мы, правда, разошлись, но съ вами, кажется, у насъ не было разногласій, такъ зачѣмъ же вамъ уходить!“ Я былъ уже для нихъ свой, какъ и они для меня, и я остался среди своихъ.

Весной того же года народовольцы выпустили недурной рабочій сборникъ, составленный изъ описанія русскихъ стачекъ и изъ хроники заграничнаго рабочаго движенія. Это было главнымъ образомъ дѣломъ Зотова, такъ рано и безжалостно умерщвленнаго русскимъ правительствомъ въ сырыхъ казематахъ Петропавловской крѣпости и извѣстнаго петербургскимъ рабочимъ подъ именемъ „Николая Ивановича“.

21 апрѣля 1894 г. послѣдовалъ грандіозный провалъ „Группы народовольцевъ“ и партіи „Народнаго права“, едва успѣвшей извѣстить особымъ манифестомъ о своемъ выступленіи на арену революціонной борьбы. Рабочихъ въ этомъ провалѣ пролетѣло немного, между ними было и нѣсколько соціалдемократовъ. Не мѣшаетъ здѣсь отмѣтить активныхъ дѣятелей этого провала. Во первыхъ, Кузьма Кузюткинъ (Василій Кузьмичъ Кузьминъ), тотъ самый, на счетъ котораго было большое сомнѣніе у нѣкоторыхъ рабочихъ соціалдемократовъ. Онъ предалъ всѣхъ и выдалъ все до мельчайшихъ подробностей. Потомъ онъ служилъ (а можетъ, и сейчасъ служитъ) на ткацкой фабрикѣ Кожевникова. Во вторыхъ, Штрипанъ (Григорій Штрипманъ), оставшійся еще отъ „Земли и Воли“, бывавшій въ ссылкѣ. Ходили слухи, что не безъ его участія обошлись аресты среди рабочихъ въ 1893 году. Я помню, какъ всѣхъ занимала эта личность, и помню всѣ споры на тему, шпіонъ онъ или нѣтъ? Несмотря на эти подозрѣнія съ нимъ водили знакомство самые выдающіеся изъ рабочихъ, знавшіе его еще со временъ Казанской демонстраціи. Про него говорили, что видѣли, какъ онъ ходилъ въ охранное отдѣленіе за жалованьемъ, тѣмъ не менѣе не рѣшались прервать съ нимъ всякую связь. (Слишкомъ уже сжились съ нимъ, должно быть).

Штрипанъ въ провалѣ народовольцевъ игралъ крупную роль. Мало того. Это онъ развратилъ молодого и симпатичнаго „Козленка“ (Козлова) и сдѣлалъ изъ него провокатора. Съ помощью его онъ въ томъ же году выдалъ Нарву и Сестрорѣцкъ.

Послѣ провала народовольцевъ, среди рабочихъ ясно уже преобладало соціалдемократическое направленіе. Работа стала вестись главнымъ образомъ самими рабочими. Временно я оставался единственнымъ интеллигентомъ за Невской заставой, если не считать одного народовольца, который теперь уже почти не появлялся среди рабочихъ, такъ какъ народовольчество совершенно потеряло для себя почву среди рабочихъ Невской заставы. Оставаясь одинъ, я имѣлъ возможность присмотрѣться къ рабочимъ болѣе внимательно, войти въ болѣе тѣсныя личныя отношенія съ ними, взглянуть на нихъ, какъ они были, лучше понять ихъ общій уровень, ихъ потребности и интересы.

Ш—овъ былъ положительно самый выдающійся изъ всѣхъ рабочихъ, какихъ я когда-либо зналъ. Онъ рѣшилъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы поддержать, раз-

вить и направить, какъ слѣдуетъ, рабочее дѣло. Онъ отдавался всецѣло служенію общему дѣлу рабочаго движенія, не упуская изъ виду ни малѣйшей мелочи фабричной жизни. Объединеніе рабочихъ представителей отдѣльныхъ рабочихъ районовъ Петербурга, начавшееся къ осени 95 года (какъ уже было упомянуто), было обязано ему и его товарищамъ. Въ то же время вы могли увидать его и въ университетѣ на защитѣ какой-либо интересной диссертаціи, и въ аудиторіи высшихъ женскихъ курсовъ на публичныхъ лекціяхъ.

Вообще средній уровень многихъ кружковыхъ рабочихъ былъ довольно высокъ. Многіе изъ нихъ были вполнѣ сознательными людьми. Стремленіе къ образованію кружковъ и къ занятіямъ, къ совмѣстному чтенію было явленіемъ очень распространеннымъ среди механическихъ рабочихъ. Лично я знаю примѣры, когда рабочіе, стоявшіе въ сторонѣ отъ революціонеровъ, соединялись вмѣстѣ для выписки газетъ и журналовъ. Всего чаще выписывали Русскія Вѣдомости, изъ которыхъ съ особеннымъ интересомъ вычитывались корреспонденціи Іоллоса о германскомъ соц.-дем. рабочемъ движеніи. Изъ толстыхъ журналовъ выписывали Русское Богатство. Знаю также случаи подписки на Сѣверный Вѣстникъ. Изъ книжекъ особенной популярностью пользовались изданія Павленкова.

Лѣто 1894 года прошло довольно спокойно въ вербовкѣ рабочихъ для новыхъ кружковъ, которые естественно образовывались около болѣе развитыхъ рабочихъ. Къ лучшей постановкѣ и развитію этого дѣла Ш—въ употребилъ немало усилій. Около него сгруппировались всѣ наличныя силы нашего обширнаго района. Эта-то группа рабочихъ, правда не одинаково развитыхъ, но уже съ опредѣленнымъ рѣзкимъ направленіемъ мѣстной рабочей организаціи, и послужила центромъ для дальнѣйшей группировки силъ. Эта группа рабочихъ скоро стала оказывать вліяніе и на другіе районы, и такимъ путемъ создавалось мало-по-малу объединеніе.

Самое дѣло образованія кружковъ шло такимъ образомъ. Какой-либо изъ наиболѣе активныхъ рабочихъ присматривался къ своимъ товарищамъ по мастерской (дѣло идетъ главнымъ образомъ о механическихъ рабочихъ), старался войти въ близкія сношенія съ наиболѣе симпатичными и наиболѣе на его взглядъ пригодными рабочими. Онъ пускалъ по рукамъ газету съ интересной статьей, или какую нибудь книжку, подчасъ и нелегальную, и такимъ спосо-

бомъ пробовалъ почву. Лѣтомъ рабочіе собирались гдѣ-нибудь на лугу или въ рощѣ, вели общіе разговоры, читали. Иногда устраивались и систематическія чтенія, во время и послѣ которыхъ порой бывали жаркіе споры.

На помощь стоящему во главѣ кружка рабочему приглашали интеллигента, въ большинствѣ случаевъ студента.

Зимой 1894 года работа по организаціи рабочихъ кружковъ и культивированія отдѣльныхъ личностей продолжалась. Но въ ней было замѣтно уже нѣкоторое разочарованіе. Чего то не достаетъ! Но чего? Это стало мало-по-малу выясняться и, какъ мнѣ кажется, два событія помогли выясненію. Это были: „безпорядки“ на „Невско-механическомъ заводѣ московскаго товарищества“ (бывш. Семянникова) за Невской заставой и стачка въ порту.

Картина „безпорядковъ“ на Невско-механическомъ заводѣ до сихъ поръ живо сохранилась въ моей памяти. Подъ самое Рождество (1894 г.) я отправился къ рабочимъ, причемъ сильно запоздалъ, благодаря преслѣдованію сыщиковъ. Проѣхавши нѣкоторое разстояніе на паровой „конкѣ“ по Шлиссельбургскому тракту, я вышелъ недалеко отъ дома одного рабочаго. Дома его не засталъ.

— Онъ убѣжалъ на пожаръ, на Семянниковомъ что-то неладно,—сказала мнѣ его хозяйка.

И дѣйствительно, выйдя снова на Шлиссельбургскій проспектъ, я замѣтилъ необычное оживленіе. У воротъ то и дѣло попадались группы рабочихъ, о чемъ то оживленно толковавшихъ. Эти группы попадались все чаще и чаще по мѣрѣ моего приближенія къ Семянниковскому заводу. Мимо меня въ карьеръ, съ шумомъ и гикомъ, пронеслась сотня казаковъ, за ней другая съ повозкой для раненыхъ...

— Ну и всыпятъ же они семянниковцамъ, покажутъ, откуда ноги растутъ...—раздалось ироническое восклицаніе съ тротуаровъ.

Наконецъ, я у завода. Тутъ стояли тысячныя толпы. У ограды завода въ два ряда стояли спѣшившіеся казаки, при ружьяхъ, офицеры были на лошадяхъ... Тутъ же отряды полицейскихъ. Я взлѣзъ на имперьялъ паровой конки (3 вагона), остановленной рабочими при помощи баррикады изъ чухонскихъ саней. Съ имперьяла я хорошо могъ наблюдать зрѣлище... Фабричная контора была разнесена, окна и двери выбиты; огня въ нихъ не виднѣлось, но заводъ былъ еще освѣщенъ. Стекла кое-гдѣ были повышиблены. Главный корпусъ завода былъ оцѣпленъ сотнями казаковъ, жандармовъ и полиціи, а эти, въ свою очередь,

были окружены нѣсколькими тысячами рабочихъ. (На Невско-механическомъ заводѣ работало тогда около 3000, но такъ какъ дѣло происходило около 8 часовъ вечера, то къ толпѣ присоединились только что кончившіе работу фабричные).

Вся исторія разыгралась вотъ изъ-за чего. Было уже 2—3 случая, что рабочимъ не выдавали во-время двухнедѣльной платы. Такой порядокъ грозилъ стать обычнымъ. Наступало Рождество. Уже истекъ срокъ получки, а администрація завода отговаривалась неимѣніемъ денегъ. Денегъ не оказалось и наканунѣ праздника, когда онѣ особенно нужны рабочимъ.

Въ результатѣ разгромъ конторы, битье стеколъ въ фабричныхъ корпусахъ, попытка поджога дома управляющаго—съ одной стороны; окачиваніе рабочихъ изъ пожарныхъ трубъ (это зимой-то!); казаки, жандармы, полиція... Впрочемъ это не все. За удравшими въ городъ страха ради конторщиками была послана полиція. Изловленные и окруженные казаками, „данными для прикрытія“, въ трехъ саняхъ конторщики были немедленно доставлены на заводъ. Жандармскіе офицеры въ ту же ночь выдавали рабочимъ давно требуемую получку.

„Бунтъ“ кончился побѣдой, и побѣда не прошла незамѣченной. Я долженъ прибавить, что во всей этой исторіи „наши“ рабочіе не принимали ровно никакого участія; такъ что даже и при нашихъ россійскихъ порядкахъ отыскивать виновныхъ среди тѣхъ, кто на примѣтѣ у полиціи и заводскихъ „ищеекъ“, было невозможно; никто изъ „нашихъ“ рабочихъ не пострадалъ въ данномъ случаѣ. Но волненіе, возбужденное „бунтомъ“ на Семянниковскомъ заводѣ, тѣмъ не менѣе не прошло безъ слѣда; оно явилось поводомъ едва ли не къ первой попыткѣ соціалдемократовъ оказать воздѣйствіе на болѣе широкій кругъ рабочихъ, о необходимости чего начали уже поговаривать въ это время. На скорую руку была изготовлена агитаціонная брошюрка въ видѣ тетради съ изложеніемъ положенія рабочихъ на Семянниковскомъ заводѣ. Прочитанная на собраніи нѣсколькихъ рабочихъ, она была напечатана съ помощью гектографа и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этотъ новый пріемъ соціалдемократовъ, хотя еще пока въ видѣ отдѣльнаго случая, обратилъ на себя вниманіе рабочихъ. Пожилые рабочіе стали живо припоминать аналогичную дѣятельность прежнихъ революціонеровъ, разсказывали о брошюрахъ, листкахъ и о бун-

тахъ, происходившихъ раньше на этомъ заводѣ. Конечно, большинство разсказчиковъ все сильно преувеличивали, однако эти разсказы сильно вліяли на подъемъ настроенія среди молодежи и подготовляли почву для болѣе широкаго распространенія нелегальной литературы.

Другая „исторія“ (стачка въ порту) произошла на масленицѣ. Въ порту новаго адмиралтейства, равно какъ и въ его отдѣленіи на „Галерномъ островѣ“ рабочій день былъ съ 7 утра до 6 часовъ вечера и часъ на обѣдъ. При этомъ давалось 15 минутъ *льготныхъ*. т. е. рабочіе могли приходить въ $7^1/_4$ час. утра и въ $1^1/_4$ час. послѣ обѣда. Въ январѣ 1895 года командиръ порта, знаменитый Верховскій, отнялъ льготу, такъ что на работу пришлось являться въ 7 час. утра и въ 1 ч. дня. Въ понедѣльникъ, 6 января были объявлены еще новыя правила: являться на работу въ $6^1/_2$ час. утра, а время для обѣда было сокращено еще на четверть часа.

Во вторникъ часть рабочихъ пришла на работу по старому. Ихъ не пустили. Ворота были заперты и они принуждены были заплатить штрафъ, какъ не работавшіе часть дня. Запоздавшихъ собралось человѣкъ 100. Рабочіе просили сторожей впустить ихъ, но получили отказъ. Тогда они разломали ворота и вошли въ мастерскія. Тамъ они обратились къ работавшимъ товарищамъ, приглашая бросить работу, что немедленно же и было сдѣлано. Администрація немедленно же призвала отрядъ городовыхъ и околоточныхъ съ приставомъ во главѣ. Послѣдовало обычное: „а! вы бунтовать!“ и приличная случаю ругань.

На замѣчаніе со стороны рабочихъ, что они желаютъ не ругаться, а поговорить серьезно о дѣлѣ, приставъ стихъ и сталъ обращаться лишь къ отдѣльнымъ рабочимъ:

— Ты бунтуешь! Чего тебѣ надобно?

На это каждый отвѣчалъ, что „бунтовать“ онъ не думаетъ, а *надобно* ему лишь исполненіе условій, договоренныхъ администраціей при наймѣ; что желаетъ онъ работать, какъ и прежде, и не согласенъ на прибавку времени. Кромѣ того, одинъ рабочій, отъ имени товарищей, подробно и толково выяснилъ дѣло и высказалъ всѣ требованія. Сдѣланная попытка его арестовать не удалась, благодаря сопротивленію со стороны всей массы рабочихъ.

Въ часъ дня былъ данъ гудокъ на работу, но онъ возымѣлъ какъ разъ обратное дѣйствіе. На слѣдующій день та же исторія, но полицейской ругани уже было не слышно.

Порядокъ среди рабочихъ былъ образцовый. Было очевидно, что кто-то умѣло руководитъ движеніемъ. Рабочіе, стоявшіе до 1 часу передъ мастерскими и требовавшіе уступки, немедленно же разошлись по домамъ, лишь только былъ данъ гудокъ „на работу“. Въ среду та же исторія.

Въ четвергъ сама администрація „прекратила“ работу до конца недѣли подъ предлогомъ „наступленія масленицы“, а въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста рабочіе пошли на работу при старыхъ условіяхъ. Побѣда была одержана, притомъ на казенномъ заводѣ. Кое-кто изъ заводской администраціи получилъ нагоняй за *сочувствіе* къ рабочимъ и за *вмѣшательство въ не свое дѣло*.

Вотъ два, не лишенныхъ важности, событія зимы 94—95 гг. Третьимъ событіемъ была забастовка на бумагопрядильнѣ Воронина.

Среди кружковыхъ рабочихъ наступаетъ пора новыхъ вѣяній. Совершался переломъ. Все сильнѣе и сильнѣе укрѣпляется мысль, что дѣйствительно сознательный рабочій долженъ ближе стоять къ окружающей жизни, долженъ активнѣе относиться къ нуждамъ и требованіямъ массы рабочихъ и къ повседневнымъ нарушеніямъ всякихъ человѣческихъ правъ; что сознательный рабочій долженъ участвовать въ этой окружающей жизни, а не сторониться отъ нея, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Но какъ участвовать? Что дѣлать? На это не получалось еще вполнѣ опредѣленнаго отвѣта.

Весною 1895 года оттѣнки новаго направленія становятся гуще. Раздается уже довольно рѣзкій протестъ противъ прежняго способа веденія дѣла, протестъ противъ безучастія, индиферентизма къ частнымъ случаямъ жизни окружающей массы рабочихъ. Начинается явное неудовлетвореніе „кружковщиной“ и „саморазвитіемъ“. Является жажда новой, плодотворной работы. Очевидно, наступилъ переходъ къ новому—агитаціонному—періоду.

Глава II.

Начало агитаціоннаго періода.

Весной и въ началѣ лѣта 1895 года уже громко раздается протестъ: „Довольно кружковщины!“, „У насъ есть достаточное количество личностей, можно и пора перейти къ агитаціи!“ Послѣ годичнаго мира опять начались пререканія.

— Къ чорту кружки! Они создаютъ лишь умственныхъ эпикурейцевъ. Нужно взамѣнъ ихъ собирать маленькія собранія изъ рабочихъ отъ разныхъ мастерскихъ даннаго завода, а также представителей отъ сосѣднихъ фабрикъ. На этихъ собраніяхъ нужно выяснять и обсуждать свое положеніе, записывать о положеніи дѣлъ тамъ и здѣсь, собирать матеріалы... Надо, по примѣру поляковъ, возможно шире распространять литературу, прямо раскидывая ее по мастерскимъ.—Такъ говорили одни, поддерживаемые соціалдемократами интеллигентами, впослѣдствіи положившими начало „Петербургскому Союзу Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса“.

Другіе же продолжали держаться кружковъ. Споры продолжались все лѣто и затянулись до осени. Споры велись и среди интеллигенціи, работавшей среди рабочихъ. Наконецъ, осенью 1895 года большинство пришло къ такому соглашенію: кружки можно сохранить, но тактику слѣдуетъ измѣнить сообразно назрѣвшимъ потребностямъ времени. Надо начать агитацію, собирая рабочихъ съ сосѣднихъ фабрикъ, а также устраивая собранія представителей разныхъ рабочихъ районовъ. Надо на этихъ собраніяхъ обсуждать общее и частное положеніе рабочаго дѣла. Надо разбрасывать литературу въ возможно большемъ количествѣ. Кружки остаются, но значеніе ихъ измѣняется. Весь смыслъ ихъ отнынѣ—служить школой для подготовки сознательныхъ и образованныхъ агитаторовъ. Внѣ этой задачи, кружки не имѣютъ значенія. Для агитаціи необхо-

димы агитаторы, для выработки послѣднихъ—кружки. Значитъ кружки должны служить цѣлямъ агитаціи.

Дѣло на Торнтоновской фабрикѣ было первымъ поводомъ къ формулированію и примѣненію новой тактики, и опытъ оказался удачнымъ. Но прежде, чѣмъ продолжать свой разсказъ, я упомяну въ немногихъ словахъ о тѣхъ организаціяхъ и группахъ, которыя работали среди рабочихъ и отчасти соперничали между собою. Во главѣ всѣхъ и по талантамъ, и по числу, и по вліянію среди рабочихъ, надо поставить группу такъ называемыхъ „стариковъ", или „старыхъ соціалдемократовъ", или „литераторовъ" по терминологіи другихъ, изъ которой развился „Петербургскій Союзъ Борьбы". Она то и была главной сторонницей новой тактики. Затѣмъ на ряду съ ней существовала другая соціалдемократическая группа „молодыхъ", къ которой, къ несчастію, принадлежалъ извѣстный своимъ предательствомъ зубной врачъ Михайловъ. Обѣ эти группы имѣли сношенія съ рабочими многихъ районовъ. Была небольшая группа, работавшая только за Невской заставой, затѣмъ смѣшанная группа интеллигентовъ различныхъ оттѣнковъ, ограничивавшаяся лишь кружковыми занятіями съ рабочими и не задававшаяся никакими организаціонными цѣлями. Наконецъ, типографская группа народовольцевъ, имѣвшая въ своей средѣ нѣсколько очень видныхъ по своему развитію рабочихъ, но сосредоточившая свои силы главнымъ образомъ на изданіи хорошей рабочей литературы, чѣмъ облегчалось дѣло пропаганды и агитаціи соціалдемократическихъ группъ.

Рабочіе, входившіе въ составъ рабочихъ кружковъ, организованныхъ Ш—вымъ и его товарищами, составляли, какъ было выше упомянуто, особую группу. Эта группа рабочихъ Невской заставы имѣла связи съ только что перечисленными группами соціалдемократовъ. Однако въ своемъ образѣ дѣйствій она была въ значительной степени самостоятельна, находясь подъ вліяніемъ Ш—ва. Онъ былъ ея единственнымъ вождемъ.

Кромѣ этой соціалдемократической группы рабочихъ Невской заставы, въ это время существовала еще особая группа независимыхъ рабочихъ, „дикихъ". Это не было принятымъ ими названіемъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ *такъ* себя называли. Но названіе отвѣчаетъ сущности дѣла, потому я прилагаю его къ нимъ для отличія отъ всѣхъ остальныхъ. „Независимые" организовали свои собственные кружки, которые занимались саморазвитіемъ. Интел-

лигенцію они не подпускали къ себѣ, какъ говорится, на пушечный выстрѣлъ. Они сторонились даже сношеній съ нею, а подчасъ даже и съ другими кружковыми рабочими, имѣвшими связи съ интеллигенціей. Впрочемъ, съ Ш—мъ и еще кой съ кѣмъ имѣлись кой какія сношенія, основанныя скорѣе на личныхъ связяхъ. Во главѣ этого направленія „дикихъ“ стояла довольно характерная и своеобразная личность рабочаго, очень развитаго, но осторожнаго до крайности.

Возвращаюсь къ своему разсказу о торнтоновскомъ дѣлѣ. Положеніе торнтоновскихъ рабочихъ въ описываемое время было по истинѣ кабальное. Гнетъ былъ тѣмъ сильнѣе, что фабрика стоитъ совершенно изолированно на правомъ берегу Невы, какъ разъ противъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ многолюднаго района, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Рабочіе обязаны жить при фабрикѣ въ скверно устроенномъ корпусѣ. Какъ отдѣльныя каморки, такъ и общія казармы (для мужчинъ, для женщинъ и парныя) биткомъ набиты: воздухъ оставляетъ желать много лучшаго. Лавочка фабричная, слѣдовательно, со всѣми „прелестями“. Рабочій день въ то время былъ очень продолжительный. Господствовала особая искусная система штрафовъ. Рабочіе могли отлучаться отъ завода, даже въ праздники, не позже, какъ до 11 часовъ вечера. Иначе запоздавшимъ оставалось хоть ночевать на открытомъ воздухѣ, если сторожъ не захочетъ сдѣлать „одолженіе“.

Въ описываемое время прижимки и надувательства фабричной администраціи перешли всякіе предѣлы. Благодаря заминкѣ въ сбытѣ, придирались къ самымъ пустячнымъ поводамъ, чтобы расчитывать рабочихъ. Расцѣнки на товары понижались самымъ наглымъ образомъ. Напримѣръ, ткался „биберъ“—ткань опредѣленнаго качества и длины, скажемъ, 56 арш. Плата съ куска давалась 4 р. 32 к. Черезъ нѣсколько времени администрація фабрики объявляла, что на „биберъ“ мода прошла. Требуется, молъ, „уралъ“, а цѣна съ каждаго куска будетъ 4 р. 14 к. Рабочіе соглашались работать. Что же оказывалось?—*Новая* ткань была въ сущности тѣмъ же „биберомъ“, только длина куска увеличивалась аршина на 4—6! Въ результатѣ проценты для хозяевъ получались во истину восхитительные. Господамъ Торнтонамъ было тѣмъ легче практиковать всякія надувательства, что рабочіе были очень неразвиты и забиты, а „казарма“ и „лавочка“ держали ихъ въ тискахъ.

Но мало-по-малу у развитыхъ и организованныхъ рабочихъ изъ-за Невской заставы завязались съ торнтоновцами сношенія. Нѣкоторые изъ первыхъ прямо приходили въ казармы къ Торнтону и спеціально бесѣдовали кое съ кѣмъ изъ тамошнихъ рабочихъ. Благодаря опросамъ, удалось завязать знакомство и заполучить многія цѣнныя свѣдѣнія. На одномъ изъ рабочихъ собраній представителемъ отъ наиболѣе вліятельной соціалдемократической группы интеллигентовъ были окончательно собраны всѣ необходимыя свѣдѣнія о Торнтонѣ. На этомъ собраніи былъ также окончательно выясненъ и рѣшенъ общій образъ дѣйствій и отношеніе къ кружкамъ. Послѣ горячаго спора представителей группы рабочихъ района Невской заставы съ представителемъ отъ группы интеллигентовъ, „старыхъ соціалдемократовъ“, иначе „литераторовъ“, было рѣшено начать примѣнять новую тактику массовой агитаціи на основаніи насущныхъ потребностей рабочихъ той или иной фабрики. Агитація должна была вестись путемъ печатанія и разбрасыванья по фабрикамъ листковъ съ изложеніемъ положенія рабочихъ той или иной фабрики и съ ихъ требованіями опредѣленныхъ перемѣнъ.

Листки съ изложеніемъ положенія дѣлъ и требованій торнтоновскихъ рабочихъ были разбросаны по мастерскимъ и корпусамъ фабрики и произвели огромное впечатлѣніе на рабочихъ. 5-го ноября забастовало 500 ткачей. Прибывшій въ тотъ же день фабричный инспекторъ пытался „убѣдить“ рабочихъ, но они стояли на своемъ. Наконецъ, имъ была сдѣлана маленькая уступка, и 8 ноября они снова принялись за работу. Рабочіе успокоились на время, но полиція рвала и метала въ поискахъ „подстрекателей“. Однако на этотъ разъ „виновныхъ“ не нашли, хотя было арестовано нѣсколько человѣкъ. Но ихъ выпустили за недостаткомъ уликъ. Почти одновременно съ этими арестами былъ выпущенъ новый листокъ, который можетъ служить хорошимъ образчикомъ немногихъ листковъ, изданныхъ до перваго провала группою „старыхъ соціалдемократовъ“, среди руководителей которыхъ были и будущіе основатели группы и газеты „Искра“. Привожу этотъ листокъ.

Рабочіе и работницы фабрики Торнтона!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всѣхъ насъ памятными днями. Ткачи своимъ дружнымъ отпоромъ хозяйской прижимкѣ доказали, что въ нашей средѣ въ трудную минуту еще находятся люди, умѣющіе постоять за наши общіе рабочіе интересы, что еще

не удалось нашимъ добродѣтельнымъ хозяевамъ превратить насъ окончательно въ жалкихъ рабовъ ихъ бездоннаго кошелька. Будемтеже, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линію до конца, будемъ помнить, что улучшить свое положеніе мы можемъ только общими дружными усиліями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь въ ловушку, которую вамъ подстроили гг. Торнтоны. Они разсуждаютъ такимъ образомъ: «теперь время заминки въ сбытѣ товаровъ, такъ что при прежнихъ условіяхъ работы на фабрикѣ не получить намъ нашего прежняго барыша... А на меньшій мы не согласны... Стало быть, надо будетъ поналечь на рабочію братію, пусть-ка они своими боками поотдуваются за плохія цѣны на рынкѣ... Только дѣльце это надо обстроить не кое-какъ, а съ умѣньемъ, чтобы рабочій по своей простотѣ и не понялъ, какую закуску мы ему подготавливаемъ... Затронь всѣхъ сразу, — сразу всѣ и поднимутся, ничего съ ними не подѣлаешь, а вотъ мы сначала объегоримъ бѣдняковъ-ткачишекъ, тогда и прочіе не увернутся... Стѣсняться съ этими людишками мы не привыкли, да и къ чему? У насъ новыя метлы чище метутъ...» Итакъ, заботливые о благахъ рабочихъ хозяева потихоньку да полегоньку хотятъ приготовить для рабочихъ всѣхъ отдѣленій фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткачей.. Поэтому, если мы всѣ останемся безучастны къ судьбѣ нашего ткацкаго отдѣленія, то мы выроемъ своими собственными руками яму, въ которую въ скоромъ времени швырнутъ и насъ. Ткачи зарабатывали въ послѣднее время, почитай что на кругъ, по 3 р. 50 к. въ полумѣсяцъ, въ теченіе этого же времени они ухищрялись жить семьями въ 7 человѣкъ на 5 р., семьей же изъ мужа, жены и ребенка—всего на 2 р. Они поспустили послѣднюю одежонку, прожили послѣдніе гроши, пріобрѣтенные адскимъ трудомъ въ ту пору, когда благодѣтели Торнтоны наращивали милліоны на свои милліоны. Но и этого всего было мало, и на ихъ глазахъ выкидывались за ворота все новыя и новыя жертвы хозяйскаго корыстолюбія, а прижимка росла своимъ чередомъ съ самой безсердечной жестокостью... Въ шерсть стали валять безъ всякихъ оговорокъ поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на полученіе основы, будто нечаянно, увеличились, наконецъ, стали прямо сбавлять рабочіе часы, а теперь вводятъ куски изъ 5 шницъ вмѣсто 9, чтобы ткачъ почаще возился съ хлопотами по полученію и заправкѣ основъ, за которыя, какъ извѣстно, онъ не получаетъ ни гроша. Изморомъ хотятъ извести ткачей и заработокъ къ 1 р. 62 к. въ полумѣсяцъ, который уже сталъ появляться въ разсчетныхъ книжкахъ нѣкоторыхъ ткачей, можетъ стать въ скоромъ времени общимъ заработкомъ ткацкаго отдѣленія. — Товарищи, хотите-ли и вы дождаться такой хозяйской ласки? А если нѣтъ, если еще, наконецъ, не со-

всѣмъ окаменѣли ваши сердца такихъ же, какъ и мы, бѣдняковъ, сплотимтесь дружно около нашихъ ткачей, выставимъ наши общія требованія и при каждомъ удобномъ случаѣ станемъ отвоевывать себѣ лучшую долю у нашихъ угнетателей. Рабочіе прядильнаго отдѣленія, не самообольщайтесь устойчивостью и нѣкоторымъ повышеніемъ вашего заработка... Вѣдь почти $^2/_3$ вашего брата уже разсчитаны съ фабрики, и вашъ лучшій заработокъ купленъ цѣною голода выкинутыхъ за ворота вашихъ же прядильщиковъ. Это опять-таки хитрая уловка хозяевъ и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отдѣленіе прежде и сколько оно вырабатываетъ теперь.—Рабочіе новой красильни! Вы вырабатываете цѣной 14 съ $^1/_4$ ч. ежедневнаго труда, пронизываемые съ ногъ до головы убійственными испареніями красокъ, уже и теперь 12 р. въ мѣсяцъ. Обратите вниманіе на наши требованія: мы хотимъ положить конецъ и тѣмъ незаконнымъ вычетамъ, которые производятся съ васъ за неумѣлость вашего мастера.—Чернорабочіе и вообще всѣ неспеціальные рабочіе фабрики, неужели вы надѣетесь удержать свои 60—80 к. поденныхъ, когда спеціалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. въ сутки?—Товарищи, не будьте слѣпыми, не попадайте въ хозяйскую ловушку, крѣпче стойте другъ за друга, иначе всѣмъ намъ плохо придется въ эту симу. Самымъ зоркимъ образомъ должны мы всѣ слѣдить за маневрами нашихъ хозяевъ по части пониженія расцѣнокъ и сопротивляться всѣми силами этому гибельному для насъ стремленію... Будте глухи ко всѣмъ ихъ отговоркамъ о плохихъ дѣлахъ: для нихъ это только меньшая прибыль на ихъ капиталъ, для насъ—это голодныя страданія нашихъ семей, лишеніе послѣдняго куска чернаго хлѣба, а развѣ можно положить то и другое на одни и тѣ же вѣсы? Теперь жмутъ въ первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) повышенія ткацкихъ расцѣнокъ до ихъ весенней величины, т. е. приблизительно на 6 коп. на шпицъ;

2) чтобы исполняли и для ткачей законъ о томъ, что рабочему должна быть передъ началомъ работы объявлена величина того заработка, на который онъ идетъ. Пусть табель, подписанная фабричнымъ инспекторомъ, не будетъ только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, какъ того требуетъ законъ. Для ткацкой, напримѣръ, работы должны быть къ существующей расцѣнкѣ добавлены указанія о качествѣ шерсти, количествѣ въ ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распредѣлено такъ, чтобы съ нашей стороны не являлось невольныхъ прогуловъ; теперь, напримѣръ, подстроили такъ, что ткачъ на каждомъ кускѣ теряетъ день на полученіе основы, а такъ какъ кусокъ станетъ меньше почти

вдвое, то ткачъ и на этомъ будетъ нести, независимо отъ табели расцѣнокъ, двойную потерю. Хочетъ у насъ хозяинъ грабить заработокъ, такъ пусть идетъ въ чистую, такъ чтобы мы твердо знали, что отъ насъ хотятъ отжилить;

4) фабричный инспекторъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ расцѣнкахъ не было обмана, чтобы онѣ не были двойными. Это значитъ, напримѣръ, что въ табели расцѣнокъ не должно за одинъ и тотъ же сортъ товара, но только съ различными названіями, допускать двухъ различныхъ цѣнъ. Напримѣръ, биберъ мы ткали по 4 р. 32 к. а уралъ всего 4 р. 14 к.—а развѣ по работѣ это не одно и то же? Еще болѣе наглымъ надувательствомъ является двойная цѣна работы при товарѣ одного наименованія. Такимъ путемъ гг. Торнтоны обходили законы о штрафахъ, въ которыхъ сказано, что штрафъ можно наложить только за такую порчу работы, которая зависѣла отъ небрежности рабочаго, въ такомъ случаѣ вычетъ долженъ заноситься въ рабочую книжку подъ графою штрафа не позже трехъ дней со дня его наложенія. Всѣ же штрафы вмѣстѣ должны находиться въ строгомъ отчетѣ, и сумма, изъ нихъ составленная, не можетъ итти въ карманъ фабриканта, а должна итти на нужды рабочихъ этой фабрики. А у насъ—посмотрите въ наши книжки—чисто, можно подумать, что наши хозяева изо всѣхъ хозяевъ предобрѣйшіе. На самомъ же дѣлѣ они обходятъ по нашему незнанію законъ и ловко обстраиваютъ свои дѣлишки... Насъ, видите ли, не штрафуютъ, а у насъ производятъ вычетъ, платя по меньшей расцѣнкѣ, и пока существовали двѣ расцѣнки — меньшая и большая — придраться къ нимъ никакъ нельзя, а они себѣ вычитаютъ да вычитаютъ въ свой карманъ.

5) Вмѣстѣ съ введеніемъ одной расцѣнки, пусть каждый вычетъ заносится въ графу штрафомъ съ обозначеніемъ, почему онъ произведенъ.

Тогда намъ будетъ видна неправильная штрафовка, меньше будетъ пропадать даромъ нашего труда и уменьшится число такихъ безобразій, которыя творятся въ настоящее время, напримѣръ, въ красильной, гдѣ рабочіе вырабатывали меньше по винѣ неумѣлаго мастера, что по закону не можетъ быть причиной неоплаты труда, такъ какъ тутъ небрежность рабочаго не при чемъ. А мало ли у всѣхъ насъ такихъ вычетовъ, въ которыхъ мы ничуть не виноваты?

6) Мы требуемъ, чтобы за квартиру съ насъ брали столько, сколько брали до 1891 года, т. е. по 1 р. съ человѣка въ мѣсяцъ, потому что платить 2 рубля при нашемъ заработкѣ положительно не изъ чего, да и за что?... За эту грязную, вонючую, тѣсную и опасную въ пожарномъ отношеніи конуру? Не забывайте, товарищи, что во всемъ Питерѣ плата по 1 р. въ мѣсяцъ считается достаточной, только одни наши заботливые хозяева не довольствуются

ею и мы должны ихъ заставить прекратить и здѣсь свою алчность. Защищая свои требованія, товарищи, мы вовсе не бунтуемъ, мы только требуемъ, чтобы намъ дали то, чѣмъ пользуются уже всѣ рабочіе другихъ фабрикъ по закону, что отняли у насъ, надѣясь лишь на наше неумѣніе отстоять свои собственныя права. Докажемъ же на этотъ разъ, что наши «благодѣтели» ошиблись.

10 ноября произошелъ такъ называемый „бунтъ“ папиросницъ у Лаферма. Волненія происходили еще въ августѣ. Введенныя только что машины сильно увеличили количество брака, а браковка производилась со всякими плутнями и придирками. И зачастую „бракованныя“ папиросы продавались за первый сортъ. Выведенныя изъ терпѣнія непосильными штрафами, браковкой, низкой платой и грубымъ обращеніемъ, работницы рѣшили бастовать. Забастовка вышла бурная: стекла бились, выламывались рамы; папиросная бумага, табакъ, обломки мебели летѣли на улицу... Требовали уничтоженія штрафовъ и недобросовѣстной браковки. Въ результатѣ — жандармы, полиція, пожарныя трубы, плоскія выходки градоначальника Валя, аресты, это—съ одной стороны; съ другой стороны,—циркуляръ фабричной инспекціи, запрещающій фабрикантамъ произвольно браковать товаръ и приказывающій записывать штрафныя суммы въ шнуровую книгу и употреблять ихъ на нужды рабочихъ.

Вскорѣ послѣ этого происходила трехдневная стачка на фабрикѣ „Т-ва механическаго производства обуви“, сопровождавшаяся уступками администраціи.

Листки, а потомъ уступки производили какое то магическое дѣйствіе на рабочихъ: подымалась энергія, появлялась вѣра въ возможность бороться, вѣра въ силу массового натиска и въ силу единенія. Дѣло объединенія рабочихъ разныхъ районовъ Петербурга и созданія общей организаціи подвигалось впередъ. Настроеніе среди организованныхъ рабочихъ было самое бодрое. Наконецъ-то найдено средство примѣнять свои силы, развитіе и знанія, накопившіяся за время чисто кружковой жизни. На одномъ изъ собраній, происходившемъ въ ноябрѣ, было до 10 представителей отъ разныхъ рабочихъ районовъ и отъ соціалдемократической группы „стариковъ“. На собраніи сообщалось о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ, въ различныхъ его районахъ и въ отдѣльныхъ заведеніяхъ: каково тамъ положеніе труда и условія работы, отношеніе адми-

нистраціи и рабочихъ другъ къ другу? Гдѣ особенно замѣчается недовольство, причины и слѣдствія ихъ? Гдѣ имѣются связи и можно ли надѣяться на хорошій успѣхъ агитаціи? На этомъ же собраніи былъ поставленъ вопросъ объ общей петербургской рабочей кассѣ, т. е. возобновленіи и дальнѣйшемъ развитіи года уже полтора прекратившей свое существованіе „Объединенной кассы петербургскихъ рабочихъ“. Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ со стороны рабочихъ района Невской заставы. Они настаивали на организаціи общей самостоятельной боевой рабочей кассы, и въ подтвержденіе ея цѣлесообразности говорили, что такая касса послужитъ средствомъ для дальнѣйшаго объединенія рабочихъ, какъ кружковыхъ, такъ и единицъ изъ остальной массы. Представители же отъ группы интеллигентовъ, отрицая значеніе этой кассы, какъ средства объединенія рабочихъ, проводили идею, чтобы всѣ деньги шли къ нимъ, въ соціалдемократическую кассу, и оттуда выдавались бы членамъ мѣстныхъ группъ на нужды ихъ района. Разговоры о кассѣ ни къ чему рѣшительному не привели, всякій остался при своемъ мнѣніи, а группа рабочихъ Невской заставы рѣшила основать свою особую районную рабочую кассу.

Благодаря провокаторству зубного врача Михайлова, 8-го декабря и 4-го января 1896 г. были произведены большіе аресты. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ захваченъ и совершенно готовый къ печати № 1 „Рабочаго Дѣла“, газеты, которую предполагала издавать группа „старыхъ“ соціалдемократовъ. Аресты захватили въ общей сложности 115 человѣкъ. Но полиція и жандармерія очень ошиблись въ своемъ расчетѣ: массового движенія не задавишь арестомъ отдѣльныхъ личностей. И дѣйствительно, движеніе не только не улеглось, но разлилось, словно пожаръ, по всему Петербургу, по всѣмъ его районамъ. Этому въ высшей степени способствовала усвоенная тактика широкой агитаціи путемъ листковъ, которые стали уже во множествѣ появляться отъ имени „С.-Петербургскаго Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. Вотъ прокламація, которою Союзъ оффиціально объявилъ 15 декабря 1895 г. о своемъ существованіи:

Отъ Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

«Товарищи и рабочіе!

Стачки послѣдняго времени привели въ необычайное смущеніе нашихъ капиталистовъ хозяевъ. Съ ужасомъ увидали они, что не-

тербургскіе рабочіе начинаютъ бороться противъ невыносимаго гнета. Подъ вліяніемъ страха, Товарищества Лафермъ и Торнтонъ попытались кое-какими уступками успокоить выведенныхъ изъ терпѣнія рабочихъ; при видѣ волненія, вызваннаго на Путиловскомъ заводѣ листками, заводское управленіе поспѣшило уменьшить объявленную сбавку. Сама фабричная инспекція стала тщательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, и на дняхъ въ особомъ циркулярѣ фабричный инспекторъ призналъ незаконность тѣхъ браковокъ, противъ которыхъ поднялись мастерицы фабрики Лафермъ. Но уступивъ тамъ, гдѣ опасно было не уступать, капиталисты обратились къ правительству за помощью противъ осмѣлившихся пошевелиться рабочихъ. Вѣрныя своему долгу—оберегать интересы богачей, власти горячо принялись за дѣло, чтобы на будущее время избавить гг. Торнтоновъ отъ непріятныхъ уступокъ ненавистнымъ рабочимъ. Какъ же сдѣлать, чтобы впредь не было такихъ стачекъ? По мнѣнію жандармовъ, стачки и безпорядки вызываются не нищетой и страданіями тѣхъ, чьимъ трудомъ живетъ все общество, по мнѣнію ихъ, все это дѣло «подстрекателей», безпокойныхъ людей. Еще-бы. Кто, какъ не «подстрекатели», распространяютъ при каждой новой прижимкѣ тѣ воззванія, отъ одного вида которыхъ у капиталистовъ дыбомъ встаютъ волосы?

И вотъ, чтобы разомъ вырвать съ корнемъ зло, въ ночь съ 8 на 9 декабря по всѣмъ концамъ города жандармы произвели набѣги. Десятки подозрѣваемыхъ людей брошены въ тюрьмы, фабрики наводнены шпіонами. «Порядокъ водворенъ, стачекъ больше не будетъ, листки исчезнутъ»,—такъ думаютъ капиталисты въ то время, какъ ихъ полицейскіе друзья облизываются при мысли о предстоящей праздничной наградѣ за дикое усердіе. Сейчасъ же послѣ арестовъ гг. Торнтоны выбрасываютъ передъ праздниками на улицу нѣсколько десятковъ ткачей изъ числа стачечниковъ, вымещая на нихъ свою вынужденную уступчивость. Новый градоначальникъ любезно предлагаетъ имъ единственную помощь — даровой билетъ на родину, въ голодающую деревню. Денежный кошель и полицейскій мундиръ не знаютъ жалости. Тѣмъ не менѣе стачки не прекращаются. Поговариваютъ о новыхъ волненіяхъ на фабрикѣ Лафермъ, о стачкѣ на лѣсопилкѣ Лебедева и на Самсоньевской мануфактурѣ. А листки появляются по прежнему, читаются и встрѣчаютъ повсюду сочувствіе и Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса, который ихъ распространяетъ, остается невредимъ и будетъ продолжать свое дѣло. Полиція ошиблась въ адресѣ. Арестами и высылками не подавятъ рабочаго движенія: стачки и борьба не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто полное освобожденіе рабочаго класса изъ подъ гнета капитала.

Товарищи, будемъ же по прежнему дружно защищать свои интересы!

Дня черезъ 3—4 или около того, Союзъ выпустилъ большой листокъ „ко всѣмъ Петербургскимъ рабочимъ“, въ которомъ излагались событія послѣднихъ мѣсяцевъ и указывалось, какъ ведутъ себя относительно рабочихъ капиталисты, фабричные инспектора, градоначальникъ и вообще полиція.

«Присмотритесь къ своей жизни, товарищи, — говорится въ концѣ листка, — и вы увидите, что условія жизни всѣхъ насъ плохи. Развѣ не совершается уже 2—3 года постоянное, быстрое пониженіе платы на Путиловскомъ заводѣ, развѣ у Максвеля не дѣлаютъ того же, что у Торнтона, пуская подъ видомъ новаго сорта, съ болѣе дешевой оплатой труда, старый сортъ ткани, развѣ на казенныхъ заводахъ, на Балтійскомъ, Александровскомъ, Патронномъ, въ Порту не уменьшаютъ заработки тѣмъ или инымъ способомъ?

Всюду одно и то же, пусть же всюду рабочіе слѣдуютъ примѣру своихъ товарищей, работающихъ у Торнтона, Лаферма и т. д. Насъ вездѣ норовятъ прижать — будемте повсюду давать отпоръ. Не потому ли мы до сихъ поръ такъ мало боролись со своими хозяевами, что слишкомъ еще мало столковались между собою, слишкомъ еще мало между нами единенія, слишкомъ мало вѣры въ то, что сообща сумѣемъ добиться лучшей доли, что въ соединеніи наша сила? При каждомъ новомъ набѣгѣ нашихъ благодѣтелей на наши карманы будемъ сговариваться о томъ, какъ дать отпоръ, будемъ бороться единодушно, не будемъ прекращать борьбы, пока не добьемся своего. Чтобы избѣжать поводовъ для вмѣшательства грубой военной силы, будемъ вести свою борьбу спокойно, безъ безпорядковъ и насилій.

Держитесь дружно, товарищи! Не давайте себя въ обиду и пусть всякая новая прижимка хозяевъ застигнетъ васъ единодушными и готовыми бороться...

Отъ Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ зимы въ началѣ 1896 года. Однако, я не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ событіяхъ, а главное о томъ общемъ настроеніи, которое складывалось среди петербургскихъ рабочихъ подъ вліяніемъ агитаціонной дѣятельности Союза. Отдѣльныя забастовки были на ткацкой фабрикѣ Лебедева, у Кенига, на Сампсоньевской мануфактурѣ, на бумагопря-

дильнѣ Воронина, въ Новомъ Адмиралтействѣ, на Александровскомъ чугунномъ заводѣ (въ апрѣлѣ), опять у Воронина (въ апрѣлѣ же), на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ (5 апрѣля), на Калинкинской мануфактурѣ, въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги, на Балтійскомъ судостроительномъ, вновь у Лаферма... Всякій разъ или до стачки или во время и послѣ ея на сцену выступали листки Союза съ изложеніемъ дѣла и требованій рабочихъ и съ приглашеніемъ твердо и дружно, стоять за рабочее дѣло. Союзъ старался не пропустить ни одного случая безобразій фабричной жизни, чтобы не указать на него рабочимъ. Попутно на примѣрахъ разъяснялась и та роль, которую играютъ правительственныя власти во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Впрочемъ, пока дѣло ограничивалось лишь указаніемъ на роль полиціи, жандармеріи и фабричныхъ инспекторовъ, ибо съ представителями высшей власти рабочіе столкнулись лицомъ къ лицу лишь во время лѣтнихъ стачекъ 1896 года, о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Надо замѣтить, что репутація Союза гремѣла по всему Петербургу и о листкахъ шли разговоры по всѣмъ фабрикамъ. Рабочіе тѣхъ фабрикъ, гдѣ не было никого, кто бы имѣлъ сношенія съ Союзомъ, молили всѣхъ боговъ, чтобы и къ нимъ какъ-нибудь проникли „студенты“ со своими листками.

Вотъ какъ сами рабочіе описываютъ день перваго появленія листковъ на какой-нибудь фабрикѣ: „Съ самаго утра начинается необычное праздничное оживленіе. „Листки!“ слышится то шопотомъ, то вполголоса. Тутъ и тамъ кучки, происходитъ чтеніе вслухъ. Кучки дѣлаются все гуще и гуще. „Ловко!“ „Такъ такъ!“ „Совершенно вѣрно!“ и другіе возгласы прерываютъ чтеніе. „Къ директору! послать къ директору!“ Но... посылать не приходится. Заводскіе ищейки уже все пронюхали и донесли, кому слѣдуетъ. Начинается переполохъ. Мастера, директора, хозяинъ—все приходитъ въ движеніе. Посылаются гонцы во всѣ стороны—къ жандармамъ, въ полицію, къ фабричному инспектору. Впрочемъ послѣдніе иногда даже предупреждаютъ приглашеніе, ибо Союзъ потомъ усвоилъ обыкновеніе разсылать листки по почтѣ фабричнымъ инспекторамъ, въ жандармское управленіе и градоначальнику, иногда министрамъ.

На заводъ наѣзжали власти всѣхъ сортовъ. На глазахъ у рабочихъ фабричная инспекція и жандармскій пол-

ковникъ производили изслѣдованія, пробовали тухлую некипяченую воду въ бакахъ, свѣшивали гири, провѣряли вѣсы, мѣряли куски... Словомъ, эффектъ получался полный. Настроеніе у рабочихъ было самое радостное, особенно когда послѣ всей этой встряски уничтожались уже очень очевидныя злоупотребленія.

Во время стачки обыкновенно рабочими посылался листокъ къ директору чрезъ сторожа или какого-либо мелкаго служителя. Рабочіе воздерживались отъ единоличнаго разговора съ заводскими или съ полицейскими властями; и если ихъ спрашивали, чего вамъ надо, то обыкновенно всѣ кричали: „все, что надо, прописано, читайте сами". Если же власти задавали вопросы, на которые приходилось отвѣчать, то у рабочихъ выработался обычай: отвѣчающаго окружала густая толпа, чтобы не видно было его лица, чтобы не могли его расчитать.

Я приведу еще разсказъ одной знакомой, очень хорошо характеризующій то впечатлѣніе, которое производили листки и всѣ слѣдующія за ними передряги даже на пожилыхъ и отупѣвшихъ на фабричной работѣ рабочихъ. Моя знакомая какъ то увидѣла у своей кухарки ея брата, рабочаго съ прядильной фабрики. Онъ былъ совсѣмъ не затронутый пропагандой и пожилыхъ лѣтъ. Моя знакомая разговорилась съ нимъ о его работѣ и пр. И тутъ то рабочій разошелся.

— Вы подумайте, какія у насъ времена-то!—разсказывалъ рабочій. — Раньше мы работали, работали, свѣту не видѣли. Своими глазами видишь, какъ надуваютъ, а что подѣлаешь? Теперь не то! Теперь какъ пріѣдетъ инспекція, да полковникъ, да начнутъ вездѣ нюхать —администрація то на цыпочкахъ заходитъ. Чудно! Прежде тамъ и тутъ видишь прижимку, фальшъ—вниманія не обращаешь, привыкли! А теперь малый мальчишка пархатый, и тотъ вездѣ все замѣтитъ, да подмѣтитъ. Въ Союзъ, слышишь-ли, говоритъ, надо дать знать.

— Кто же распространяетъ листки?

— Студенты, надо полагать. Дай, Господи, добраго здоровья тѣмъ людямъ, которые эти листки печатаютъ.

И рабочій истово перекрестился.

Особенно много шума надѣлалъ майскій листокъ Союза, распространенный 19 апрѣля (96 г.) въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ, гдѣ только имѣлись связи. Многіе рабочіе потомъ говорили, что если бы не майскій листокъ, то, можетъ быть, не

было бы и лѣтнихъ стачекъ. Вѣроятно, это мнѣніе преувеличено, но оно характерно. Привожу этотъ листокъ.

Рабочій праздникъ перваго мая (по нашему 19 апрѣля).

Товарищи, посмотримъ внимательно на наше положеніе; оглянемся на ту обстановку, гдѣ мы проводимъ свою жизнь. Что мы увидимъ? Мы работаемъ много, мы создаемъ несмѣтныя богатства, золото и ткани, парчу и бархатъ, добываемъ изъ нѣдръ земли желѣзо и уголь, строимъ машины, сооружаемъ корабли и дворцы, проводимъ желѣзныя дороги. Все богатство міра создано нашими руками, добыто нашимъ потомъ и кровью. Какую же мзду получаемъ мы за нашъ каторжный трудъ? — По справедливости мы должны бы жить въ хорошихъ квартирахъ, носить хорошее платье и ужъ во всякомъ случаѣ не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ. Но всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что нашей заработной платы хватаетъ едва на то, чтобы существовать. Наши хозяева понижаютъ расцѣнки, заставляютъ работать сверхурочное время, несправедливо штрафуютъ, словомъ притѣсняютъ насъ всячески, а въ случаѣ неудовольствія съ нашей стороны, разсчитываютъ безъ разсужденія.

Мы много разъ убѣждались, что всѣ, къ кому мы обращались за защитой, оказываются прислужниками и друзьями хозяевъ. Насъ рабочихъ держатъ во тьмѣ, намъ не даютъ знанія, чтобы мы не надѣялись бороться за улучшеніе своего положенія. Насъ держатъ въ неволѣ, прогоняютъ съ работы, высылаютъ и арестуютъ всякаго, кто дастъ отпоръ притѣсненіямъ, намъ запрещаютъ бороться. Тьма и неволя—вотъ тѣ средства, которыми держатъ насъ въ угнетеніи капиталисты и все дѣлающее въ угоду имъ правительство. Какое же есть у насъ средство, чтобы улучшить свое положеніе, повысить заработную плату, сократить рабочій день, защититься отъ оскорбленій, читать умныя книги? Противъ насъ всѣ — и хозяева, потому что имъ жить тѣмъ лучше, чѣмъ хуже намъ, и всѣ ихъ прислужники, всѣ тѣ, кто живетъ подачками капиталистовъ и въ угоду имъ держитъ насъ въ невѣжествѣ и неволѣ. Намъ неоткуда ждать помощи, мы можемъ надѣяться только на самихъ себя. Наша сила въ единеніи, наше средство—*дружное, единодушное и упорное сопротивленіе хозяевамъ.* Они-то давно уже поняли, въ чемъ наша сила и всячески стараются разъединить насъ, не дать намъ понять, что у насъ рабочихъ одни общіе интересы. Они понижаютъ расцѣнки, но не всѣмъ сразу, а по одиночкѣ; заводятъ старшихъ; вводятъ поштучную плату, а сами, посмѣиваясь въ бороду, видя, какъ нашъ братъ надрывается надъ работой, исподволь понижаютъ расцѣнки. Ну да не все же коту масленица! Всякому

терпѣнію бываетъ конецъ. Въ минувшемъ году русскіе рабочіе показали своимъ хозяевамъ, что покорность рабовъ смѣняется въ нихъ стойкимъ мужествомъ людей, неподдающихся наглости жадныхъ до дарового труда капиталистовъ. Въ разныхъ городахъ возникло множество стачекъ: въ Ярославлѣ, Тейковѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Большинство стачекъ кончилось удачно для рабочихъ; но и неудачныя стачки неудачны только повидимому. На самомъ дѣлѣ онѣ страшно пугаютъ хозяевъ, приносятъ имъ большіе убытки и заставляютъ изъ страха передъ новой стачкой итти на уступки. Фабричные инспектора тоже начинаютъ суетиться и замѣчать бревна въ глазу фабрикантовъ. Они бываютъ слѣпы до тѣхъ поръ, пока рабочіе стачкой не откроютъ имъ глаза. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить фабричнымъ инспекторамъ безобразіе на фабрикѣ такихъ вліятельныхъ особъ, какъ господинъ Торнтонъ, или акціонеры Путиловскаго завода? Надѣлали мы хлопотъ хозяевамъ и у насъ въ Петербургѣ. Стачка ткачей у Торнтона, папиросницъ у Лаферма, прядильщиковъ у Лебедева, на фабрикѣ механическаго производства обуви, волненія рабочихъ у Кенига, Воронина и въ Порту показали, что мы перестали быть безотвѣтными страстотерпцами и принялись за борьбу. Какъ извѣстно, рабочіе изъ многихъ фабрикъ и заводовъ образовали у насъ *Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса*, съ цѣлью разоблачать всѣ злоупотребленія, искоренять безобразія, бороться съ наглыми притѣсненіями и прижимками нашихъ безсовѣстныхъ эксплуататоровъ хозяевъ и добиться полнаго освобожденія отъ ихъ власти. Союзъ распространяетъ листки, при видѣ которыхъ трепещутъ сердца хозяевъ и ихъ прислужниковъ-властей. Не листки имъ страшны, а возможность нашего дружнаго сопротивленія, проявленія нашей могучей силы, которую мы имъ не разъ показали. Мы, петербургскіе рабочіе, члены *Союза*, приглашаемъ всѣхъ остальныхъ нашихъ товарищей присоединиться къ *нашему союзу* и способствовать великому дѣлу объединенія рабочихъ для борьбы за свои интересы. Пора и намъ, русскимъ рабочимъ, разорвать цѣпи, которыми спутали насъ капиталисты и правительство, чтобы держать въ угнетеніи, пора и намъ присоединиться къ борьбѣ нашихъ братьевъ-рабочихъ другихъ государствъ, стать съ ними подъ общее знамя, на которомъ написано: *Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!*

Во Франціи, Англіи, Германіи и другихъ странахъ, гдѣ рабочіе уже объединились въ сильные союзы и завоевали себѣ много правъ, они устраиваютъ 19 апрѣля (по заграничному перваго мая) всеобщій праздникъ труда.

Бросивъ душныя фабрики, они, съ музыкой и знаменами, стройными толпами проходятъ по главнымъ улицамъ города, показывая

хозяевамъ все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленныя и многолюдныя собранія, гдѣ говорятъ рѣчи, пересчитывая побѣды надъ хозяевами, одержанныя въ минувшемъ году и намѣчая планы борьбы въ будущемъ.

Подъ страхомъ стачки ни одинъ хозяинъ не штрафуетъ рабочихъ неявившихся въ этотъ день на работу. Въ этотъ день рабочіе напоминаютъ также хозяевамъ свое главное требованіе: ограниченія рабочаго дня 8 часами: 8 часовъ работы, 8 часовъ сна и 8 часовъ отдыха. Вотъ о чемъ заявляютъ теперь рабочіе другихъ государствъ. Было время, и не такъ давно, когда они такъ же, какъ мы теперь, не имѣли права заявлять о своихъ нуждахъ, такъ же были подавлены нуждой и разъединены, какъ мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себѣ право обсуждать сообща свое рабочее дѣло. Пожелаемъ же нашимъ братьямъ въ другихъ странахъ, чтобы борьба привела ихъ скорѣе къ желанной побѣдѣ, къ тому времени, когда не будетъ ни господъ, ни рабовъ, ни рабочихъ, ни капиталистовъ, а всѣ будутъ одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи! Если мы будемъ дѣйствовать дружно и единодушно, то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись въ стройные ряды, будемъ въ состояніи открыто присоединиться къ этой общей борьбѣ всѣхъ рабочихъ всѣхъ странъ безъ различія вѣры и племени противъ всѣхъ капиталистовъ всего міра. И подымется наша мускулистая рука, и падутъ позорныя цѣпи неволи; подымется на Руси рабочій народъ и затрепещутъ сердца капиталистовъ и всѣхъ прочихъ враговъ рабочаго класса.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.
19 апрѣля, 1896 года.

Такимъ путемъ Союзъ Борьбы велъ свою работу, пользуясь всякими случаями, чтобы сдѣлать сознательной и планомѣрной начавшуюся борьбу рабочихъ. Союзъ указалъ рабочимъ, какъ бороться, научилъ рабочихъ формулировать ихъ требованія,—въ этомъ была его великая заслуга.

ГЛАВА III.

Петербургскія лѣтнія стачки 1896 г.

«...Жаль, что у насъ трудно устраивать кассы на случай стачки. Будь у насъ хлѣбъ, мы не прекратили бы стачки и царское правительство не могло бы похвастать своими разумными мѣрами». (Слова одного рабочаго).

Весна была въ полномъ разгарѣ. Приближалось лѣто. Пришло торжество коронаціи, стоившее тысячъ искалѣченныхъ труповъ и нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей. Не успѣлъ еще слухъ о московскихъ кровавыхъ событіяхъ облетѣть всю Россію, какъ разразились петербургскія стачки.

Почвой для стачекъ были давно уже ставшія невыносимыми условія труда на бумаго-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ Петербурга. Хотя въ теченіе года, благодаря частичнымъ забастовкамъ и листкамъ, уничтожены были кое-какія вопіющія безобразія, но низкій заработокъ и длинный рабочій день оставались по прежнему. Между тѣмъ, рабочіе уже нѣсколько искусились въ борьбѣ... Непосредственнымъ толчкомъ, поводомъ и предлогомъ къ забаставкамъ были вынужденно-безработные коронаціонные дни, за которые фабриканты отказались выдать обычную заработную плату.

Эти стачки, какъ и большинство массовыхъ движеній, начались и шли какъ то стихійно, выдвигая временныхъ вождей изъ рабочей среды. Хотя Союзъ, благодаря агитаціонной работѣ въ теченіе цѣлой зимы, и далъ рабочимъ методъ борьбы, создалъ нѣкоторое общее настроеніе, но онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы руководить такимъ широкимъ движеніемъ. Силы молодой, неокрѣпшей, постоянно опустошаемой арестами организаціи уходили цѣликомъ на агитаціонную работу. Въ этомъ была и ея слабая сторона: у Союза было въ то время мало рабочихъ кружковъ, и рабочіе, принадлежащіе къ Союзу, были ско-

рѣе агентами по собиранію свѣдѣній о положеніи дѣлъ и по распространенію книгъ и напечатанныхъ уже листковъ, чѣмъ организаторами и пропагандистами среди массы рабочихъ. Притомъ же, чтобы руководить стачкой, всякая организація должна обладать матеріальными средствами для ея поддержанія. У Союза, конечно, не было этихъ средствъ, ибо что значатъ какіе-нибудь 3000 рублей для поддержанія семей 30000 забастовавшихъ рабочихъ! Въ силу этихъ главныхъ условій и кой-какихъ случайныхъ причинъ, роль Союза во всѣхъ этихъ стачкахъ можно скорѣе назвать вспомогательною, чѣмъ руководящею.

Стачки начались на Обводномъ каналѣ, 23-го мая на „Россійской“ мануфактурѣ (она же Калинкинская) подручные явились въ контору и потребовали уплаты за коронаціонные дни. Контора выдала деньги. Подоспѣлъ фабричный инспекторъ. Подручные заявили, что они требуютъ также уплаты за тѣ лишнія минуты, которыя они работаютъ ежедневно благодаря тому, что машины пускаются раньше положеннаго времени. На фабрикѣ шло сильное волненіе. На другой день, проработавъ до обѣда, фабрика стала до 27-го числа. Въ этотъ день опять было начали работать, но послѣ обѣда всѣ окончательно бросили работу. Волненіе быстро распространялось на другія фабрики, и въ тотъ же день 27-го забастовала большая „Екатерингофская“ мануфактура. Затѣмъ въ слѣдующіе дни присоединились двѣ „Кениговскихъ“, „Митрофаньевская“, „Тріумфальная“, „Новая“, „Кожевниковская мануфактуры Нарвской заставы и Обводнаго канала“, а также „Невская“ мануфактура около Смольнаго (двѣ фабрики Штиглица).

Послѣ „Воззванія къ рабочимъ“, рукописной прокламаціи *) рабочаго Невской заставы къ своимъ товарищамъ, съ сообщеніемъ о дѣлахъ на Обводномъ каналѣ и съ призывомъ примкнуть, началась стачка и за Невской заставой (стачка на мануфактурахъ Спасской, Петровской, Паля, волненія на заводахъ Александровскомъ, Семянниковскомъ и Обуховскомъ).

Въ послѣднихъ числахъ мая рабочіе представители забастовавшихъ заведеній собрались въ количествѣ

*) Вотъ эта прокламація: «Товарищи! Я хорошо въ томъ увѣренъ, что очень немногіе изъ васъ знаютъ о томъ, что дѣлается на Обводномъ каналѣ. Тамъ съ обѣда во вторникъ работала одна только Новая бумагопрядильная фабрика, а всѣ остальныя не работали. Вы меня, ко-

около ста человѣкъ въ Екатерингофскомъ паркѣ, тамъ сообща выработали свои требованія и передали Союзу. Первая прокламація Союза „Чего требуютъ рабочіе петербургскихъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ“ была выпущена 30-го мая. Привожу ее здѣсь:

Чего требуютъ рабочіе Петербургскихъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ.

1) Мы хотимъ, чтобы рабочій день у насъ продолжался отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 ч. утра до 8 ч. вечера.

2) Чтобы обѣденное время длилось полтора часа и, такимъ образомъ, весь рабочій день продолжался 10½ час. вмѣсто 13 час.

3) Чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы наши заработки не уменьшились бы.

4) Чтобы шабашили по субботамъ вездѣ одновременно въ 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и не пускали ихъ въ ходъ раньше времени.

6) Чтобы заработокъ за первую половину мѣсяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронаціонные дни.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.
30-го мая 1896 г.

Черезъ день былъ выпущенъ новый листокъ:

Къ рабочимъ всѣхъ Петербургскихъ бумагопрядиленъ.

Долго терпѣли мы, рабочіе Петербургскихъ бумагопрядиленъ, и наконецъ не выдержали. Невтерпежъ намъ больше стало работать до изнеможенія силъ, сносить хозяйскія прижимки, видѣть, какъ каждый день насъ обсчитываютъ и обвѣшиваютъ, какъ чуть не каждые полгода сбавляютъ расцѣнокъ. А въ послѣдніе дни пуще прежняго проявилась жадность хозяевъ. Жалко нашимъ богачамъ стало даже тѣхъ грошей, что причитались намъ за дни

нечно, спросите, какъ и почему онѣ не работали? Очень просто, товарищи: тамъ, какъ видно, наши братья рабочіе поняли, что 15 часовой рабочій день выгоденъ для хозяевъ, но слишкомъ вреденъ для рабочихъ. Вотъ это то человѣческое сознаніе и побудило ихъ прекратить работы и требовать сокращенія рабочаго дня на 2½ час.

Товарищи! Послѣдуемъ же и мы ихъ примѣру, потребуемъ и мы дружно, въ одинъ голосъ сокращенія рабочаго дня на столько же, на сколько требуютъ наши ново-канавскіе братья, т. е. на 2½ часа. Довольно съ нихъ и того, что они будутъ пить нашу кровь 10 или 11 час., а никакъ не 14 и 15 час. въ сутки».

коронація; не захотѣли они и отдохнуть то дать хорошенько отъ работы; такая, молъ, это скотина, что въ отдыхѣ особенно не нуждается.

Довольно! сказали мы тогда себѣ. Довольно мы молча и безропотно слушались нашихъ хозяевъ! Долго мы ждали отъ нихъ улучшенія своего положенія, но вичего не дождались. И рѣшили мы сами добиваться всего. Не хотятъ они уступить, будемъ мы требовать. А нужно намъ требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочій день продолжался отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера съ полутора-часовымъ перерывомъ на обѣдъ, т. е. всего 10½ часовъ; чтобы въ субботу вездѣ шабашили въ 2 часа.

2) Чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены всѣ несправедливыя, незаконныя прижимки и чтобы было заплачено за коронаціонные дни.

Будемъ спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требованія. Не уступятъ они черезъ недѣлю, будемъ ждать вторую; не сдадутся на второй, подождемъ третью; не согласятся и тогда, еще будемъ ждать. Довольно съ нихъ будетъ нашего каторжнаго труда и въ теченіе 10½ часовъ! Достаточно они прибыли и безъ того отъ насъ имѣютъ.

Товарищи, будемъ помнить, что взоры рабочихъ всего міра обращены теперь на насъ. Они съ восторгомъ привѣтствуютъ въ насъ борцовъ за рабочее дѣло. Петербургскіе рабочіе всячески стараются прійти къ намъ на помощь, устраивая по мастерскимъ сборы въ нашу пользу.

Покажемъ и мы, что рабочій народъ умѣетъ добиваться исполненія своихъ требованій, будемъ дѣйствовать дружно и спокойно, безъ буйства и насилій, и побѣда навѣрное останется за нами!

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.

1-го іюня 1896 г.

За стачками на Обводномъ и за Нарвской и Невской заставами, забастовка распространилась въ первыхъ числахъ іюня на Выборгскую и Петербургскую стороны (мануфактуры: „Сампсоньевская“ „Новая Сампсоньевская“, „Охтенская“, „Бека“, „Невка“), захватила и Васильевскій островъ (Воронина, бывш. Гука, сахарный заводъ Шухера). Примкнули кой какія мелкія заведенія. Пошли волненія на „Россійско-Американской резиновой мануфактурѣ“, на Путиловскомъ и Балтійскомъ заводахъ, на писчебумажной фабрикѣ Варгунина.

Рабочія собранія и сходки происходили непрерывно. Наиболѣе горячее произошло въ первыхъ числахъ іюня на Волковомъ кладбищѣ. Сознательные рабочіе хотѣли по-

лучше разъяснить политическое значеніе этой невиданной стачки. Благодаря преслѣдованію сыщиковъ и полиціи собраніе продолжалось очень недолго, по той-же причинѣ на немъ было лишь около сотни рабочихъ. Многіе, въ томъ числѣ и интеллигентъ—представитель Союза, не попали во-время, благодаря травлѣ сыщиковъ. Потомъ приходило много рабочихъ, но было поздно. Тѣмъ не менѣе это собраніе было замѣчательно по своему духу. Тамъ было высказано глубочайшее негодованіе рабочихъ на отношеніе правительства къ рабочему классу и его нуждамъ.

Кромѣ общихъ листковъ съ требованіями всѣхъ забастовавшихъ фабрикъ, Союзъ выпускалъ листокъ за листкомъ къ рабочимъ отдѣльныхъ фабрикъ, на основаніи собранныхъ свѣдѣній о частныхъ злоупотребленіяхъ и неустройствахъ той или другой фабрики. Въ каждомъ такомъ листкѣ излагалось общее положеніе дѣлъ и положеніе дѣлъ на данной фабрикѣ, рабочіе приглашались стоять дружно; и затѣмъ къ общимъ требованіямъ всѣхъ забастовщиковъ присоединялись еще частныя требованія рабочихъ именно этой фабрики. Иногда рабочіе сами составляли листокъ и просили его напечатать и издать отъ имени Союза; были случаи, что пускались въ ходъ рукописные листки и гуляли съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ вышеприведеннаго „Обращенія“, мнѣ извѣстны еще листокъ путиловскій—„Братья-рабочіе“ и „Совѣтъ“.

Послѣдній листокъ очень своеобразенъ. Онъ былъ написанъ съ грамматическими ошибками довольно „сѣрымъ“ рабочимъ, стоявшимъ до того времени въ сторонѣ отъ кружковъ и организацій. Привожу его здѣсь потому, что онъ можетъ дать понятіе о настроеніи рабочихъ, начинавшихъ сознавать свое положеніе.

Гг. рабочимъ петербургскихъ фабрикъ.

Совѣтъ.

Начатая нами стачка для улучшеніи нашего положенія начинаетъ колебаться и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ перевѣсъ въ нашу пользу, но, къ сожалѣнію, многіе падаютъ духомъ и поддаются работѣ на прежнихъ основаніяхъ.

Гг. рабочіе! прошу не выдавайте себя на смѣхъ, не сдавайтесь ни одинъ до тѣхъ поръ, пока не установятъ требуемыхъ нами правилъ. Начатое вами дѣло очень важное. Объ этомъ дѣлѣ, т. е. объ улучшеніи нашего положенія много хлопотали люди, которыхъ мы должны благодарить; но вотъ глупость, которая ярко отражается на рабо-

чемъ людѣ: мы вмѣсто благодарности платимъ зломъ, которое и сами не замѣчаемъ. Мы ихъ топимъ, выдаемъ своими необдуманными восклицаніями; многіе за насъ навѣчно страдаютъ на каторгѣ, но мы этого не замѣчаемъ и не дорожимъ нашими ревнителями. Но сольемтесь, братцы, въ одинъ духъ и будемъ стойко бороться за улучшеніе нашего положенія, сами будемъ грудью стоять въ помощь нашимъ ревнителямъ. Замѣтьте, что рабочій классъ прочихъ державъ радъ за насъ, какъ только услышатъ, что русскіе настаиваютъ на улучшеніи своего положенія. Конечно, вамъ покажется страннымъ, что иностранцы такъ вліятельны (?). Я долженъ бы вамъ объяснить, но много времени заберетъ это объясненіе, но вы и сами это поймете, когда прибѣгнете къ образованію.

Гг. рабочіе-товарищи! Обратите вниманіе и вашъ взглядъ на жизнь свою. Если бы вамъ пришлось встрѣтить иностранца, по чину равнаго себѣ, то вы сразу сознаетесь, что вы противъ ихъ дикари. Они также были угнетаемы своими хозяевами, но благодаря ихъ острому понятію давно улучшили свое положеніе.

Они по нашему въ часы отдыха не валяются въ грязи, въ рваной одежѣ около кабаковъ и трактиронъ, не относятся съ ругательствомъ и нерѣдко съ побоями къ своимъ товарищамъ, какъ русскій мужикъ, а собираются вмѣстѣ и толкуютъ объ улучшеніи, или же захочетъ развеселиться, то садится на велосипедъ и ѣдетъ кататься и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ свою мускульную силу.

Такъ будемъ, братцы, помогать другъ другу впродолженіи этой стачки. У кого есть, то постараемся дать сосѣду, у котораго страдаетъ отъ голода все семейство; онъ возьметъ на ваши 30 коп. хлѣба и прокормится нѣсколько дней. Что дѣлать, надо потерпѣть, зато улучшимъ положеніе.

Привожу здѣсь нѣсколько сценъ, переданныхъ очевидцами, происходившихъ при началѣ забастовокъ.

„На Новой бумагопрядильнѣ, лишь только пришли извѣстія о стачкахъ на Екатерингофской и Кениговской, пошло сильное волненіе. 30 мая съ самаго утра подручные не явились на работу. Въ 9 часовъ прядильщики стали уходить съ фабрики, говоря что они не могутъ работать безъ подручныхъ. Послѣ обѣда фабрика окончательно стала: къ стачкѣ присоединились и ткачи. Каждаго рабочаго и работницу, которые являлись послѣ обѣда къ воротамъ фабрики, молодые рабочіе останавливали: „Куда идешь?“ — „Вѣстимо, на работу.“ — „Стой!“ Такъ у воротъ

собралась громадная толпа. Появился управляющій и фабричный инспекторъ.

— Чего вы хотите?—спрашиваетъ управляющій.

— Работать только отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера.

— Отчего же вы работать не хотите? Фабрика у насъ хорошая; чѣмъ же вы недовольны? Я думалъ, что вы будете молодцами и не бросите работы, несмотря на стачки на другихъ фабрикахъ.

„Фабричный инспекторъ сталъ читать рабочимъ законы о стачкахъ и приглашалъ возобновить работу. Тогда изъ толпы вышелъ одинъ молодой рабочій (ткачъ) и началъ говорить о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и говорилъ очень хорошо. Потомъ нѣкоторые рабочіе благодарили его и жали ему руки. „Зачѣмъ,—говорилъ онъ,—у насъ школы строятъ, когда намъ въ нихъ учиться не даютъ?"

„Рабочимъ наскучили и управляющій, и фабричный инспекторъ съ его законами, потому съ криками „ура!" они удалились отъ воротъ. Потомъ опять къ воротамъ фабрики подходили кучки и расходились съ тѣми же криками."

„На Петровской и Спасской фабрикахъ (онѣ же Максвелля) стачки начались въ корпусѣ мюльщиковъ, гдѣ мальчики первыми бросили работу. Ткацкую остановили подручные, давъ знать въ паровое отдѣленіе, чтобы остановили машины. Узнавъ объ этомъ, управляющій сказалъ, что онъ давно этого ждалъ. Пришелъ приставъ и просилъ рабочихъ обходиться безъ буйствъ; онъ-де давно служитъ въ Шлиссельбургскомъ участкѣ и никогда у него никакихъ безпорядковъ не бывало Рабочіе заявили, что все будетъ спокойно, если только не будетъ полиціи. Вскорѣ пріѣхалъ окружной фабричный инспекторъ вмѣстѣ съ участковымъ, и оба прошли прямо въ контору. Рабочимъ было предложено выбрать человѣкъ 5, которые изложили бы ихъ желанія. Начали было выбирать, но раздались голоса, что выбирать совсѣмъ не надо. Пусть инспекторъ самъ выйдетъ и разговариваетъ со всѣми. Оба инспектора вышли. Окружной строго обратился къ рабочимъ, но, получивъ нѣсколько рѣзкихъ отвѣтовъ, онъ измѣнилъ тонъ и началъ уговаривать рабочихъ приняться за работу. Онъ указывалъ имъ, что ихъ образъ дѣйствій по закону считается уголовнымъ преступленіемъ. Тѣмъ не менѣе рабочіе наотрѣзъ отказались приняться за работу и заявили свои требованія: $10^1/_2$ ч. рабочій день, увеличеніе расцѣнковъ и уничтоженіе произвольныхъ штрафовъ. Участковый фаб-

ричный инспекторъ на это заявилъ имъ, что проектъ о сокращеніи рабочаго дня до $10^1/_2$ ч. уже у государя.

— Когда же этотъ проектъ будетъ подписанъ?—спросили рабочіе.

— Года черезъ два.

— Ну такъ мы лучше сейчасъ забастуемъ,—отвѣтили на это рабочіе.

— Все равно голодъ скоро заставитъ васъ снова приняться за работу,—замѣтилъ инспекторъ.

— Помирать на мостовой будемъ, а работать на прежнихъ условіяхъ не пойдемъ!—раздалось въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ.

«На другой день фабричной администраціей было вывѣшено объявленіе, приглашающее всѣхъ желающихъ работать явиться въ понедѣльникъ къ 6 часамъ утра на работу. Явились только немногіе, но и тѣ были задержаны толпой, поджидавшей ихъ у фабричныхъ воротъ".

Союзомъ выпускались листки и для поддержанія колеблющагося духа бастующихъ на той или другой фабрикѣ, и для приглашенія къ стачкѣ тѣхъ фабрикъ, которыя еще не стали. Бывало, что подъ вліяніемъ листка стачечники, принявшіеся было за работу, снова бросали ее, какъ, напримѣръ, у Кенига.

Союзъ по силѣ возможности старался помогать и деньгами. Но какъ уже было сказано, у него не было достаточно средствъ, чтобы оказать существенную денежную помощь. Въ этомъ отношеніи деньги, раздаваемыя Союзомъ, имѣли, мнѣ кажется, болѣе нравственное значеніе, чѣмъ матеріальное. Одни слухи о томъ, что Союзъ помогаетъ, равно какъ и о томъ, что заграничные рабочіе обѣщали свою помощь, поднимали падающій духъ не у одной сотни рабочихъ.

Но матеріальную помощь, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, оказывали рабочіе большихъ механическихъ заводовъ, поставленные, въ смыслѣ заработка, въ лучшія условія, чѣмъ какіе-либо другіе рабочіе. На заводахъ шли правильно организованные сборы по мастерскимъ. Деньги немедленно же и непосредственно передавались стачечникамъ. Къ несчастію нѣтъ рѣшительно никакой возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить сумму, собранную такимъ путемъ. Давалъ всякій, кто могъ. Я знаю даже случай присылки рабочимъ 5 рублей на стачку... изъ предварилки! Былъ моментъ, когда шли усиленные толки о забастовкѣ на большихъ механическихъ заводахъ

подъ вліяніемъ прокламацій Союза. Возможно, что забастовка заводовъ была бы очень умѣстна; въ Союзъ поступили свѣдѣнія, что министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ сильно боялись, чтобы не стали заводы,—тогда, молъ, ни за что не сладить, придется пойти на уступки. Однако стачки на заводахъ не состоялось. На сколько я знаю, среди рабочихъ механическихъ заводовъ, возражавшихъ противъ стачки, выдвигалось такое соображеніе: кто же будетъ помогать забастовщикамъ, если и они забастуютъ?

Союзъ въ своихъ прокламаціяхъ приглашалъ рабочихъ стоять дружно и стойко, не производить ни безпорядковъ, ни буйствъ, которые были бы лишь на руку полиціи. И дѣйствительно, спокойствіе и выдержанность забастовщиковъ поразили всѣхъ и особенно правительство.

Впрочемъ бывали и такіе случаи. Соберется толпа человѣкъ въ сто. „Ребята! Идемъ на Петербургскую! Мы всѣ тутъ стоимъ, стоитъ весь Обводный, а тѣ работаютъ!“ — говоритъ какой-нибудь ораторъ. „Къ Гуку“— раздается въ толпѣ. И вотъ утромъ у какого-нибудь „Гука“ или „Бека“ происходила свалка. Камни изъ мостовой летѣли въ окна, попадали порой и въ машины. Часомъ или двумя позднѣе можно было видѣть идущую по городу толпу рабочихъ, оцѣпленную полиціей... Это вели „подстрекателей“ въ какой-нибудь не заполненный еще участокъ, гдѣ держали нѣсколько часовъ или дней, потомъ высылали. Въ этихъ толпахъ, попадавшихся на улицахъ Петербурга, вы могли увидѣть и довольно хорошо одѣтыхъ „квалифицированныхъ“ и бѣдно одѣтыхъ чернорабочихъ, даже молодыхъ матерей съ ребятами на рукахъ, и отца съ шагавшимъ подлѣ сынишкой. И шли они часто даже какъ будто веселые; и невольно вспоминались слова „Коммунистическаго Манифеста“ „...имъ нечего терять, кромѣ цѣпей“. Впрочемъ они шли съ сознаніемъ исполненнаго дѣла: у „Гука“ или „Бека“ уже начиналась забастовка.

Какъ-то, проѣзжая мимо Обводнаго, я видѣлъ такого рода сцену. Передъ Калинкинской мануфактурой стояла толпа народу. Среди нея на кучахъ наваленнаго булыжника тамъ и сямъ возвышались надъ толпой отдѣльные рабочіе. Мнѣ было не видно, читали ли они что-нибудь или говорили рѣчь предъ рабочимъ собраніемъ... А вокругъ толпы смиренно ходили городовые и околоточные, не вмѣшиваясь въ „чужое“ дѣло. По неволѣ приходили

въ голову тѣ далекія отъ насъ страны, гдѣ рабочіе могутъ свободно организовываться и собираться на митинги. Когда-то, думалось мнѣ, у насъ настанетъ то время, когда полицейскіе не будутъ вмѣшиваться „въ чужія дѣла“ не изъ боязни толпы, а изъ признанія ея *права* собираться!?

Помню также случай, кажется, на „Новой“ бумагопрядильнѣ. Городовой, поставленный „смотрѣть“ за рабочими, замѣтилъ на мостовой свертокъ. Это была только что изданная прокламація Союза, но по какой то случайности не дошедшая до „Новой“ бумагопрядильни. Поднявши свертокъ и прочтя прокламацію, блюститель порядка нашелъ, что „хорошо написано, справедливо сказано“, и передалъ свертокъ обступившей толпѣ рабочихъ, „завѣряя“, что ихъ дѣло правое и они навѣрное получатъ свое...

Но... такія идилліи бывали изрѣдка и лишь въ первые дни стачки. Мало-по-малу наши „охранители“ оправились отъ смущенія, вызваннаго этой неожиданной стачкой и рѣшились попытаться терроризировать рабочихъ и такимъ путемъ задавить движеніе. По распоряженію градоначальника, рабочіе кварталы стали запружать отрядами казаковъ, жандармовъ и даже пѣхоты. (Новочеркасскій полкъ былъ поставленъ около Торнтона). Отряды городовыхъ (человѣкъ около 100) селились въ близь лежащихъ трактирахъ, гдѣ они жили, ѣли и пили на счетъ фабрикантовъ, которые ихъ сюда пригласили, чтобы имѣть ихъ всегда наготовѣ. На фабрикахъ, гдѣ еще продолжалась работа, и на заводахъ шныряли шпіоны и полиція. Правительство разослало всѣмъ мировымъ судьямъ секретный циркуляръ, предписывая разбирать дѣла фабрикантовъ съ рабочими не по закону, а по обычаямъ, какіе существуютъ на каждой фабрикѣ.

Стали арестовывать всѣхъ, кто казался „подозрительнымъ“, вѣрнѣе, кто попадался подъ руку. Тюрьмы были переполнены. Для допроса водили въ „Окружный судъ“ за неимѣніемъ мѣста въ „жандармскомъ“. Допытывались, главнымъ образомъ, кто распространяетъ листки. Конечно, рѣдко чего добивались. Если у кого находили въ карманѣ листокъ, у обвиняемаго всегда наготовѣ былъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ — нашелъ на улицѣ, ибо во многихъ случаяхъ такъ и было.

По опустѣвшимъ улицамъ рабочихъ районовъ передвигались отряды жандармовъ и казаковъ. Петербургъ казался на военномъ положеніи. Можно было бы подумать,

что на улицахъ его совершается революція. Да и дѣйствительно революція совершалась, но только не на улицахъ Петербурга, а въ головахъ петербургскихъ рабочихъ. Но объ этомъ потомъ.

Хотя, благодаря лѣту, въ Петербургѣ не было наиболѣе отзывчивой учащейся молодежи, однако слухи о стачкѣ взбудоражили „общество". Ходили толки вкривь и вкось, и вообще *стачки* сдѣлались на время злобой дня. Чтобы привлечь общественное вниманіе къ этой, небывалой въ Россіи по своимъ размѣрамъ и стройности, борьбѣ рабочихъ за свои интересы, Союзъ Борьбы издалъ прокламацію „Къ русскому обществу", которая была разослана по городу въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ.

Градоначальникъ, съ одной стороны, посылая отряды казаковъ, полицейскихъ, жандармовъ и сыщиковъ, думалъ застращать рабочихъ; съ другой стороны, думалъ подѣйствовать убѣжденіями и воззваніями къ „патріотическому" чувству. „Успокойтесь",—говорилъ онъ.—„Подумайте, что царю надо возвращаться домой. Какъ же онъ въѣдетъ въ бунтующую столицу?" „Увѣщанія" не помогали, все шло по прежнему. Стачки продолжались, на заводахъ шли толки и волненія. Союзъ издавалъ прокламаціи ежедневно, иногда даже по 2 — 3 въ день. Прокламаціи кой гдѣ читались безъ всякаго стѣсненія, иногда даже на улицахъ. Во многихъ прокламаціяхъ, иногда даже по спеціальной просьбѣ рабочихъ, выставлялось требованіе—освободить арестованныхъ. Рабочіе не разъ ходили толпами къ участкамъ и требовали выпустить заключенныхъ и, случалось, добивались своего.

Градоначальникъ отъ увѣщаній снова переходилъ къ „устрашенію". Начались повальные обыски (обыскивали цѣлыми домами) и повальные аресты. Не было мѣста въ тюрьмахъ и участкахъ, начали сажать въ манежъ. Пошли массовыя высылки на родину. Стали силою принуждать рабочихъ итти на работу. Конные жандармы, напавши на толпу рабочихъ на улицѣ, гнали ее по направленію къ фабрикѣ и загоняли во дворъ... Околоточные и городовые, въ сопровожденіи дворниковъ, по утрамъ врывались въ квартиры, стаскивали рабочихъ съ постелей, полураздѣтыхъ женщинъ отрывали отъ дѣтей и тащили на фабрики. Рабочіе прятались, куда могли: на чердаки, въ отхожія мѣста. Происходили раздирающія сцены...

Стачка продолжалась. Мѣры насилія не помогали, пускались въ ходъ хитрости. Встаютъ утромъ рабочі, ви-

дятъ изъ фабричныхъ трубъ валитъ дымъ. На минуту западаетъ сомнѣніе, „ужъ не начали ли работать?“ Въ окнахъ фабрикъ мелькали фигуры рабочихъ... то бишь дворниковъ, переодѣтыхъ рабочими. Конечно, въ концѣ концовъ всѣ эти выдумки возбуждали лишь смѣхъ.

По предложенію градоначальника, рабочіе не разъ отправляли къ нему депутаціи. Рабочіе надѣялись убѣдить его въ томъ, что ихъ дѣло правое, и нѣкоторые думали даже, что градоначальникъ можетъ склонить фабрикантовъ къ уступкамъ. Конечно, изъ депутацій ничего не выходило. Даже жандармскіе офицеры порой пробовали заговаривать съ рабочими, критикуя листки Союза, а рабочіе вступали въ споръ и отстаивали „свои“ листки.

Рабочіе постоянно собирались и также постоянно ихъ разгоняли. Усердіе полиціи дошло до того, что полицейскіе дѣлали обходы даже по полямъ и избивали попадающихся имъ навстрѣчу рабочихъ. Рабочіе собирались въ полѣ, чтобы въ свободное время, на вольномъ лѣтнемъ воздухѣ, почитать и поучиться политической экономіи. Правительство же своими преслѣдованіями наглядно ихъ учило русскому государственному праву. Если не удавалось устраивать собраній и въ полѣ, рабочіе забирались куда-нибудь подальше, въ лѣсъ. Однажды было собраніе даже на взморьѣ. Рабочіе лежали въ камышахъ и лежа совѣщались.

Послѣ этого отъ полиціи было временное распоряженіе, совершенно непонятное для публики: на взморьѣ были поставлены городовые и не позволяли катавшейся публикѣ выходить на берегъ подъ предлогомъ, что это запрещено градоначальникомъ въ виду де повторяющихся въ этихъ мѣстахъ оргій (!!).

Беззаконныя дѣйствія властей и ихъ насильственныя мѣры не приводили стачку къ желанному концу. Снова было рѣшено дѣйствовать „убѣжденіемъ“. На стѣнахъ фабрикъ и на заборахъ появился циркуляръ градоначальника, взывающій къ „разсудительности“ рабочихъ.

„Отъ С.-Петербургскаго градоначальника симъ объявляется прекратившимъ работу и присоединившимся къ стачкѣ рабочимъ, — говорилось въ циркулярѣ, — что всѣ претензіи и требованія ихъ, послужившія предлогомъ и поводомъ къ забастовкѣ, останутся безъ всякаго разсмотрѣнія до тѣхъ поръ, пока рабочіе не станутъ на работу. Когда же рабочіе приступятъ къ обычнымъ занятіямъ согласно правиламъ внутренняго распорядка, установленнаго на фабрикахъ, жалобы и заявленія ихъ будутъ подверг-

нуты надлежащему разсмотрѣнію чинами фабричной инспекціи. И жалобы, подлежащія удовлетворенію согласно закону (устава о промышленности), будутъ удовлетворены немедленно. Тѣ же заявленія, которыя не могутъ быть удовлетворены по силѣ дѣйствующихъ законовъ, будутъ представлены на усмотрѣніе высшаго начальства.

Градоначальникъ ген.-майоръ *Клейгельсъ*.
10-го іюня 1896 г."

На другой день, для большей внушительности, „убѣжденіе" было подкрѣплено угрозой разсчитать и выслать на родину всѣхъ, кто не примется за работу.

Наконецъ, на сцену выступило само „царское правительство", въ лицѣ министра финансовъ Витте, со своей знаменитой прокламаціей къ рабочимъ, отъ 15 іюня, объявляющей, что „правительству одинаково дороги какъ дѣла фабрикантовъ, такъ и рабочихъ". Отмѣчу одинъ курьезный эпизодъ при распространеніи этой прокламаціи. Министерская прокламація, какъ ей и надлежитъ быть, была расклеена на стѣнахъ и заборахъ и раздавалась полицейскими. Но во многихъ мѣстахъ рабочіе проходили мимо и не читали ее, а получая отъ полицейскихъ, просто рвали и бросали съ упоминаніемъ всѣхъ родителей. Тогда кое гдѣ усердные городовые начали разбрасывать прокламаціи подобно тому, какъ разбрасывались листки Союза. „Было уморительно смотрѣть, — говорили нѣкоторые рабочіе, — какъ слуги правительства не нашли ничего лучшаго, какъ подражать въ тактикѣ Союзу".

Между тѣмъ крайняя нужда начинала дѣйствовать. Среди рабочихъ начались разговоры о прекращеніи забастовки, колебанія... Этому способствовали отчасти и неопредѣленныя обѣщанія правительства. Кое гдѣ фабриканты обѣщали сдѣлать кой какія частныя улучшенія и уступки; что же касается главныхъ требованій, то слышались лишь одни обѣщанія разсмотрѣть дѣло. Листки Союза, призывавшіе къ продолженію стачки, уже не производили никакого дѣйствія. Одна фабрика за другой становилась на работу.

Наконецъ, къ 18-му іюня стачка улеглась. Рабочіе всюду вновь вернулись къ своимъ станкамъ, *но уже не тѣми, какими отъ нихъ отошли*. За время стачки рабочимъ пришлось столкнуться съ правительствомъ лицомъ къ лицу, и столкновеніе не прошло безслѣдно. Съ одной стороны, „увѣщанія", подкрѣпляемыя угрозами, съ другой стороны, крутыя мѣры, примѣняемыя къ мирнымъ заба-

стовщикамъ, производили настоящую революцію въ головахъ даже наименѣе сознательныхъ и наиболѣе забитыхъ рабочихъ, заставляя ихъ задуматься надъ вопросомъ, кто ихъ дѣйствительные друзья и защитники ихъ интересовъ и кто ихъ угнетатели и враги. По свидѣтельству самихъ рабочихъ, подъ вліяніемъ всѣхъ событій за время стачки, измѣнилось отношеніе широкихъ слоевъ рабочихъ къ соціалистамъ и агитаторамъ и къ нелегальной соціалистической литературѣ. Среди массы рабочихъ обнаружилась такая жажда знанія, такое стремленіе выяснить многія стороны окружающей дѣйствительности и найти выходъ, какихъ до того времени никогда не замѣчалось. Тѣмъ, чѣмъ раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи. Спросъ на нелегальную литературу достигъ небывалыхъ до того времени размѣровъ и далеко превысилъ предложеніе.

Правительству и другимъ классамъ общества впервые пришлось взглянуть на рабочій классъ, какъ на новую народившуюся общественную силу. Для правительства и реакціонеровъ стало уже поздно повторять избитую ложь, что у насъ въ Россіи нѣтъ рабочаго вопроса, и хвастаться „патріархальными отношеніями“ хозяевъ къ рабочимъ, якобы царящими на русскихъ фабрикахъ.

Несмотря на все желаніе, движенія нельзя было скрыть, ибо оно было вынесено, какъ говорится, на улицу и благодаря прокламаціямъ Союза получило широкую огласку. Весь Петербургъ могъ провѣрить то, что писалось въ листкахъ. Дѣлать было нечего, и правительство, умудренное горькимъ опытомъ, пускается на новую штуку — объявить оффиціально о забастовкахъ. И вотъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ № 158 появляется памятное всѣмъ интересующимся рабочимъ дѣломъ сообщеніе правительства о стачкахъ рабочихъ Петербурга. Конечно, сообщеніе было тотчасъ же перепечатано другими газетами и облетѣло всѣ даже самые отдаленные уголки Россіи. Правительство постаралось однако и тутъ слукавить: чтобы умалить грандіозность движенія оно убавило число забастовщиковъ больше, чѣмъ на половину. Любопытно также, что на этотъ разъ члены Союза Борьбы и другихъ революціонныхъ организацій изъ „*подстрекателей*“, какими они являлись въ прежнихъ секретныхъ циркулярахъ министра Витте, превратились въ „злонамѣренныхъ личностей“, которыя „*пытались воспользоваться уже совершившимися стачками* съ цѣлью придать имъ преступный политическій характеръ“.

Какъ бы въ отвѣтъ на всѣ эти правительственныя сообщенія, осенью Союзомъ была выпущена длинная прокламація, которая обличала лицемѣріе правительства, разъясняла рабочимъ его поведеніе и выясняла важность и значеніе стачекъ вообще.

Итакъ, стачка кончилась. Главныя требованія рабочихъ—уменьшеніе рабочаго дня и соотвѣтственное повышеніе расцѣнковъ—не были выполнены.

Правительствомъ была образована изъ фабричныхъ инспекторовъ и градоначальника комиссія для изслѣдованія причинъ забастовокъ. Фабричнымъ инспекторамъ было поручено составить описаніе фабрикъ и условій работы. Несмотря на всю осторожность и сдержанность ихъ авторовъ, эти описанія нарисовали довольно некрасивую картину. Министръ финансовъ выразилъ фабричнымъ инспекторамъ свое неудовольствіе по поводу того, что они могли допустить существованіе такихъ вопіющихъ безобразій. Неудовольствіе было выражено и самимъ фабрикантамъ *), и нѣкоторые изъ послѣднихъ были обязаны подпиской безусловно устранить кой-какія безобразія, всплывшія наружу во время стачекъ Такимъ образомъ кое-гдѣ было уплачено за лишнія минуты, которыя оттягивались у рабочихъ ежедневно по утрамъ и вечерамъ, благодаря тому, что машины пускались въ ходъ раньше времени и останавливались позже. Кое-гдѣ были удалены мастера-взяточники; была уничтожена чистка машинъ въ нерабочее время; кое-гдѣ была улучшена питьевая вода. На нѣкоторыхъ фабрикахъ были выданы деньги за коронаціонные дни, а на Екатерингофской даже выдали половинную плату за недѣлю стачки всѣмъ рабочимъ, кромѣ мюльщиковъ.

---

*) Дабы кто-нибудь на основаніи этого не заподозрилъ г. Витте въ пристрастіи и въ симпатіи къ рабочимъ и ихъ нуждамъ, не могу здѣсь не отмѣтить очень важнаго факта, касающагося поведенія Витте во время стачекъ: онъ въ своемъ усердіи поддержать «престижъ власти» превзошелъ даже министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ Союзъ было сообщено, что еще въ самомъ началѣ стачекъ происходило экстренное засѣданіе, гдѣ присутствовали министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, градоначальникъ съ помощникомъ и фабричные инспектора. Витте настаивалъ, *чтобы во время стачки рабочимъ не было сдѣлано никакихъ уступокъ*, хотя на собраніи было выясненно, что многіе фабриканты готовы пойти на уступки. Требованіе Витте было горячо поддержано старшимъ фабричнымъ инспекторомъ Рыковскимъ.

Но не объ этихъ результатахъ, добытыхъ стачкой 30000 ткачей и прядильщиковъ, приходится намъ говорить, если мы желаемъ отмѣтить наиболѣе крупные плоды этой борьбы. Главное значеніе этой стачки заключалось, во первыхъ, въ томъ, что она дала сильный толчекъ развитію классоваго самосознанія широкихъ массъ рабочихъ. Во вторыхъ, стачка имѣла огромное организаціонное значеніе для развитія профессіональной борьбы рабочихъ.

Что стачка дала огромный толчекъ развитію классоваго самосознанія, это достаточно доказано измѣненіемъ отношеній широкихъ круговъ рабочихъ къ кружковымъ рабочимъ, къ соціалистамъ и къ агитаторамъ. Это достаточно доказано также небывалымъ спросомъ на нелегальную брошюрную литературу пропагандистскаго характера и требованіемъ книгъ политическаго содержанія.

Что касается организаціоннаго значенія стачки, то объ этомъ говоритъ уже самый фактъ, что это былъ не рядъ стачекъ рабочихъ различныхъ фабрикъ и заводовъ, а общая мѣстная стачка рабочихъ почти всѣхъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ Петербурга, общая стачка почти всѣхъ петербургскихъ рабочихъ, занятыхъ въ данной отрасли производства. Стачка дѣйствительно велась сообща, требованія стачечниковъ были сообща выработаны на особомъ совѣщаніи рабочихъ представителей отъ фабрикъ. Несмотря на затрудненія, которыя ставитъ правительство, были организованы сборы. И, какъ послѣдствіе стачки, остались кое-гдѣ возникшія за время стачки фабричныя стачечныя кассы.

Правда, стачка была широкою, но лишь временною профессіональною организаціею. Она была лишь временнымъ цеховымъ союзомъ рабочихъ даннаго производства. Что изъ того? Возникновеніе такихъ союзовъ для русскихъ рабочихъ было особенно важно въ виду тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, какія наше правительство ставитъ организаціи постоянныхъ боевыхъ цеховыхъ рабочихъ союзовъ, руководимыхъ рабочими безъ всякаго вмѣшательства полицейской опеки.

Итакъ, резюмируя главное значеніе стачки въ немногихъ словахъ, мы говоримъ, что лѣтняя стачка имѣла огромное значеніе съ двухъ сторонъ: во первыхъ, *для развитія широкаго классоваго самосознанія рабочихъ, а слѣдовательно, для дальнѣйшаго развитія и расширенія нашего соціалдемократическаго движенія:* во вторыхъ, *для развитія профессіональнаго движенія.*

Перечисленіе результатовъ лѣтней стачки было бы не

полнымъ, если бы мы не упомянули о томъ впечатлѣніи, какое произвела борьба петербургскихъ рабочихъ на рабочихъ всей Россіи. Всѣмъ памятны тѣ волненія среди рабочихъ, которыя происходили въ то время въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Само правительство помогало этому, высылая стачечниковъ изъ Петербурга. Никогда не забуду разсказа одного ткача, которому послѣ стачки пришлось работать на Хлудовской мануфактурѣ.

„Насъ, — разсказывалъ этотъ рабочій,—поступило на Хлудовскую довольно много. Приняли насъ со всѣмъ удовольствіемъ, потому что въ провинціи всякому фабриканту выгодно имѣть ткача, обученнаго въ столицѣ. Сколько насъ ни пришло, всѣ получили работу. Когда рабочіе узнали, что мы изъ Питера, какъ мухи начали льнуть. Разскажи да разскажи о стачкѣ. Ну и разсказываешь. Слушаютъ да удивляются. Вотъ такъ молодцы, говорятъ. И намъ бы, ребята, такъ надо; долго ли мы будемъ терпѣть. И пошли ходить исторіи про нашу славную стачку, про Союзъ, про листки и про наши требованія“.

Необходимо также отмѣтить то впечатлѣніе, какое стачка произвела на сознательныхъ рабочихъ за границей. Она была, собственно говоря, первымъ фактомъ, который вполнѣ осязательно свидѣтельствовалъ предъ лицомъ европейскихъ рабочихъ о выступленіи русскаго пролетаріата на сознательную борьбу за лучшее будущее. Англійскіе рабочіе привѣтствовали своихъ петербургскихъ собратьевъ особымъ „адресомъ“. Это обращеніе было подписано вождями всѣхъ соціалистическихъ организацій и важнѣйшихъ профессіональныхъ союзовъ Англіи. Переведенное по-русски оно было распространено среди петербургскихъ рабочихъ и произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Подлинникъ обращенія хранился въ архивѣ Петербургскаго Союза Борьбы, а теперь, по всей вѣроятности, погребенъ гдѣ-нибудь въ архивахъ Департамента полиціи.

Чтобы картина лѣтнихъ стачекъ лучше запечатлѣлась въ умѣ читателей, привожу описаніе стачки на фабрикѣ Кожевникова, составленное однимъ очень развитымъ рабочимъ, народовольцемъ, но принадлежавшимъ къ группѣ, имѣвшей близкія сношенія съ Союзомъ. Это описаніе въ свое время было оттиснуто на мимеографѣ и ходило по Петербургу въ видѣ листка. (Забастовка на фабрикѣ Кожевникова началась 30-го мая и продолжалась до 12 іюня)

Глзсказъ рабочаго о стачкѣ на ткацкой фабрикѣ Кожевникова *).

„Съ 1888 года у насъ на фабрикѣ въ продолженіе 8½ лѣтъ послѣдовалъ цѣлый рядъ сбавокъ расцѣнки. Съ нѣкоторыхъ товаровъ даже нѣсколько разъ было сбавляемо. Такъ, напримѣръ, въ 1889 году за кусокъ бумазеи мы (рабочіе) получали по 63 коп., и кусокъ былъ въ 84 аршина, а въ 1890 году мы стали получать 58, 55 и 53 коп. за кусокъ, а кусокъ сталъ уже, самое меньшее, въ 86½ аршинъ, а то и въ 92 и 98½ арш. За „пике“ платили намъ по 1 руб. 50 коп. съ куска. „Пике“ переименовали въ „фасоне“ и стали платить по 63 копейки; „пике“ мѣра была 60 аршинъ, а „фасоне“ не меньше 86½ аршинъ (хотя по табели надо бы не больше 84 аршинъ). Прежде для полотна мѣра куска была 42 аршина и платили по 32 копейки, теперь по табели значится 60 аршинъ, но выходитъ 64, 66, 68 аршинъ и платятъ 42 копейки, т. е. на 20 съ лишнимъ аршинъ прибавили только 10 копеекъ.

„Относительно берда и нитокъ въ основѣ, набора и колесъ—произволъ полнѣйшій, да и вездѣ, и во всемъ произволъ. Пять минутъ опоздалъ на работу, хотя и прибѣжишь, сейчасъ штрафъ; иногда стоишь у двери и смотришь въ окно, а тебѣ пишутъ штрафъ; а если гуляешь по винѣ хозяина, то не платятъ, хотя гулять приходится часто.

„И вотъ, наконецъ, наши ткачи, подъ вліяніемъ стачекъ, уже начавшихся тогда на другихъ фабрикахъ, прекратили работу 30 мая въ 12 часовъ дня и не возобновляли до 12 іюня 9 часовъ утра. Требованія наши были: 12-часовой рабочій день, съ 7 час. утра до 7 вечера и въ томъ числѣ 1½ часа на обѣдъ, а въ субботу въ 2 часа кончать совсѣмъ, при чемъ, конечно, чтобы заработная плата не уменьшалась прежняя, а, гдѣ можно, тамъ повысить.

„Въ первый день забастовки нѣсколько человѣкъ (около 30 изъ всего числа 500 рабочихъ) пошли работать. Но при такомъ количествѣ рабочихъ могла попортиться машина, и рабочихъ пришлось выслать, а фабрику совсѣмъ остановить. Управляющій сдѣлалъ это, надѣясь, что утромъ

*) 30 мая—12 іюня 1896 г.

всѣ вернутся на работу. (Нашъ управляющій изъ простыхъ, безъ всякаго образованія, у него на фабрикѣ много родственниковъ и земляковъ. Онъ поетъ на клиросѣ у Предтечи. Вообще его попы и глупые люди считаютъ хорошимъ человѣкомъ. По всей вѣроятности, и онъ о себѣ думаетъ то же, что онъ кормилецъ и благотворитель рабочихъ, но онъ жестоко ошибался: теперь онъ увидѣлъ себя такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ по отношенію къ рабочимъ).

„На слѣдующій день, въ половинѣ пятаго часа утра, нагнали массу полицейскихъ, боясь, что рабочіе — зачинщики стачки—будутъ останавливать желающихъ начать работать. Но останавливать вовсе некого было, потому что ни одинъ изъ рабочихъ утромъ даже не вышелъ (на работу) изъ своей квартиры, за исключеніемъ одного старика Семена Плѣшиваго. Такимъ образомъ, полицейскіе немало были удивлены, когда то же самое повторилось нѣсколько разъ: каждое утро они собирались возстановлять порядокъ, а мы спокойно спали по своимъ квартирамъ. Наконецъ, они рѣшили дѣйствовать иначе, и на четвертый день забастовки пошелъ слухъ, что утромъ околодочные, городовые и дворники будутъ брать съ квартиръ и таскать на фабрику силой. Я, признаться, мало этому вѣрилъ, но многіе изъ рабочихъ запаслись водкой и, какъ погода была теплая, разошлись на ночь—кто куда.

„И дѣйствительно, съ вечера полицейскіе къ чему-то стали приготовляться; въ подкрѣпленіе городовымъ пригнали много жандармовъ, которые разъѣзжали по фабричнымъ улицамъ и гнали рабочихъ въ квартиры. Улицы буквально опустѣли и наступила какая-то зловѣщая тишина, чувствовалось, какъ приближалась минута борьбы. Неравенство силы каждому было ясно, а главное, у каждаго мало было надежды на остальныхъ товарищей.

„Но вотъ, наконецъ, настало утро. Дѣйствительно, безобразіе полиціи возстало передъ рабочими во всей наготѣ. Около 5 часовъ утра во дворъ дома № 12 по Воронежской улицѣ, гдѣ помѣщается около $^3/_4$ всѣхъ рабочихъ Кожевниковской фабрики, пригнали массу жандармовъ и полицейскихъ съ дворниками. *Околодочные, въ сопровожденіи городовыхъ и дворниковъ стали ходить по квартирамъ и таскали съ постели. Раздѣтыхъ женщинъ брали съ постели отъ мужей.* Особенную ревность въ этомъ дѣлѣ проявилъ околодочный 3-го участка Ал.-Невской ч. Рапоткинъ. Такимъ образомъ полицейскіе разбудили и выгнали

изъ дома большую половину его жильцовъ. Впрочемъ большая часть разошлась только изъ квартиръ и попряталась, кто на чардакъ, кто въ ватерклозетъ. Несмотря на то, что на фабрику подъ руку водили, всего удалось загнать туда человѣкъ 20, и тѣ съ 8 час. утра ушли всѣ до единаго.

„Выгнавши всѣхъ изъ квартиръ, околодочный Рапоткинъ объявилъ управляющему, что онъ всѣхъ выгналъ на работу. Но не видя этого, управляющій клялъ и ругалъ полицію, что она бездѣйствуетъ. Ему казалось: быть не можетъ, чтобы рабочаго не заставить работать...

„Такимъ образомъ кончилась вполнѣ неудачно попытка силою заставить насъ приняться за работу.

„Затѣмъ отъ градоначальника появились объявленія, приглашавшія рабочихъ, подъ угрозой уголовнаго преслѣдованія, въ трехдневный срокъ приняться за работу. Но рабочіе только посмѣивались надъ этимъ объявленіемъ и говорили: „наши лучше“, т. е. — прокламаціи. Особенно понравились народовольческія *). И при сравненіи министерскихъ прокламацій съ народовольческими рабочіе говорили: „вотъ бы кого поставить инспекторомъ, а не этихъ дурней“. Вообще прокламаціи у насъ читались очень охотно, и всегда рабочіе при чтеніи замѣчали: „вотъ правда-то гдѣ!“ И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь мы чувствовали, только сказать не могли, какъ написано. Замѣчу еще, что не осталось ни одного человѣка на всей фабрикѣ, кто бы не читалъ прокламацій или книжекъ, въ такомъ же духѣ написанныхъ.

„Въ первый день стачки, часа въ 4 вечера, явился фабричный инспекторъ и попросилъ для объясненій. Рабочіе заявили свои требованія; инспекторъ-же приглашалъ начать работы, а дѣло обѣщалъ разобрать и сдѣлать, если можно, все, какъ требуютъ. Но рабочіе требовали

*) Таково было мнѣніе рабочаго-народовольца. Надо замѣтить, что упоминаемая прокламація (ибо множественное число обозначаетъ въ данномъ случаѣ многіе экземпляры одной и той же прокламаціи) была единственною, изданною народовольцами за все время стачекъ. Всѣ остальныя прокламаціи, числомъ больше 30, были изданы Союзомъ и примыкавшими къ нему соц.-дем. группами. Любопытно отмѣтить, что и эту единственную прокламацію, прекрасно отпечатанную въ типографіи, народовольцы словно не рѣшились издать отъ своего собственнаго имени. Подъ нею стояла подпись «Рабочій Союзъ», совершенно неизвѣстная какъ до этого времени, такъ и послѣ него. Очевидно, эта подпись была поставлена въ разсчетѣ на болѣе широкое распространеніе прокламаціи, изданной отъ имени «Рабочаго Союза».

сначала сдѣлать такъ, какъ требуютъ, а потомъ они начнутъ работу, и, конечно, эти объясненія ни къ чему не привели. Потомъ инспекторъ являлся чуть не каждый день и до того надоѣлъ, что мы перестали съ нимъ разговаривать. Однажды явился онъ къ фабричнымъ воротамъ; рабочихъ около фабрики было много; онъ издалека сталъ звать рукой рабочихъ поговорить. Но они только смѣялись. Наконецъ, онъ истощилъ все терпѣніе, — плюнулъ и ушелъ.

„Послѣ этого, на слѣдующій день, явился околодочный и попросилъ, чтобы мы избрали отъ себя депутацію къ градоначальнику. Мы избрали пять человѣкъ, во главѣ которыхъ былъ сыщикъ Василій Кузьмичъ Кузюткинъ (какъ оказалось потомъ). Они предстали передъ очами жреца петербургской полиціи, который не далъ сказать ни единаго слова, а сказалъ, что онъ знаетъ, что фабриканты насъ притѣсняютъ и что онъ поручилъ это дѣло разобрать, а насъ проситъ начать работу; затѣмъ расшаркался и ушелъ. Но сыщикъ, по своимъ соображеніямъ, рѣшилъ воротить градоначальника и попросилъ выслушать рабочихъ, самъ-же и сталъ говорить, какъ притѣсняютъ рабочихъ и каковы ихъ требованія. Градоначальникъ повторилъ прежнее, „что онъ поручилъ разсмотрѣть, а вы начинайте работать“. На слѣдующій день градоначальникъ прислалъ телеграмму рабочимъ, что онъ выслушалъ нашихъ депутатовъ и вполнѣ сочувствуетъ намъ, что вслѣдствіе этого дѣло онъ поручилъ уже разобрать и самъ будетъ стараться, насколько это возможно, поддерживать насъ, а до рѣшенія дѣла проситъ приняться за работу. И вотъ околодочный тысячу разъ прочиталъ, что „его превосходительство...“, а дальше рабочіе кричатъ: „не согласны!...“

„Затѣмъ придумали новый фокусъ: стали насъ *вызывать къ слѣдователю въ фабричную контору*. Но мы стояли на своемъ. Когда и это нашли недѣйствительнымъ, тогда потребовали въ зданіе Окружного Суда, и изъ первой же партіи рабочихъ слѣдователь засадилъ въ предварилку троихъ рабочихъ. Этимъ онъ хотѣлъ заставить рабочихъ отказаться отъ своихъ требованій, но рабочіе говорили: „какъ всѣ, такъ и я; люди начнутъ работать, и я пойду работать. А то какъ же: я пойду — меня могутъ побить!“ Хотя рабочій вполнѣ былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ по доброй волѣ и что бить его никто не будетъ.

„Слѣдователь не спрашивалъ, какъ насъ притѣсняютъ,

а спрашивалъ: „кто насъ подговаривалъ прекратить работу, кто даетъ денегъ и разбрасываетъ листки и книжки?“ Всѣ рабочіе заявили, что листковъ они не видали [1]), а деньжонокъ не худо бы, если бъ кто далъ хоть пятерочку; а что подговаривать у насъ некому,— всѣ сами не пошли (на работу).

„Когда фабрикантъ убѣдился, что никто рабочихъ не въ состояніи заставить приняться за работу—ни полиція, ни слѣдователь, (а въ началѣ стачки онъ на нихъ шибко надѣялся и даже попросилъ, чтобы ему выслали казаковъ отодрать рабочихъ и плетью заставить работать; но драть было нельзя, потому что рабочіе вели себя примѣрно), то перемѣнилъ свой тонъ. Выйдя на улицу, онъ сталъ зазывать рабочихъ поговорить съ нимъ. Рабочіе отъ себя послали дворника, чтобы Кожевниковъ, если желаетъ говорить, выслалъ полицію и управляющаго прочь. Онъ такъ и сдѣлалъ, но попросилъ рабочихъ къ себѣ во дворъ. Здѣсь рабочіе, быть можетъ, въ первый разъ почувствовали себя равными фабриканту и стали говорить ему горькую правду, что онъ далъ волю управляющему и насъ отъ себя гонитъ прочь: „благо тебѣ хорошо, а мы работаемъ чуть не даромъ“. Когда же хозяинъ сталъ оправдываться, то рабочіе, чуть не съ бранью, отвѣчали, что онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ сбавлялъ расцѣнки и прибавлялъ мѣры въ кускахъ. Тогда онъ сказалъ: „хорошо, вы только начинайте работать,—я расцѣнки прибавлю, но время я сейчасъ сбавить не могу: дѣло теперь, какъ ваше, такъ и мое, разбирается, а если я убавлю время, то меня посадятъ за это въ тюрьму“.

„Наконецъ, рабочіе, какъ ни крѣпко стояли съ начала дѣла и какъ ни надѣялись тогда на успѣхъ своего дѣла, стали терять надежду; да кромѣ того у многихъ и экономическая необезпеченность давала себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ, и подъ вліяніемъ этого рабочіе мало-по-малу, начинали работать, и уже 12 іюня фабрика пошла полнымъ ходомъ. *Но духомъ мы не упали и при первой же возможности повторимъ то же самое.* Товарищи говорятъ: если же мы и не работали двѣ недѣли, то намъ

---

[1]) Хотя однажды утромъ, послѣ ночи, въ которую появилась масса листковъ и часть ихъ попала въ руки полиціи, даже жандармскій офицеръ разговаривалъ съ нами о содержаніи ихъ. Онъ хаялъ, называлъ ихъ «глупыми и дурацкими», тогда какъ рабочіе хвалили. Также при чтеніи телеграммы отъ градоначальника изъ заднихъ рядовъ кричали: *„мы не вѣримъ писанному, у насъ свои есть печатныя“.*

на товаръ набавили немного, такимъ образомъ въ теченіе года мы все свое возьмемъ, кромѣ того въ барышахъ останется то, что мы въ двѣ недѣли отдохнули.

„Болѣе начитанные изъ насъ сходились все время стачки человѣкъ по 5 и больше, брали каждый себѣ, и въ укромномъ мѣстечкѣ читали или „Рабочій день“, или „Новыя правила“ (она же „Что нужно знать каждому рабочему“), или „Царь-голодъ“. Вообще замѣчу, что теперь рабочій не таковъ, какимъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и долго гнуть себя не позволитъ.

„Жаль, что у насъ трудно устраивать кассы на случай стачки. *Будь у насъ хлѣбъ, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими „разумными мѣрами“.*

ГЛАВА IV.

Зимняя стачка.

Стачка кончилась, началась „чистка“. Множество стачечниковъ было выслано изъ Петербурга, тюрьмы и участки были полны арестованными. Къ половинѣ іюля было арестовано 1050 человѣкъ. Въ концѣ іюня была взята на Лахтѣ народовольческая типографія и вмѣстѣ съ тѣмъ были также произведены обширные аресты и обыски. Въ типографіи погибла уже совсѣмъ напечатанная брошюра „Иванъ Гусъ“, предназначенная народовольцами, главнымъ образомъ, для распространенія среди крестьянъ, и безвозвратно пропала готовая къ печати брошюра „Объясненіе законовъ о стачкахъ“, переданная для набора отъ Союза. Были взяты также документы, касающіеся договора Союза и Группы Народовольцевъ относительно ихъ совмѣстной работы по части редактированія и издательства рабочей литературы. Такая совмѣстная дѣятельность была вполнѣ возможна, такъ какъ тогдашняя петербургская Группа Народовольцевъ, подъ вліяніемъ массоваго рабочаго движенія, сдѣлала огромный шагъ въ сторону соціалдемократіи. № 4 ихъ „Летучаго Листка“ былъ составленъ въ такомъ духѣ, что, за исключеніемъ немногихъ статей, его свободно можно было бы принять за соціалдемократическое изданіе. Правда, петербургская группа, издавшая этотъ „Листокъ“, навлекла на себя нареканія со стороны многихъ изъ своихъ товарищей за границей и въ провинціи. Но Союзу Борьбы приходилось имѣть дѣло именно съ петербургской Группой Народовольцевъ, и именно съ нею были завязаны издательскія сношенія еще группою „стариковъ“. Въ своей прекрасно обставленной типографіи народовольцамъ удалось издать нѣсколько хорошихъ брошюръ для рабочихъ, а Союзъ былъ главнымъ ихъ покупателемъ и распространителемъ. Все это подготовило почву для болѣе тѣсной совмѣстной работы. Однако, всѣ планы были разрушены арестами, и теперь прокуроры и

жандармы усердно „трудились“, ломая голову надъ распутываніемъ двухъ сложныхъ дѣлъ—Союза и Группы Народовольцевъ.

Сыскное отдѣленіе тоже не дремало. Фабрики и заводы были наводнены цѣлыми тучами шпіоновъ и провокаторовъ. Хотя рабочіе уже начинали мало-по-малу отличать ихъ отъ своего брата, однако сыщики и провокаторы дѣлали свое дѣло и сильно затрудняли дѣло пропаганды и агитаціи Союза.

За время стачки дѣйствующія революціонныя силы объединились, и Союзъ продолжалъ существовать, несмотря на крупныя потери, понесенныя за лѣто и осень 1896 г.

Союзъ былъ реорганизованъ. Его новая организація сложилась слѣдующимъ образомъ. Послѣ разгрома его въ августѣ, отъ Союза уцѣлѣла лишь одна небольшая соціалдемократическая группа, ведшая свое происхожденіе отъ группы рабочихъ Невской заставы. Она примкнула къ Союзу во время лѣтнихъ стачекъ. Къ этой группѣ пришлось присоединиться немногимъ членамъ Союза, оставшимся на свободѣ, а также вскорѣ выпущеннымъ на свободу за недостаткомъ уликъ. Сказанная группа объявила себя Союзомъ и немедленно же принялась организовывать свои кружки въ различныхъ рабочихъ районахъ Петербурга. Скоро образовалось такимъ путемъ нѣсколько мѣстныхъ союзныхъ группъ: группы Невской заставы, Балтійскаго завода, Городская группа; группы Петербургской и Выборгской стороны. Кромѣ того была еще группа, завѣдующая техникой (ремингтономъ, мимеографомъ и проч.). Организаторы мѣстной и технической группъ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы ихъ представителями. Они собирались вмѣстѣ на общія собранія и составляли собою центральную группу Союза. Въ нее входили также кассиръ, товарищъ, завѣдывавшій сношеніями съ за границей, и еще нѣкоторыя лица. Центральной группѣ принадлежало общее направленіе дѣятельности Союза. Выполненіе общихъ рѣшеній, организація, пропаганда и агитація среди рабочихъ составляли задачу мѣстныхъ районныхъ группъ. Послѣднія пользовались значительною самостоятельностью. И въ случаѣ разгрома Союза оставшейся группѣ предоставлялось право объявить себя Союзомъ и дѣйствовать въ качествѣ такового.

Дѣло организаціи, пропаганды и агитаціи среди рабочихъ велось довольно успѣшно. Однимъ изъ членовъ Союза были выработаны двѣ спеціальныя программы для си-

стематическихъ занятій съ рабочими. Къ сожалѣнію, объемъ этихъ программъ, даже болѣе краткой изъ нихъ, не позволяетъ ихъ привести здѣсь. Скажу лишь, что она начиналась съ разсмотрѣнія фактическаго положенія русскихъ рабочихъ и сравненія условій ихъ жизни съ условіями жизни западно-европейскихъ рабочихъ. Выяснялось значеніе рабочаго вопроса вообще. Затѣмъ давалось понятіе о развитіи капиталистическаго производства въ Россіи. Выяснялись основныя понятія политической экономіи по первому тому „Капитала“ Маркса. Особое вниманіе останавливалось на значеніи прибавочной стоимости, величины рабочаго дня, заработной платы и на всевозможныхъ способахъ эксплуатаціи рабочихъ капиталистами (штрафы, вычеты, браковка и пр.). Выяснялось значеніе развитія машинизма, концентраціи производства, рынковъ, промышленной конкуренціи, перепроизводства, кризисовъ, арміи безработныхъ. Далѣе переходили къ средствамъ, съ помощью которыхъ рабочіе могутъ улучшать свое положеніе. Разъяснялось значеніе рабочаго законодательства, являющагося результатомъ рабочаго движенія. Критически разбирались различные виды самопомощи. Выяснялось значеніе стачекъ, союзовъ, бойкота и проч. Выяснялось значеніе классовой борьбы и указывалось, что исходъ изъ современнаго положенія заключается для рабочаго класса въ его самосознаніи и самоосвобожденіи. Разъяснялось значеніе рабочихъ партій, политической борьбы, всеобщаго избирательнаго права и парламентской дѣятельности для пролетаріата. Говорилось о необходимости подчинить демократическому контролю всѣ средства производства, распредѣленія и обмѣна и выяснялось значеніе ихъ обобществленія. Въ заключеніе останавливалось еще разъ вниманіе на отношеніи современнаго политическаго строя къ самосознанію и самоосвобожденію рабочихъ и къ вытекающему отсюда нашему отношенію къ политическому строю. Такова была программа, выработанная зимой 1896 года.

Популярность Союза возросла, и даже самостоятельные кружки рабочихъ не сторонятся теперь по прежнему Союза, а входятъ съ нимъ въ сношенія и до нѣкоторой степени считаютъ его своимъ выразителемъ.

Союзу несбходимо было формулировать всю совокупность тѣхъ основныхъ принциповъ, которыми онъ руководился въ своей практической дѣятельности. Такимъ образомъ, ростъ сознательнаго рабочаго движенія неизбѣжно ставилъ предъ Союзомъ вопросъ о вполнѣ опредѣленной

соціалдемократической программѣ. Программа требовалась тѣмъ настоятельнѣе, что функціи Союза, какъ представителя петербургскаго сознательнаго рабочаго движенія, становились все болѣе важными и отвѣтственными. Какъ таковому Союзу приходилось выступать и предъ русскимъ обществомъ, и предъ правительствомъ, и предъ заграничными русскими и иностранными соціалистическими организаціями, и, наконецъ, предъ соціалистическими организаціями, существующими въ предѣлахъ Россійской имперіи, каковы группы Народовольцевъ, Польская Соціалистическая Партія и еврейская организація. Союзу необходимо было опредѣлить свою физіономію, и, слѣдовательно, вопросъ о программѣ былъ вопросомъ крайне важнымъ.

Между тѣмъ Союзъ былъ такъ заваленъ текущей работой, что у него рѣшительно не хватало ни времени, ни силъ заняться составленіемъ программы, и эта работа была поручена одному товарищу, стоявшему тогда въ сторонѣ отъ активной дѣятельности. Порученіе было выполнено въ видѣ проекта программы партіи. Но, къ несчастію, въ силу полицейскихъ условій, проектъ программы былъ уничтоженъ, даже не будучи прочитанъ большинствомъ участниковъ Союза.

Осень давно уже прошла, а неопредѣленныя обѣщанія, данныя правительствомъ рабочимъ, не думали выполняться. Среди обманутыхъ рабочихъ все время шло волненіе. Между ними ходили слухи, что между фабрикантами и министерствами идутъ какіе-то переговоры, и всѣ ждали... Какъ лѣтомъ ждали осени, такъ и теперъ ждали новаго года. Союзъ время отъ времени издавалъ прокламаціи, напоминая обѣщанія правительства. Вотъ, напримѣръ, что писалось въ прокламаціи къ рабочимъ Екатерингофской мануфактуры въ декабрѣ 1896 года:

Товарищи!

Наша лѣтняя стачка, которую заграничные рабочіе въ своихъ привѣтствіяхъ намъ назвали «великой», показала фабрикантамъ и правительству, что русскіе рабочіе будутъ отнынѣ бороться за улучшеніе своего быта, хорошо понимая свои интересы и сознавая собственную силу. Фабриканты и правительство испугались нашей объединенной силы и по-добру по-здорову рѣшили заговорить съ рабочими на нѣкоторыхъ фабрикахъ о сокращеніи рабочаго дня.

тотъ же вопросъ рѣшается и въ комиссіи. Но комиссія и раньше занималась этимъ баловствомъ, а мы по прежнему ведемъ жизнь заторжниковъ.

Нѣтъ, товарищи, фабриканты и правительство только подъ постояннымъ напоромъ нашихъ силъ будутъ удовлетворять наши требованія. На этихъ клячахъ безъ кнута далеко не уѣдешь».

Дальше въ прокламаціи излагаются мѣстныя злоупотребленія администраціи фабрики и выставлено 9 требованій, которыхъ необходимо добиться. Прокламація заканчивается такъ:

„Закончимъ пока на этомъ. Впереди у насъ борьба за *сокращеніе рабочаго дня*. Готовьтесь, товарищи, защищать свои требованія. Борьба давно началась. Сумѣйте же довести ее до конца".

„Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса".

Уже по этой прокламаціи читатель самъ видитъ, что Союзъ напоминалъ рабочимъ о невыполненномъ требованіи, но не призывалъ сейчасъ же настаивать на его выполненіи. И правда, по всему было видно, что правительство лишь въ томъ случаѣ пойдетъ на уступки въ главномъ требованіи — сокращенія рабочаго дня, если снова начнется общая забастовка. Между тѣмъ стояли сильные морозы. Какъ можно было звать людей къ забастовкѣ, когда ихъ ждетъ не только голодъ, но еще и холодъ?!

Но рабочіе, очевидно, такъ утомились отъ напряженнаго ожиданія, что даже забыли суровыя условія зимы. Всюду шли волненія. Полиція тоже не дремала. До Союза окольнымъ путемъ дошли свѣдѣнія, что правительство готовится къ новой стачкѣ. Что всюду разосланы циркуляры, приказано усиленно слѣдить и немедленно доносить. Что подписана масса арестовъ. Что войска на готовѣ и проч.

Прошелъ новый годъ, давно ожидаемое 1-ое января 1897 года. Измѣненій рабочаго дня не было объявлено. Тогда прекратили работу двѣ фабрики Максвелля (Петровская и Спасская). Это были именно тѣ самыя фабрики, рабочіе которыхъ еще лѣтомъ заявляли, что если правительство не выполнитъ обѣщаній, они станутъ къ новому году.

Все дѣло началось съ разговора между собравшимися рабочими и фабричнымъ инспекторомъ. На его вопросъ, „почему они не работаютъ?" рабочіе отвѣчали: „какъ намъ работать, когда правительство не исполняетъ своихъ обѣщаній? Вѣдь лѣтомъ намъ обѣщали, что новый рабочій

день будетъ введенъ чрезъ 2—3 мѣсяца. Теперь прошл слишкомъ 7 мѣсяцевъ, а обѣщаніе не исполнено".

— Надо обождать,—отвѣчаетъ инспекторъ.—Вы, рабо чіе, не знаете, какъ трудно вводить новый порядокъ. Вѣд для уменьшенія рабочаго дня на 1 часъ потребовалось дл разработки проекта 12 лѣтъ (!!). Вы же теперь хотит уменьшенія рабочаго дня на 2½, а гдѣ и на 4 часа.—При этихъ словахъ раздаются ироническія восклицанія.

— Ну, ребята, теперь надо, значитъ, намъ ждать 48 лѣтъ

Инспекторъ отвѣчаетъ, что такую реформу нельзя сразу ввести.

— Да и мы не думаемъ добиться всего *сразу*. Мы намѣрены устроить по крайней мѣрѣ семь бунтовъ въ одинъ годъ,—слышатся ироническіе крики изъ толпы.

„Разговоръ" ни къ чему не привелъ. „Предупредительная" администрація фабрики заперла было на Петровской часть рабочихъ. Но двери были выломаны. За Петровскими послѣдовали и Спасскіе.

— Вы—нищіе, а беретесь за такое дѣло,—пустилъ въ рабочихъ язвительно директоръ Шульцъ.

— Не благодаря ли нашей нищетѣ ты разбогатѣлъ?!—отвѣчали изъ толпы, и въ лицо управляющему полетѣли книжки „царь и царица въ гостяхъ у французовъ", раздаваемыя во время праздниковъ рабочимъ фабричной администраціей.

Рабочіе выставили лѣтнія требованія и просили Союзъ напечатать листки, приглашая всѣ фабрики примкнуть къ забастовкѣ. Заволновался Александровскій и Обуховскій заводы и на фабрикахъ Максвелля волненіе еще болѣе усилилось. Союзъ тянулъ время, чтобы выяснить хорошенько, стоитъ ли, слѣдуетъ ли въ зимнюю пору приглашать всѣхъ рабочихъ къ общей забастовкѣ? Поддержатъ ли остальныя фабрики лѣтнія требованія?

3-го января максвельцы послали на Обводный своихъ представителей, приглашая пристать къ забастовкѣ. А за Невской заставой полиція вздумала заняться популяризаціей Союза. Тамъ объявился провокаторъ—рабочій Козловъ, выдававшій себя за представителя Союза; онъ настаивалъ, что ему отъ Союза поручено организовать стачку, указывалъ лицъ, къ которымъ слѣдуетъ направлять денежную помощь. Впрочемъ, послѣднее случалось не разъ; не разъ до Союза доходили слухи, что то тамъ, то сямъ собираются деньги „для Союза". Но предупредить подобныя злоупотребленія было очень трудно.

Козловымъ была издана даже какая то прокламація весьма нелѣпаго содержанія, поддѣланная и довольно искусно подъ шрифтъ Союза. Однако рабочіе скоро раскрыли эту плутню.

Администрація на Россійской мануфактурѣ (на Обводномъ) пригласила выборныхъ отъ рабочихъ и вздумала ихъ успокаивать тѣмъ, что, молъ, „проектъ вырабатывается", что, молъ, забастовка тѣмъ и неудобна, что отдаляетъ время выработки проекта.

На это рабочіе отвѣчали: „проектъ вырабатывается съ 1886 г., а толку все нѣтъ. Вы имъ отвалите вотъ столько— (показывается на большой картонный листъ),—они и начнутъ снова „вырабатывать проекты".

Администрація пыталась возражать.

— И въ газетахъ пишутъ про сокращеніе рабочаго дня.

— Въ газетахъ предлагаютъ, *какъ* дѣлать, но еще ничего не дѣлаютъ—послышалось въ отвѣтъ.

Администрація вздумала напомнить рабочимъ, что они явились виновниками лѣтней стачки („вспомните, что забастовка лѣтомъ началась на Россійской мануфактурѣ"), намекая, что теперь они не должны повторять того же. На это рабочіе отвѣтили:

— Мы и теперь не ручаемся за то, что не бросимъ работу. Если придутъ и скажутъ „бросьте работу!", мы не можемъ не бросить.

У Штиглица тоже происходили уговариванья рабочихъ, съ завѣреніемъ о близкомъ сокращеніи рабочаго дня. На Екатерингофской, Новой, у Воронина, Чешера—та же исторія. На Балтійскомъ неспокойно.

Между тѣмъ 3-го же января министерство финансовъ созвало совѣщаніе изъ фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ, чтобы рѣшить вопросъ, какъ предупредить дальнѣйшее развитіе начавшейся у Максвелля стачки. Рѣшено было разослать по фабрикамъ объявленія приблизительно слѣдующаго содержанія: „Министерство финансовъ, благодаря ходатайству фабрикантовъ и рабочихъ (!) обратить вниманіе на вопросъ объ уменьшеніи рабочаго дня, выработало законопроектъ, который скоро и поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; законопроектомъ предполагается регулировать рабочій день для всей Россіи. Въ настоящее же время, пока нѣтъ соотвѣтственнаго закона, уменьшеніе рабочаго дня зависитъ отъ доброй воли фабрикантовъ, и всякое вымогательство (!) со стороны рабочихъ противозаконно".

Вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ, совѣщаніе министра рѣшило отказаться отъ программы дѣйствій, предпринятой во время лѣтнихъ стачекъ, когда было предписано всѣмъ фабрикантамъ не соглашаться ни на какія требованія рабочихъ относительно ограниченія рабочаго дня.

Любопытны нѣкоторыя подробности этого совѣщанія. Присутствовавшаго на совѣщаніи градоначальника Клейгельса Витте спросилъ: „можетъ ли онъ заставить рабочихъ работать?“

На это Клейгельсъ отвѣтилъ:

— Если бы рабочіе толпились на улицѣ, нарушали бы тишину и порядокъ, я съ ними справился бы. Но разъ они сидятъ по домамъ, я ничего не могу съ ними подѣлать.

Зашелъ разговоръ о томъ, какъ остановить движеніе. *Главный фабричный инспекторъ Рыковскій* сталъ доказывать, что *никакихъ уступокъ рабочимъ дѣлать нельзя*. Нѣкоторые же помощники фабричнаго инспектора стояли за уступки, такъ какъ иначе не остановить движенія. Стали голосовать, кто за уступки, кто противъ. Витте былъ сильно перепуганъ. Всѣ крупные фабриканты стояли за уступки, мелкіе—*противъ*. Начали считать голоса. Витте предложилъ счетъ *по числу рабочихъ*, занятыхъ у бывшихъ на совѣщаніи фабрикантовъ. Оказалось, что 12,000 рабочихъ за уступки и 11,000—противъ. Такъ г. Витте заочно распорядился голосами рабочихъ! Рѣшено было сдѣлать уступки.

Рѣшено было также немедленно разослать по всѣмъ фабрикантамъ бланки такого содержанія.

„Симъ объявляется рабочимъ... мануфактуры, что съ... числа рабочій день сокращается съ... на... часовъ“. Слѣдуетъ печать фабричной инспекціи.

Оставленные пробѣлы должны были служить мѣстомъ для вписыванія „добровольныхъ“ уступокъ гг. фабрикантовъ. Въ тотъ же день объявленія были разосланы по фабрикантамъ, а 4-го градоначальникъ прекратилъ ихъ разсылку. Волненія распространялись все шире и шире. Забастовалъ Александровскій чугунный заводъ. Рабочіе требовали прежней расцѣнки, уничтоженія штрафовъ, а главное, чтобы въ субботу кончали работу въ 2 часа.

Администрація завода переполошилась. Извѣстно, что этотъ заводъ является мастерскими Николаевской желѣзной дороги. Созвано было собраніе начальниковъ тяги. Директоръ завода Герцъ заявилъ, что онъ за заводъ не ручается. Рѣшено было уступить. Забѣгая немного впередъ, я скажу, что 7-го января было вывѣшено объяв-

леніе за подписью управляющаго дорогой о томъ, что требованія рабочихъ будутъ удовлетворены, и рабочіе принялись за работу. Болѣе того, относительно прекращенія работы въ 2 часа по субботамъ было дано знать во всѣ желѣзнодорожныя мастерскія казенныхъ дорогъ по всей имперіи *).

4-го января у Воронина администрація призвала въ контору выборныхъ отъ рабочихъ и объявила, что съ 14 января рабочій день сокращается на $1^1/_2$ часа.

Въ тотъ же день на Обводномъ каналѣ попъ сказалъ въ церкви проповѣдь на тему „о стачкѣ за Невской заставой". Онъ грубо доказывалъ „заботливость" г.г. фабрикантовъ; а рабочихъ, молъ, мутятъ нѣмцы да англичане, да тѣ, что живутъ въ № 44 по Волынкѣ...

Рабочіе были возмущены. Хотя въ церкви было много городовыхъ и околоточныхъ, однако одинъ рабочій крикнулъ попу:

— Если бы ты самъ проработалъ столько, сколько мы работаемъ, то и безъ англичанъ додумался бы до стачки!

Многіе просто ругали попа и вслухъ высказывали предположенія, что вѣроятно за проповѣдь онъ получилъ хорошую плату отъ хозяевъ.

На другой день другой попъ тоже говорилъ проповѣдь о стачкѣ и съ тѣмъ же успѣхомъ.

5 января было новое совѣщаніе въ министерствѣ. Рѣшено было съ 16-го апрѣля ввести новый законъ о сокращеніи рабочаго дня по всей Россіи. Я не знаю подробностей объ этомъ совѣщаніи. Не помню, на этомъ ли или на предыдущемъ совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ о томъ, какое значеніе будетъ имѣть новый законъ на агитацію— уменьшитъ ли ее или увеличитъ. Одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ на это заявилъ, что имъ трудно считаться съ этимъ вопросомъ. Если рабочій день не будетъ сокращенъ, агитація будетъ. Если рабочій день сократится— агитація все равно будетъ.

---

*) Отъ одного своего пріятеля рабочаго, работавшаго въ одномъ провинціальномъ городѣ въ желѣзнодорожномъ депо, я слышалъ разсказъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело это распоряженіе въ провинціи. Прежде нельзя было урваться раньше 6 ч., а тутъ въ 2 часа ихъ почти гнали изъ мастерскихъ. Рабочіе сначала были удивлены. Но ихъ удивленіе перешло въ настоящій восторгъ, когда изъ распространенной среди рабочихъ прокламаціи «о значеніи Петербургской стачки», они узнали суть дѣла: улучшеніе, добытое борьбой Александровскихъ рабочихъ, распространилось на всю Россію.

Въ тотъ же день, т. е. 5 января, на совѣщаніи рабочихъ представителей нѣсколькихъ мануфактуръ, съ участіемъ рабочихъ мѣстной группы Союза, было *рѣшено немедленно же предъявить мытнія требованія* на всѣхъ фабрикахъ и въ случаѣ ихъ неисполненія 7-го января всюду начать забастовку. Былъ изданъ краткій листокъ съ требованіями.

Движеніе разросталось. Заволновался одиноко стоящій Торнтонъ. Администрація приняла мѣры, чтобы уничтожить сношеніе торнтоновскихъ рабочихъ съ райономъ на лѣвомъ берегу Невы.

Волненіе перенеслось на Выборгскую. Заволновались мануфактуры Шау и Мальцева (Старо-и Ново-Сампсоньевская мануфактуры). У Шау директоръ распинался предъ рабочими о своихъ добродѣтеляхъ. Женщинамъ онъ далъ на водку, а рабочимъ объявилъ, что сбавитъ время работы, какъ и на другихъ фабрикахъ... Сбавилъ бы, молъ, и больше, да ему не позволятъ... Плата у него, молъ, и безъ того высокая. Рабочіе заявили, чтобы онъ лучше хлопокъ отпускалъ подоброкачественнѣе,—обѣщалъ и это. Однако рабочіе рѣшили примкнуть къ забастовкѣ. Волненія проявились также у Кожевникова, Паля и на Глухо-Озерскомъ цементномъ заводѣ.

Настало 7 января, назначенный день общей забастовки. На Россійской мануфактурѣ „мальчики“ образовали группу человѣкъ въ 100 и пошли по всѣмъ этажамъ выгонять мюльщиковъ. Сопротивлявшихся женщинъ брали за руки и выводили. Явился директоръ и просилъ всѣхъ рабочихъ поскорѣе уходить съ фабрики, очевидно опасаясь поломки машинъ и бурныхъ сценъ. На его вопросъ:

— Явитесь ли 8-го на фабрику или будете сидѣть по домамъ? получился отвѣтъ:

— Встать придется, какъ обыкновенно, чтобы прійти къ фабрикѣ во-время. Придется поудерживать народъ; а то, знаете, найдутся такіе, которые, пожалуй, вздумаютъ работать... Постоимъ около фабрики часа $1^1/_2$ и разойдемся.

Администрація многихъ фабрикъ (Россійской, Екатерингофской, Кенига, Штиглица), того же 7-го января вывѣсила объявленіе, что съ 16 апрѣля рабочій день будетъ съ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера, $1^1/_2$ часа на обѣдъ. Но рабочіе рѣшили добиваться лѣтнихъ требованій, настаивая на *немедленномъ ихъ исполненіи*.

8-го числа на Россійской мануфактурѣ произошелъ такой разговоръ у рабочихъ съ фабричнымъ инспекторомъ:

— Господа, что же вы не идете на работу?—говорилъ

инспекторъ.—Вѣдь вамъ же сдѣлана уступка? Кто не захочетъ изъ васъ работать на фабрикѣ, можетъ поѣхать въ деревню, тамъ отдохнетъ...

На этомъ мѣстѣ рабочіе прерываютъ его и, указывая на изможденныя лица „мальчиковъ“, стоявшихъ впереди, говорятъ:

— Господинъ инспекторъ, посмотрите вы на нихъ. Какіе они работники въ деревнѣ!

— Вижу, господа, что плохіе... Ничего, ничего не могу сдѣлать. Не отъ меня зависитъ.

— Почему же въ объявленіи значится, что сокращеніе рабочаго дня до 11½ час. будетъ только съ апрѣля, а не сейчасъ?

— Раньше нельзя—былъ отвѣтъ инспектора.

— Такъ пусть намъ особо пока платятъ за лишніе часы, которые мы будемъ работать по старому, если „раньше 16-го апрѣля нельзя“.

— Не отъ меня это зависитъ,—отвѣчалъ инспекторъ.

Видя, что никакого толку не добьешься, рабочіе крикнули: „по домамъ!“ и разошлись.

У Кенига въ тотъ день волненіе было сильное, но съ грѣхомъ пополамъ работали. Вдругъ рабочіе увидали изъ оконъ фабрики, что пригнали три вагона городовыхъ.

— Какъ? мы работаемъ, а на насъ шлютъ городовыхъ!

Началось рванье нитокъ, бросаніе цѣвокъ и ровницы. Выставлены лѣтнія требованія.

9-го забастовала большая Охтенская мануфактура, несмотря на объявленіе о сокращеніи рабочаго дня. Выставлены лѣтнія требованія. Въ тотъ же день произошелъ разгромъ на Екатерингофской. Фабрика была вся освѣщена. Но рабочіе быстро поняли обманъ и собрались въ большомъ количествѣ къ воротамъ. Между тѣмъ полиція была на-готовѣ и городовые стояли въ два ряда по всей Волынкѣ.

Рабочіе стояли около воротъ фабрики, переговариваясь между собою, до послѣ-обѣденнаго свистка. Къ этому времени подошли рабочіе и съ другихъ фабрикъ. Были даже съ Путиловскаго завода. При свисткѣ всѣ стали выжидать: „что дѣлать?“ Вдругъ одинъ рабочій выступилъ впередъ и крикнулъ: „Пойдемъ работать!“

Вся масса хлынула на фабрику. Околоточные и администрація завода начали креститься отъ радости, что все уладилось, какъ нельзя лучше. Но не прошло и 10 минутъ, какъ въ воротахъ показался изъ фабрики блѣдный

и дрожащій подмастерье Николай Петровъ, крича, чтобы городовые шли на фабрику.

Двѣ сотни городовыхъ стягивались къ фабрикѣ, изъ оконъ которой между тѣмъ летѣли вмѣстѣ со стеклами, гири, цѣвки и прочее. Рабочіе прежде всего поднялись на верхній этажъ и стали гнать тѣхъ мюльщиковъ, которые приготовились было работать. Стали ломать рамы отъ машинъ и обломки летѣли въ окна. Когда полиція подошла къ фабрикѣ, рабочіе, стоявшіе еще на улицѣ, подали свистки, предупреждая товарищей объ опасности.

Быстро вызваннымъ жандармамъ былъ данъ приказъ немедленно оцѣпить всю фабрику, чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ изъ нея. Но на это жандармамъ потребовалось около 1½ часа.

Директоръ фабрики, говорятъ, обратился къ офицеру со словами; „Чего же вы смотрите? Берите ихъ!“ На что начальникъ жандармовъ будто-бы отвѣтилъ: „Я явился не брать ихъ, а успокаивать“.

Городовые же плохо знали ходы и, пока они блуждали, рабочіе, пробираясь по знакомымъ ходамъ и спускаясь по пожарнымъ лѣстницамъ, успѣли пройти на задній дворъ, а тамъ оставалось лишь перелѣзть черезъ невысокій деревянный заборъ... Такимъ образомъ, рабочіе другихъ фабрикъ всѣ убѣжали, а нѣсколько человѣкъ изъ своихъ попались въ руки администраціи, но скоро были отпущены.

На другой день самъ околоточный не пускалъ никого изъ „усердныхъ“ рабочихъ на фабрику. Вечеромъ среди Екатерингофскихъ рабочихъ было арестовано около 20 человѣкъ, у Максвелля, по указанію администраціи, арестовано около 30 человѣкъ.

9-го же января было два большихъ рабочихъ собранія. На одномъ были представители всѣхъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ (всѣхъ около 60 чел.), отъ Союза былъ представитель рабочій. Рѣчь шла о болѣе прочной организаціи рабочихъ и объ организаціи денежной помощи. Другое собраніе было частное. Оно состояло изъ рабочихъ представителей фабрикъ Кенига, Россійской и Екатерингофской. Было рѣшено, что если въ субботу 10-го января предложатъ разсчетъ, то разсчета не брать. Требовать, чтобы платили особо вплоть до 16 апрѣля за всѣ тѣ лишніе часы, которые рабочіе будутъ работать ежедневно сверхъ 11½ ч. Въ случаѣ высылки кого-либо изъ рабочихъ на родину, собрать деньги, причемъ подручные должны внести по 1 руб., концевые по 50 коп., задніе по 25 коп.

Наконецъ, было рѣшено держаться, пока можно. Какъ на предыдущемъ собраніи, такъ и на этомъ Союзъ Борьбы былъ представленъ рабочими, принимавшими участіе въ мѣстной группѣ Союза.

Въ тотъ же день отъ Союза былъ выпущенъ листокъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, которые моментально разошлись по фабрикамъ. Въ этомъ листкѣ были выставлены требованія рабочихъ, выработанныя ими на ихъ общемъ собраніи.

Въ тотъ же день по фабрикамъ было вывѣшено объявленіе отъ фабричныхъ администрацій такого содержанія: „На основаніи 105 ст. уст. о пром. симъ объявляемъ рабочимъ (такой то) мануфактуры, что если кто не придетъ на работу 10-го числа, пусть явится за разсчетомъ. 11-го числа тѣмъ, кто не явится, разсчетъ будетъ разосланъ по квартирамъ чрезъ полицію". Подписаны имена хозяина фабрики и старшихъ фабричныхъ инспекторовъ Рыковскаго и Мейера.

10-го января опять было собраніе рабочихъ представителей отъ фабрикъ, съ участіемъ интеллигентовъ, представителей отъ Союза. Было рѣшено заявить, что разсчета не желаютъ, а требуютъ простую получку. Вновь предъявить старыя требованія. Согласны и на новыя условія, но пусть они будутъ введены теперь же, въ январѣ. Рѣшено выпустить новый общій листокъ. На другой день появился новый листокъ ко всѣмъ ткачамъ и прядильщикамъ съ обращеніемъ ко всѣмъ остальнымъ рабочимъ за денежною помощью.

Однако фабричное начальство и полиція дѣлали свое дѣло. Начались массовые разсчеты, при чемъ рабочимъ объявляли, что если хотятъ, то могутъ наниматься снова. Тѣмъ, кто не шелъ за разсчетомъ, его пересылали черезъ полицію, а послѣдняя приказывала немедленно убираться изъ Петербурга. Болѣе умѣренные элементы среди рабочихъ стали уговаривать начать работу въ виду того, что сокращеніе рабочаго дня обѣщано весною. И стачка прекратилась.

Настроеніе среди рабочихъ было самое бодрое. Одна мысль о томъ, что отъ ихъ дружнаго напора моментально зашевелились власти, воодушевляла головы борцовъ. Да и можно было быть бодрыми. Пока рабочіе говорили и волновались въ теченіе осени, правительство готово было даже позабыть о своихъ лѣтнихъ обѣщаніяхъ. Работа собиравшихся комиссій шла крайне вяло, и дѣло, казалось,

затянется надолго. Но достаточно было забастовать только нѣсколькимъ фабрикамъ, какъ моментально зашевелились всѣ пружины. Экстренныя засѣданія въ министерствѣ, объявленія по фабрикамъ—все это слѣдовало съ стремительною быстротою. Конечно, моментъ для стачки былъ выбранъ неудачный, ибо суровая зима—плохой союзникъ для забастовщиковъ. Очень возможно, что если бы, какъ предполагалось Союзомъ, забастовка устроилась бы къ веснѣ, то уступки правительства были бы болѣе полныя и болѣе удовлетворяющія нужды рабочихъ.

Во всякомъ случаѣ, зимняя стачка, начавшаяся при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, еще разъ хорошо и наглядно показала правительству, что лѣтнія требованія рабочихъ не были пустымъ звукомъ; что рабочіе сознали, что болѣе короткій рабочій день есть первое необходимое средство для того, чтобы выйти изъ состоянія физическаго и умственнаго порабощенія. Словомъ, зимняя стачка показала правительству, что прошло то время, когда можно было устрашать рабочихъ Петербурга репрессіями или убаюкивать лживыми обѣщаніями. Правительство волей-неволей *принуждено* было приняться за непріятную для него работу подготовленія новаго закона.

Но излагать ходъ этой работы не входитъ въ мою настоящую задачу. Всѣхъ интересующихся исторіей и дальнѣйшей судьбой закона 2-го іюня 1897 г. я отсылаю къ интереснѣйшимъ „Тайнымъ документамъ“ и къ брошюрѣ „Новый фабричный законъ“, изданнымъ „Союзомъ рускихъ соціалдемократовъ“, и къ другимъ брошюрамъ, посвященнымъ вопросу объ этомъ законѣ.

Мнѣ же приходится перейти къ изложенію новаго *организаціоннаго* періода петербургскаго движенія и къ выясненію тѣхъ новыхъ задачъ, которыя „Пет. Союзу Борьбы“ предстояло выполнить, и тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ появилась группа и газета „Рабочая Мысль“.

ГЛАВА V.

Организаціонный періодъ движенія.—Новыя задачи Союза и условія, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла „Рабочая Мысль".

Описанные на предыдущихъ страницахъ ростъ и развитіе широкаго рабочаго движенія и постепенное пробужденіе къ сознательной жизни все болѣе и болѣе широкихъ круговъ рабочихъ естественно выдвинули впередъ массу новыхъ запросовъ и потребностей и поставили передъ дѣйствующими соціалдемократами цѣлый рядъ новыхъ задачъ. Нарожденіе въ самой рабочей средѣ сознательныхъ и дѣятельныхъ личностей, стремившихся отвѣтить на запросы своихъ товарищей, было однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій того же подъема, того же движенія.

Начавшаяся среди рабочихъ, особенно со времени лѣтней стачки 1896 г., организація постоянныхъ стачечныхъ кассъ не прекратилась. Теперь часто уже приходилось слышать, что то на той, то на этой фабрикѣ рабочіе устроили кассу съ цѣлью поставить свое дѣло на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Стоитъ взять одну изъ подобныхъ кассъ, чтобы получить понятіе объ ихъ характерѣ. Образцомъ этихъ кассъ можетъ служить касса, устроенная рабочими на фабрикѣ Кожевникова, на Обводномъ каналѣ. Насколько я знаю, у этой кассы не было никакого притока средствъ со стороны, такъ что сравнительно большой ея денежный оборотъ можетъ быть объясненъ лишь дѣятельнымъ участіемъ въ ней мѣстныхъ рабочихъ. Въ описываемое время ея расходъ былъ около 300 руб. (за нѣсколько мѣсяцевъ), ея наличность состояла изъ 100 руб. Питалась она членскими взносами. Расходованіе денегъ шло на такихъ основаніяхъ: 1/4 всѣхъ суммъ шла на стачки. Остальное дѣлилось на 4 части, изъ нихъ 2 части—на взаимопомощь, 1 часть на книги и 1 часть составляла постоянный фондъ. Какъ видитъ читатель, кассы подобнаго рода, конечно, не были кассами революціонныхъ соціалдемократическихъ организацій, а скорѣе походили подъ поня-

тіе такъ называемыхъ кассъ самопомощи. Кассами цеховыхъ рабочихъ союзовъ или трэдъ-юніоновъ подобныя кассы тоже нельзя называть, хотя они, между прочимъ, въ число своихъ задачъ вмѣщали и задачи кассъ подобнаго рода. Кассы, о которыхъ намъ приходится говорить, преслѣдовали болѣе широкія цѣли. Составъ членовъ подобныхъ кассъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ смѣшанный. Въ нихъ принимались просто *надежные* рабочіе, независимо отъ того, къ какому цеху они принадлежали.

Но организаторская дѣятельность активныхъ рабочихъ не ограничивалась кассами. Общеніе рабочихъ различныхъ мѣстностей быстро росло и развивалось. Частныя собранія рабочихъ представителей кружковъ различныхъ рабочихъ районовъ Петербурга теперь уже не прекращались. Подобнаго рода общеніе, взаимный обмѣнъ мыслей и мнѣній должны были находить себѣ, въ концѣ-концовъ, и письменное выраженіе. И оно находило его. Стоило бы только заглянуть въ архивъ тогдашняго Петербургскаго Союза Борьбы, чтобы увидѣть цѣлый рядъ образцовъ тѣхъ рукописей, которыми рабочіе заваливали Союзъ. Въ эту минуту, когда я пишу эти строки, у меня находится подъ руками какъ разъ нѣсколько подобныхъ рукописей. И я думаю, что читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я приведу нѣсколько строкъ изъ этихъ рукописей, чтобы показать, какъ активные рабочіе того времени понимали свои организаціонныя задачи. Беру три первыхъ случайно попавшихся рукописи. Двѣ изъ нихъ являются обращеніемъ дѣятельныхъ рабочихъ къ своему же брату-рабочему. Третья носитъ заглавіе „О кассахъ“ и была явно обращеніемъ рабочаго соціалдемократа къ интеллигентамъ Союза.

„Главная наша задача,—пишетъ рабочій, авторъ первой рукописи,—соединиться въ одинъ общій союзъ; для этого самое лучшее средство: организовать небольшіе кружки и заводить при нихъ кассы, въ которыя дѣлать взносы по возможности средствъ участвующихъ; соединить эти кружки въ одно цѣлое не будетъ стоить особаго труда“.

Рабочій, авторъ другой рукописи, задается, повидимому, той же задачей объединенія своихъ товарищей, хотя формулируетъ ее иначе. Онъ стремится разъяснить своимъ товарищамъ значеніе организованной силы вообще на частномъ примѣрѣ организаціи нашего правительства.

„Правительство, говоритъ нашъ авторъ, поддерживается общими силами тѣхъ людей, кому оно нужно для поддержанія своихъ интересовъ. Почему же и намъ не устроить среди насъ самихъ нѣчто въ родѣ правительства? Чтобы наше общее дѣло шло впередъ, необходимы люди, ведущіе его, и чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше. Гдѣ же ихъ взять? Надо выбирать среди своихъ же товарищей такихъ людей, потому что только сами рабочіе знаютъ хорошо свои интересы, только сами рабочіе могутъ честно и добросовѣстно исполнять требованія своихъ товарищей, своего класса. Но чтобы были такіе люди, надо чтобы была возможность учиться, развиваться, потому что мало только знать потребности самихъ рабочихъ, надо умѣть ихъ выполнять, а для этого надо знать много“.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свой организаціонный планъ, мало чѣмъ отличающійся отъ предыдущаго предложенія. Онъ предлагаетъ рабочимъ цѣлую сѣть фабричныхъ и заводскихъ „кружковъ самопомощи и кружковыхъ кассъ“.

„Благодаря такимъ кружкамъ самопомощи,—пишетъ рабочій,—всякій членъ будетъ чувствовать себя смѣлѣе при столкновеніяхъ съ начальствомъ, будетъ знать, что у него есть хорошіе пріятели, есть деньги про запасъ, а это много значитъ. При теперешнемъ положеніи вещей всякій надѣется *только на себя*, и получается такое положеніе, что будто онъ находится въ непроходимомъ дѣвственномъ лѣсу, или въ темномъ погребѣ, идетъ наугадъ, не понимая и не видя того, что онъ дѣлаетъ. Тогда же у него будутъ деньги, будутъ товарищи не только на заводѣ или фабрикѣ, а вездѣ въ Петербургѣ; вездѣ онъ найдетъ поддержку, всякій заранѣе будетъ знать, гдѣ лучше въ случаѣ перехода съ мѣста на мѣсто; будетъ знать, гдѣ нуженъ народъ, а гдѣ нѣтъ. Да мало ли преимуществъ кружковцевъ противъ обыкновенныхъ рабочихъ. А что касается наказанья за это, то помните, что не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ“.

Рабочій, авторъ третьей рукописи (помѣченной 31 октября 1896 г.), обращается къ интеллигентамъ соціалдемократамъ и, очевидно, стремится повліять на нихъ въ желательномъ ему направленіи:

„Главная цѣль передовыхъ, критически мыслящихъ людей,—пишетъ онъ,—должна быть: соединить въ одно цѣлое рабочую массу. Задача эта весьма сложная и требуетъ немалаго труда, благодаря деморализаціи рабочихъ и нашего строя. Нужно почти заставить рабочихъ хорошенько вдуматься въ свое положеніе, нужно вы-

рвать у нихъ рутинное убѣжденіе и доказать выгодность соціалистическаго строя. Повторяю, что этого достигнуть трудно. Интеллигенты соціалистической партіи скажутъ, что я преувеличиваю и смотрю на дѣло сквозь пальцы; быть можетъ, но имѣть такое мнѣніе я имѣю уважительныя причины и въ свою очередь мнѣ кажется, что интеллигенты и многіе даже изъ рабочихъ смотрятъ на положеніе вещей сквозь розовое стеклышко; это происходитъ отъ того, что интеллигенціи въ большинствѣ случаевъ приходится сталкиваться съ рабочими нѣсколько уже развитыми, которыхъ такъ мало, что они теряются въ большинствѣ неразвитыхъ. Но объ этомъ мы потолкуемъ когда-нибудь въ другой разъ, а теперь нужно порѣшить, какимъ путемъ скорѣе и легче можетъ быть достигнута цѣль. Передовые люди, отдѣльные личности должны быть, по возможности, предусмотрительны, при чемъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что передовыя личности это только *механизмы, дающіе направленіе*; но главная двигательная сила— это *масса*; слѣдовательно на обязанности личности лежитъ забота о сохраненіи этой силы и ея группированіи. Здѣсь нужно нѣкоторое терпѣнье, чтобы выждать большаго скопленія силы и, не разсѣивая ее въ разныхъ пунктахъ, дать отпоръ угнетающему строю.

Въ настоящее время борьба безспорно далеко не равная: на золотомъ знамени противоположнаго лагеря начертаны пугающія массу слова: «Богъ, Царь и Отечество»; на нашемъ: «Равенство Свобода, Братство». Не слѣдуетъ забывать, что первыя слова, которыя выкрикиваются попами и полиціей, заглушаютъ шопотъ вторыхъ, произносящихся шопотомъ. Но мы видимъ, что время отъ времени попы и полиція теряютъ свою силу, и армія подъ соціалистическимъ знаменемъ увеличивается.

Мы должны безпрерывно итти впередъ, собирая вокругъ себя большую силу, но для этого необходимо стараться выгоднѣе пользоваться тѣми атомами свободы, которые мы имѣемъ, и по возможности съ меньшими жертвами достигать ихъ расширенія. Какъ этого достигнуть? Вотъ вопросъ, на который нельзя дать рѣшительнаго отвѣта, тѣмъ болѣе потому, что не можемъ видѣть могущихъ быть всевозможныхъ измѣненій, которыя могутъ потребовать немедленныхъ реформъ въ революціонномъ дѣлѣ; также въ разныхъ мѣстахъ рабочіе, пользующіеся не одинаковыми условіями, должны имѣть хотя и къ одной цѣли ведущіе, но нѣсколько видоизмѣненные планы. Тѣмъ не менѣе движеніе должно быть водворяемо вездѣ по возможности въ одинаковыхъ формахъ. Первымъ и главнымъ къ этому шагомъ должны быть рабочіе кассы, объ устройствѣ которыхъ я и хочу поговорить нѣсколько подробнѣе.

Кассы должно устроить такъ, чтобы онѣ не казались рабочимъ непосильными, для этого опредѣленнаго взноса выставить нельзя, и

члены должны дѣлать таковые по возможности своихъ средствъ; при чемъ необходимо заботиться о томъ, чтобы участвующіе въ кассѣ не смотрѣли бы на нее, какъ на лимонъ, изъ котораго можно, въ свое удовольствіе, выжимать сокъ.

Касса прямо для революціонныхъ цѣлей хороша, но она найдетъ слишкомъ мало участвующихъ лицъ, слѣдовательно, должны быть нѣкоторые побочные интересы, которые могли бы придать ей наружный колеръ.

Въ каждой фабрикѣ или заводѣ удобнѣе устраивать нѣсколько маленькихъ кассъ, каждой изъ нихъ можетъ руководить одинъ болѣе развитой рабочій; число членовъ, смотря по возможности обстоятельствъ, человѣкъ 5—6 и болѣе. Представители каждой изъ такихъ кассъ въ каждомъ заводѣ или фабрикѣ должны имѣть сообщеніе, руководить книгами и вообще литературой, вести отчеты и проч.

Каждый представитель кружка долженъ вырабатывать изъ своихъ товарищей быть способными въ будущемъ руководить такими же кружками и одного всегда не мѣшаетъ имѣть въ виду для необходимыхъ порученій, замѣнить, если то потребуется, себя, или откомандировать во вновь образовавшійся кружокъ и т. д.

При каждомъ заводѣ или фабрикѣ нужно имѣть главную кассу, куда будетъ помѣщаться запасный капитальчикъ мелкихъ кассъ. Личность, завѣдующая этимъ пунктомъ, должна быть вполнѣ надежная, потому что здѣсь будутъ стянуты всѣ нити завода или фабрики въ одинъ узелъ. Этотъ кассиръ долженъ имѣть прямое или косвенное сообщеніе съ представителями кружковъ, слѣдить за нелегальной литературой, выбирать время для прокламацій, имѣть сообщеніе съ интеллигенціей, вести отчетъ главной кассы и проч.

Изъ такихъ кассъ каждаго завода или фабрики деньги должны откладываться и препровождаться въ центральную кассу соц. дем. партіи, которая должна храниться «аки зеница ока». Завѣдующіе центральной кассой прямого сообщенія съ заводами имѣть не должны, хотя не мѣшаетъ иногда пересылать отчетъ завѣдующимъ главнымъ кассами и, по усмотрѣнію опытнаго интеллигента, остальнымъ надежнымъ рабочимъ.

Въ случаѣ стачки, завѣдующіе центральной кассой должны быть предусмотрительны, чтобы пособіе (если таковое будетъ возможно сдѣлать) достигало своей цѣли...

... Интеллигентамъ необходимо посѣщать рабочихъ, но нужно быть по возможности осторожнѣе, потому что такіе люди дороги и имъ на удалую итти не слѣдуетъ. Вообще надо стараться, чтобы рабочіе сами шли впередъ; косвенно на нихъ вліять нужно, но не слѣдуетъ ставить въ такое положеніе, чтобы они чувствовали, что ихъ тянутъ."

Какъ же отвѣчалъ Союзъ Борьбы на подобные и другіе организаціонные запросы рабочихъ того времени?

Врядъ ли въ настоящее время кто-либо изъ дѣйствующихъ петербургскихъ товарищей станетъ оспаривать или, еще болѣе, возражать что-либо противъ значенія настоящаго, смѣшаннаго состава Союза Борьбы, въ который на одинаковомъ основаніи входятъ и рабочіе и интеллигенты. Врядъ ли теперь кто-либо станетъ возражать противъ того, что образованный дѣятельный рабочій сможетъ болѣе умѣло, лучше и болѣе конспиративно выполнять роль организатора рабочихъ, чѣмъ сталъ бы выполнять эту роль менѣе знакомый рабочей средѣ и менѣе знакомый съ рабочею средою интеллигентъ? Однако эти самоочевидныя истины не казались еще таковыми въ 1896 г.

Ни для кого не составляетъ тайны, что ядро Союза состояло изъ интеллигентовъ. Всего точнѣе конституцію тогдашнаго Союза можно было бы опредѣлить слѣдующими словами: онъ состоялъ изъ центральной и мѣстныхъ группъ, членами которыхъ были интеллигенты, имѣвшіе связи съ дѣятельными рабочими. Такой составъ Союза, можетъ быть, еще годился для кружковой работы и отчасти для той начальной стадіи агитаціи, которая велась еще до лѣтнихъ стачекъ; но онъ совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ организаціоннымъ, агитаціоннымъ и даже пропагандистскимъ задачамъ, какія впервые были поставлены передъ Союзомъ лѣтними стачками и теперь самымъ настойчивымъ образомъ требовали новыхъ силъ, пріемовъ и средствъ для своего разрѣшенія.

Прежде всего было необходимо возстановить общую рабочую организацію (объединеніе мѣстныхъ районныхъ организацій), разрушенную арестами 95 и начала 96 годовъ. Единство дѣйствій районныхъ организацій обезпечивалось бы центральной агитаціонной группой или рабочимъ комитетомъ изъ рабочихъ, представителей отъ районовъ. Такая группа организовалась, но *относительно ея роли* между членами центральной организаціи Союза происходили разногласія.

Разногласіе въ тогдашнемъ Союзѣ происходило по той причинѣ, что часть членовъ центральной организаціи Союза настаивала, чтобы *все оставалось по старому*, т. е. ядро Союза состояло бы по прежнему только изъ интеллигентовъ, и чтобы только они были руководителями движенія. Что же касается агитаціонной рабочей группы, то она должна стоять на периферіи.

Другіе же настаивали, что вести дѣло подобнымъ способомъ дальше нельзя, ибо тогда Союзъ потеряетъ свое значеніе и вліяніе среди рабочихъ; что мы *должны* считаться съ наличностью среди рабочихъ сознательныхъ силъ, которыя рвутся къ работѣ и къ дѣятельному участію въ Союзѣ. Организація Союза *должна* быть измѣняема, сообразно потребностямъ времени, иначе она будетъ мертвою организаціей; что не надо закрывать глаза на факты: функціи Союза растутъ, мы не успѣваемъ дѣлать даже ту работу, которую выполнять можемъ только мы, въ то время, какъ мы безполезно тратимъ силы на такую работу, которая съ большимъ успѣхомъ можетъ быть выполнена самими рабочими. Силъ у насъ недостаетъ, и главное недостаетъ такихъ силъ, которыя могли бы вести организаціонную работу въ рабочей средѣ. Поэтому *необходимо* отказаться отъ прежней системы, необходимо включить въ центральную организацію Союза нѣсколько представителей отъ агитаціонной рабочей группы и ввести болѣе правильное раздѣленіе труда. Только такимъ путемъ Союзъ можетъ развиваться дальше, расширять свою дѣятельность, распространять свое вліяніе и проникать глубже во все болѣе и болѣе широкіе круги рабочихъ и пріобрѣтать фактическую возможность руководить рабочимъ движеніемъ Петербурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ, наконецъ, было бы разъ навсегда покончено съ той перегородкой, которая отдѣляла соціалистовъ интеллигентовъ отъ соціалистовъ-рабочихъ.

Подумать объ всемъ этомъ было тѣмъ болѣе своевременно, что среди рабочихъ, рвущихся къ активной дѣятельности, начинало зарождаться глухое недовольство Союзной организаціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ у рабочихъ было такое уваженіе къ Союзу, что они хотѣли работать именно подъ его знаменемъ. Среди насъ, стоявшихъ за дѣятельное участіе рабочихъ въ Союзѣ, не разъ возникала мысль, что если Союзъ сейчасъ не исполнитъ своего долга, то въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, намъ придется считаться съ печальнымъ фактомъ, что часть сознательныхъ рабочихъ отстанетъ отъ Союза и будетъ дѣйствовать самостоятельно; и кто знаетъ, что можетъ выйти изъ этого, быть можетъ, даже борьба съ Союзомъ и его тактикой.

Читатель спроситъ, какіе же аргументы выдвигали тѣ члены Союза, которые отстаивали старый порядокъ. Эти аргументы сводились главнымъ образомъ на то, что вве-

деніе рабочихъ въ центральную группу Союза невыгодно въ конспиративномъ отношеніи. Почему и отчего развитой рабочій-практикъ менѣе конспиративенъ, чѣмъ интеллигентъ, на это не получалось никакого удовлетворительнаго отвѣта. Впрочемъ однажды одинъ изъ главныхъ сторонниковъ стараго порядка вещей выразилъ даже опасеніе, что рабочіе внесутъ въ Союзъ новые порядки и, быть можетъ, лишатъ насъ руководящей роли.

На это оставалось лишь сказать, что если мы окажемся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несостоятельными, то не будетъ вреда для дѣла, если мы лишимся руководящей роли въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ мы дѣйствительно не въ силахъ руководить.

Споры подобнаго рода едва ли не больше трехъ мѣсяцевъ занимали мѣсто среди текущихъ дѣлъ, пока, наконецъ, сторонники стараго порядка не начали сдаваться.

Споры относительно лучшей постановки организаціоннаго дѣла Союза и допущенія рабочихъ къ дѣятельному участію въ его организаціи кончились тѣмъ, что въ концѣ февраля было рѣшено принять въ центральную группу Союза двухъ рабочихъ, представителей агитаціонной группы, или, какъ еще называли эту группу, рабочаго комитета. Но не успѣла центральная группа Союза собраться на общее собраніе въ новомъ составѣ, какъ произошелъ давно уже ожидавшійся (послѣ январскихъ стачекъ) провалъ, унесшій съ собою изъ Союза всѣхъ сторонниковъ участія рабочихъ въ его внутренней организаціи. Все пошло по старому, силы Союза на время ослабѣли, участіе рабочихъ въ центральной группѣ Союза на время сдѣлалось недоступнымъ и было осуществлено, какъ всѣмъ извѣстно, лишь въ позднѣйшее время. Запросы рабочихъ организаціонные, агитаціонные и даже литературные оставались по прежнему неудовлетворенными. Надежда на Союзъ въ этомъ отношеніи, повидимому, пропала. Отсюда вытекло стремленіе нѣкоторыхъ рабочихъ самостоятельно обезпечить себѣ удовлетвореніе своихъ насущныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей, и, какъ одно изъ средствъ осуществленія этихъ стремленій, выступленіе на сцену группы рабочихъ, основавшихъ газету „Рабочая Мысль“.

Глава VI.

Возникновеніе „Рабочей Мысли". Ея краткая исторія.

Описанныя на предыдущихъ страницахъ условія медленно подготовляли почву для возникновенія группы и газеты „Рабочая Мысль". Послѣдняя возникла не сразу. Еще въ началѣ 1896 года одинъ кружокъ рабочихъ замышлялъ издавать свою рабочую газету. И рабочій, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ основателей и главнѣйшимъ сотрудникомъ „Р. М.", принадлежалъ именно къ этому кружку. Я не знаю, что помѣшало этому кружку рабочихъ завести свою газету хотя бы весною 1896 г. Быть можетъ, недостатокъ силъ. Быть можетъ, надежды на изданія Союза; я не знаю. Впрочемъ косвеннымъ подтвержденіемъ такой догадки можетъ служить то обстоятельство, что въ архивѣ петербургскаго Союза того времени мы могли бы найти нѣсколько рукописей сказаннаго рабочаго, писанныхъ имъ еще осенью 1896 г. и переданныхъ имъ въ Союзъ для напечатанія. Рукописи эти не были напечатаны Союзомъ, главнымъ образомъ, по недостатку для того у Союза техническихъ средствъ.

Въ началѣ февраля 1897 г. Союзъ выпустилъ первый и, можно сказать, единственный номеръ своей газеты „Петербургскій Рабочій Листокъ" (помѣченный январемъ 1897 года). Въ немъ были, между прочимъ, помѣщены корреспонденціи двухъ работницъ. Происшедшій вскорѣ послѣ выпуска перваго номера „Листка" провалъ лишилъ Союзъ силъ и средствъ для продолженія этого изданія, а рабочихъ лишилъ послѣдней надежды видѣть свои рукописи напечатанными. Такимъ образомъ, давно сознаваемая потребность въ заведеніи своей собственной газеты получила въ глазахъ петербургскихъ рабочихъ новое основаніе.

Первый номеръ „Рабочей Мысли" появился въ октябрѣ 1897 года. Даже трафаретъ и мимеографъ для печатанія „Р. М." были собственноручно приготовлены самими рабочими.

Цѣль изданія „Рабочей Мысли“ была опредѣлена издававшимъ ее кружкомъ рабочихъ въ слѣдующихъ словахъ: „Для установленія связи между рабочими будетъ выходить газета „*Рабочая Мысль*“, первый номеръ которой у читателя въ рукахъ. „Рабочая Мысль“ будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ способствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающему, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и насмѣшки нашу опричнину“.

Итакъ, по мысли ея основателей, „Р. М.“ должна была служить, съ одной стороны, органомъ общенія петербургскихъ рабочихъ, выраженія ихъ запросовъ и ихъ нуждъ; съ другой стороны—„Р. М.“ должна была стать органомъ обличенія нашего разнузданнаго бюрократическаго произвола (опричнины) и выясненія дѣйствительнаго экономическаго и правового положенія рабочихъ.

Средства на изданіе „Р. М.“ составлялись, во-первыхъ, изъ спеціально опредѣленныхъ на то суммъ, отчислявшихся двумя рабочими кассами А. и В., а во-вторыхъ, изъ частныхъ пожертвованій, дававшихся тоже спеціально на изданіе „Р. М.“. Самое веденіе издательскаго дѣла, какъ редакція, такъ и техника, находились въ рукахъ сказаннаго кружка, члены котораго являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшими сотрудниками „Р. М.“.

Сѣверно-Русскому Рабочему Союзу не удалось выпустить даже перваго номера рабочей газеты, организовывавшейся Халтуринымъ и его товарищами на основаніяхъ, повидимому, весьма аналогичныхъ только что описанной организаціи „Р. М.“. Рабочая газета, замышлявшаяся Халтуринымъ и его товарищами, организовывалась тоже „на средства и стараніями группы, состоявшей исключительно изъ рабочихъ“ *).

„У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ,—говорилъ Г. В. Плехановъ **).—Въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ о темныхъ сторонахъ фабрично заводскаго быта недостатка быть не могло. Появленіе ихъ въ печати сочувственно встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты. Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь надле-

---

*) См. Календарь Народной Воли, 1883, стр. 40, статья «Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ».

**) Г. Плехановъ «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи» (по личнымъ воспоминаніямъ).

жащимъ образомъ освѣщать эти, непосредственно изъ жизни взятые, матеріалы".

Къ несчастію, Халтурину и его товарищамъ не удалось осуществить своихъ завѣтныхъ стремленій. Газета „вмѣстѣ съ типографіей была заарестована при наборѣ перваго же нумера и не оставила по себѣ ничего, „кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго органа, не повторявшейся уже потомъ ни разу" *).

Такимъ образомъ, на группу рабочихъ „Рабочей Мысли" выпала завидная доля осуществить завѣтную мечту Халтурина и его товарищей и быть основателями первой русской „чисто рабочей газеты".

Первый № „Р. М." вышелъ въ октябрѣ 97 г. За нимъ въ декабрѣ послѣдовалъ № 2. Эти два номера, ставшіе теперь большою библіографическою рѣдкостью и возбуждающіе относительно себя самыя превратныя толкованія, были въ свое время встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ. Въ своей библіографической замѣткѣ о № 2 „Р. М." въ № 7 листковъ „Работника" В. И. Засуличъ весьма справедливо отмѣтила „характерную особенность" статей „Р. М.", которыя „и пишутся и редактируются самими рабочими". „Если бы даже мы не знали этого заранѣе,—писала В. И. Засуличъ **),—то характерныя особенности языка, встрѣчающіяся на каждой страницѣ листковъ, увѣрили бы насъ, что авторы этихъ страницъ съ дѣтства говорили чисто народной рѣчью, не на школьной скамьѣ провели свое отрочество и лишь взрослыми ознакомились поближе съ литературнымъ языкомъ, съ книжными оборотами рѣчи".

„Пожелаемъ же еще разъ,—заканчивала В. И. Засуличъ ***) свою библіографическую замѣтку,—возможно болѣе широкаго развитія той чисто рабочей литературѣ, образчики которой мы видѣли въ... „Рабочей Мысли". Между прочимъ, она будетъ полезна уже и тѣмъ, что, заинтересовавъ русское общество, познакомитъ его съ истинной физіономіей новаго борца, выступающаго на то поле, на которомъ, не дождавшись его, уже погибло столько русскихъ людей, слишкомъ нетерпѣливо рвавшихся къ жизни".

Издательское дѣло группы „Раб. Мысли" быстро развивалось и расширялось. Связи и средства росли. Печатанье „Р. М." кустарнымъ способомъ, при помощи пишущей ма-

*) Г. Плехановъ. Тамъ же.
**) Листокъ «Работника» № 7, апрѣль 1898 г. стр. 16.
***) Тамъ же стр. 21.

шины и мимеографа, было найдено неудовлетворительнымъ, и третій номеръ было рѣшено отпечатать въ особой типографіи, нарочно для того устроенной однимъ изъ членовъ группы за границей. № 3 „Р. М.“, вышедшій въ іюлѣ 1898 г., не отличался отъ предыдущихъ номеровъ ни по своему духу, ни по самому характеру статей, писанныхъ почти исключительно рабочими. Единственное отличіе пока состояло лишь въ лучшей постановкѣ техники изданія. Впрочемъ надо сказать, что условія переноса техники „Р. М.“ за границу, на ряду съ своими положительными послѣдствіями имѣли и чисто отрицательныя. Самымъ отрицательнымъ изъ нихъ надо признать то, что, благодаря переносу печатанья за границу, группа, издававшая „Р. М.“, лишалась той безусловной гарантіи своихъ исключительныхъ редакціонныхъ правъ, каковою эта группа обладала, сосредоточивая въ своихъ непосредственныхъ рукахъ все дѣло веденія изданія „Р. М.“. И мнѣ кажется, что эта отрицательная сторона переноса печатанья „Рабочей Мысли“ за границу сказалась отчасти и на четвертомъ номерѣ.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ изданія готовилось въ дальнѣйшемъ измѣниться еще и въ другомъ направленіи. До сихъ поръ (кончая 4-мъ номеромъ) „Рабочая Мысль“ была независимымъ органомъ петербургскихъ рабочихъ, какъ о томъ гласило ея двойное заглавіе: „Рабочая Мысль, органъ петербургскихъ рабочихъ“. До сихъ поръ газета издавалась силами особой литературной группы „Р. М.“. Теперь же это положеніе дѣлъ готовилось измѣниться.

Петербургскій Союзъ Борьбы, лишившійся, благодаря проваламъ зимы 1896—7 г., всѣхъ своихъ пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ, былъ сильно ослабленъ. Имъ руководилъ кое кто изъ „стариковъ“, уцѣлѣвшихъ послѣ разгрома. Внутри Союза происходили разногласія между стариками и вновь поступившими членами, получившими названіе „молодыхъ“. Осенью 1897 г., почти одновременно съ появленіемъ перваго номера „Рабочей Мысли“, нѣсколько интеллигентовъ, примыкавшихъ къ Союзу, вышли изъ него и образовали отдѣльную группу технологовъ. Эта группа вошла въ сношенія съ бѣлостокскою группою „Рабочихъ Революціонеровъ“ и приняла имя „Рабочаго Знамени“. Въ самомъ Союзѣ часть оставшихся „молодыхъ“ тянула къ „Рабочей Мысли“, часть къ „Рабочему Знамени“, и обѣ части не ладили со „стариками“, представлявшими собою консервативный элементъ хранителей печати и прошлыхъ традицій группы „стариковъ“.

Весною 1898 года произошелъ первый съѣздъ делегатовъ отъ нѣсколькихъ соц.-дем. организацій и было положено основаніе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Но такъ какъ въ выборѣ делегата на съѣздъ никто изъ „молодыхъ“ петербургскихъ товарищей не участвовалъ и они едва ли даже знали о предполагавшемся съѣздѣ, то и самый фактъ возникновенія партіи не оказалъ никакого вліянія на положеніе дѣлъ въ Петербургѣ и не прекратилъ разногласій внутри Союза. Однако, такъ какъ существованіе отдѣльныхъ группъ, работавшихъ рядомъ съ Союзомъ, постоянно вызывало тренія, то возникла мысль объ общемъ объединеніи. Это объединеніе предполагалось совершить путемъ реорганизаціи Союза, въ рамкахъ котораго продолжали дѣйствовать обѣ фракціи „молодыхъ“, не покидавшихъ мысли объ объединеніи. Предполагалось создать центральную организацію, въ составъ которой должны были войти: два члена отъ Союза (въ дѣйствительности отъ группы „молодыхъ“, тянувшихъ къ „Рабочей Мысли“), два члена отъ группы „Рабочей Мысли“, два члена отъ „Рабочаго Знамени“ и сочувствующей ей группы „молодыхъ“ и одинъ отъ „стариковъ“ Союза. Предполагалось издавать два органа — „Рабочую Мысль“ для широкой массы и „Рабочее Знамя“ для болѣе тѣснаго круга развитыхъ рабочихъ. Однако новый разгромъ въ декабрѣ 1898 г., поглотившій „Рабочее Знамя“, кореннымъ образомъ измѣнилъ дѣло. Объединеніе оставшихся совершилось уже подъ знаменемъ органа петербургскихъ рабочихъ „Рабочая Мысль“.

Однимъ изъ условій соглашенія съ группою „Рабочая Мысль“ было обязательство со стороны ея издателей поставить надъ заголовкомъ газеты слова: „С.-Петербургскій Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. „Комитетъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи“. Однимъ словомъ, „Р. М.“, не переставая быть „органомъ петербургскихъ рабочихъ“, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ стать и органомъ Союза Борьбы. Всякому понятно, до чего этимъ фактомъ осложнялось дальнѣйшее дѣло редактированія „Р. М.“. До сихъ поръ „Р. М.“ была мѣстной рабочей газетой, теперь же, становясь органомъ комитета партіи, она, казалось, должна была бы естественно стать партійнымъ политическимъ органомъ.

Итакъ, соглашеніемъ съ Союзомъ, въ декабрѣ 1898 г., вся исторія „Р. М.“ явно дѣлится на два періода: 1) до соглашенія и 2) послѣ соглашенія. Первый періодъ „Р. М.“,

обнимающій собою время появленія ея первыхъ четырехъ номеровъ, есть періодъ „Р· М“, какъ независимаго органа петербургскихъ рабочихъ.

Второй періодъ не такъ то легко опредѣлить, потому что, несмотря на соглашеніе, состоявшееся еще въ концѣ 1898 г., „Р. М.“ стала *фактически* оффиціальнымъ органомъ Союза въ сравнительно самое недавнее время. Поэтому второй періодъ „Р. М.“ мнѣ приходится опредѣлить, какъ періодъ превращенія „Р. М“ изъ независимаго органа петербургскихъ рабочихъ въ подчиненный общепартійнымъ цѣлямъ органъ петербургскаго комитета партіи. Только что сказанное крайне необходимо принимать въ соображеніе всѣмъ критикамъ „Р. М.“ и современнаго ей Петербургскаго Союза Борьбы.

Соединеніе „Рабочей Мысли“ съ Союзомъ оказалось на дѣлѣ далеко неудовлетворительнымъ. Фактически веденіе „Р. М.“ находилось по прежнему въ вѣдѣніи членовъ группы „Р. М“. Въ ихъ рукахъ была техника, а это обстоятельство приводило къ фактическому существованію особой редакціи „Р. М.“ надъ общей редакціей Союза. Въ результатѣ — постоянная возможность измѣненія статей, данныхъ для напечатанія Союзомъ, а слѣдовательно, и неудовольствія и тренія. Примѣромъ можетъ служить первый же номеръ „Р. М.“, вышедшій подъ фирмой Союза (№ 5). Для составленія его передовицы по поводу стачки на фабрикѣ Максвелля *) Союзъ послалъ за-границу кон-

*) Одинъ изъ участниковъ Максвелльской стачки даетъ описаніе расправы правительства съ рабочими, послѣдовавшей вслѣдъ за стачкой. Это описаніе дышетъ непосредственной жизненной правдой и, между прочимъ, оно даетъ нѣкоторое представленіе объ уровнѣ политическихъ понятій средняго фабричнаго рабочаго того времени. Потому привожу его здѣсь цѣликомъ:

Бой за правду.

Фабричный народъ предъявлялъ фабричной министраціи, что расцѣнокъ малъ на пудъ или на кусокъ матеріи.

Фабричная министрація не приняла рабочихъ словъ и дѣлала по своему. Тогда фабричный народъ задумалъ сдѣлать стачку.

Въ это время появились печатные листки. Фабричный народъ читалъ листки 13-го декабря въ 12 часовъ ночи, а 14-го декабря была устроена стачка.

Въ это время пріѣзжалъ инспекторъ и требовалъ съ рабочихъ жалобы. А фабричная министрація въ это время въ главной конторѣ сняла рабочихъ фотографической машиной.

На 15-е декабря рабочіе увидѣли гибель братій. Тогда рабочіе предъявили писарю, который служилъ въ домѣ фабриканта, чтобы не пускать полицію по ночамъ, на то день даденъ, чтобы ходить забирать; писарь не обратилъ на слова рабочихъ вниманія.

спектъ желаемой статьи, предоставивъ ея выполненіе товарищу, завѣдывавшему всей техникой „Р. М.“; состоявшему въ то же время и въ редакціи. Составленная имъ и отпечатанная передовица однако не понравилась Союзу. Благодаря этому, распространеніе перваго же совмѣстно изданнаго номера задерживалось Союзомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Номеръ 6-й вышелъ совсѣмъ безъ передовицы.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы не провалъ, случившійся во время подготовленія матеріаловъ для № 7, унесшій съ собою всю петербургскую группу „Р. М.“ и часть Союза Борьбы. При этихъ условіяхъ оставалось что-нибудь одно изъ двухъ: или совсѣмъ не печатать № 7, что, вѣроятно, было бы наилучшимъ исходомъ, хотя большинство матеріаловъ уже было готово; или все же какъ-нибудь издать данный номеръ, въ надеждѣ на возобновленіе редакціи „Р. М.“ въ Петербургѣ. Членами группы, бывшими въ то время за-границей, было принято послѣднее рѣшеніе, была наскоро написана передовая статья и, надо сознаться, написана довольно односторонне. Эту статью дѣйствительно можно назвать своего рода проповѣдью трэдъ-юніонизма, но отвѣтственность за нее не должна падать ни на петербургскую группу „Рабочей

Полиція каждую ночь убавляла рабочихъ. Тогда рабочіе захотѣли открыть кровавый бой. На 17-е декабря въ коридорѣ была полная партія русскаго народа, нѣкоторые народы играли въ карты и у каждаго человѣка было полѣно въ рукахъ или больше. Въ 11½ часовъ ночи залаяла собака, которая была у двери входа. Въ это время рабочіе были готовы приняться за бой, вдругъ на порогѣ входа появилась полиція. Рабочіе бросились на полицію и полиція была разбита. Тогда самъ приставъ потребовалъ еще больше войска, коннаго.

Пристава приказъ былъ исполненъ, и приблизилось войска 310 человѣкъ, конныхъ городовыхъ и жандармовъ.

Въ это время нѣкоторые рабочіе видали, что каждому городовому и жандарму было принесено водки для разгара сердца; откуда водку представляли, это неизвѣстно.

Въ это время открылся бой настоящій. Рабочіе бросали въ полицію ведрами, бочками, чашками, дровами и даже фабрикантовыми часами.

Въ эту несчастную войну, я знаю, много малыхъ дѣтей пострадало, потому что война была полныхъ 4 часа, а въ это время былъ очень большой шумъ и крикъ, потому что у русскаго народа не было командира, а также и городовые были всѣ пьяные. Отъ такого шуму и крику малютки-дѣти испугались и кричали дурнымъ голосомъ.

Какихъ-нибудь минутъ 15,—тогда бы полиція сдалась въ плѣнъ рабочимъ.

Въ это время рабочіе видятъ, что нечѣмъ бросаться, а непріятель уже въ 4-мъ этажѣ. Пришелъ непріятель уже въ 5-й этажъ.

Мысли", ни на Петербургскій Союзъ Борьбы. То же самое можно сказать съ еще большимъ правомъ про отдѣльное „Приложеніе".

Между тѣмъ къ зимѣ Союзъ снова собрался съ силами и сталъ готовить матеріалы для № 8. Но среди оставшихся членовъ группы „Рабочей Мысли" произошли серьезныя разногласія. Часть членовъ пришла къ заключенію, что за отсутствіемъ въ Петербургѣ мѣстной группы „Р. М.", газета лишилась возможности выполнять свою основную задачу, и считала нелѣпостью самую мысль о возможности хотя бы и временной заграничной редакціи для мѣстнаго органа. Изъ затруднительнаго положенія были лишь два выхода: или прекратить самое изданіе или передать редактированіе въ руки Петербургскаго Союза, оставивши себѣ только иностранный отдѣлъ. Первый исходъ, въ силу соглашенія, былъ невозможенъ безъ согласія Союза, а послѣдній не хотѣлъ прекращенія, ссылаясь на то, что рабочіе такъ привыкли и такъ любятъ „свою газету", что немыслимо и думать о прекращеніи „Рабочей Мысли". Доводъ былъ уважительный. О второмъ исходѣ не хотѣли и слышать тѣ члены, которые считали возможнымъ разорвать связь съ Союзомъ и редактировать газету за-границей до возобновленія въ Петербургѣ такой рабочей организаціи, которая могла бы продолжать дѣло исчезнувшей петербургской группы „Р. М.". Съ выступле-

---

Когда полиція вошла въ 5-й этажъ, въ 5-мъ этажѣ была большая масса народа; въ это время одинъ городовой ударилъ женщину опасную и женщина черезъ два дня выбросила малаго мертваго ребенка, а полиціймейстеръ кричалъ: «я васъ вышлю въ Сибирь, а дѣтей на отбросную яму выброшу»; а приставъ кричалъ: «всѣ по мѣстамъ!». Рабочіе видятъ, дѣло неустойка и побѣжали кто куда, кто въ квартиру убѣжалъ, а нѣсколько человѣкъ ушли на чердакъ, а одинъ человѣкъ ушелъ на крышу дома.

Приставъ далъ полиціи приказъ, чтобы у каждой квартиры было 15 человѣкъ городовыхъ. Приказъ пристава былъ исполненъ, нѣкоторые городовые вытащили шашки наголо и рубили шашками лари, въ ларяхъ находились рабочаго разные припасы: водка, мясо, сыръ и т. п. Городовые водку пили, а мясомъ закусывали.

Въ 4½ часа пошла кровавая переборка русскому народу. Приставъ ходилъ по квартирамъ съ писаремъ; еще было съ приставомъ нѣсколько сыщиковъ.

Когда выводили арестованнаго человѣка на волю, то на волѣ стояло два ряда городовыхъ, по обѣимъ сторонамъ по двадцать городовыхъ; это происшествіе называется «сквозь строемъ». Городовые пихали рабочаго сквозь строй и рабочаго сѣкли плетьми, послѣ чего рабочій видалъ на своемъ тѣлѣ раны, хоть не очень большія.

Приставъ обходилъ всѣ квартиры, а на чердакѣ еще не былъ. Идетъ

ніемъ въ Петербургѣ Рабочей Организаціи, которая возвѣстила о своемъ существованіи воззваніемъ, (напечатаннымъ въ № 9 „Р. М.“), оказалось на лицо и послѣднее необходимое условіе для передачи. Скоро Петербургская Рабочая Организація соединилась съ Союзомъ (октябрь 1900 г.), и часть § 13-го устава Комитета С. П. Б. Союза Борьбы *), говорящаго: „Для редактированія газеты... составляется редакція изъ трехъ членовъ. Два изъ нихъ выбираются агитаціонной группой“ (т. е. комитетомъ Рабочей Организаціи)—до *нѣкоторой* степени примирила протестующихъ съ передачей „Р. М.“ Союзу.

№ 11 былъ изданъ подъ исключительною редакціею С. П. Б. Союза. Послѣ него даже самое печатанье „Р. М.“ было перенесено въ Россію и съ заголовка № 12 были даже сняты слова: „газета петербургскихъ рабочихъ“ **), что служило уже окончательнымъ признакомъ того, что „Р. М.“ превратилась въ оффиціальный органъ Петербургскаго Комитета Партіи.

Подробное изложеніе этихъ сравнительно недавнихъ событій не входитъ въ мою задачу; что же касается до прежней „Рабочей Мысли“, то ея истинное значеніе еще не уяснено и даже не выяснена еще ея истинная физіономія. Безпристрастнаго суда надъ „Р. М,“ еще не произнесено. Онъ принадлежитъ исторіи. Обвиненія, направляемыя въ настоящее время противъ „Рабочей Мысли“, въ значительной степени основаны на незнаніи какъ самой „Р. М.“, такъ и ея исторіи.

приставъ на чердакъ и видитъ тамъ людей, эти люди были взяты въ плѣнъ, также и съ крыши дома былъ человѣкъ стащенъ и взятъ въ плѣнъ.

Теперь приставъ собралъ вольныхъ дворниковъ въ свидѣтели. Дворники съ радостью шли въ свидѣтели, а сами дѣла не видѣли.

Теперь русскаго народа взято въ плѣнъ 50 человѣкъ слишкомъ. Забранные люди были замѣчены сыщикомъ или писаремъ, а больше всего простымъ русскимъ человѣкомъ, т. е. русскій человѣкъ, не замѣчалъ ни въ чемъ, а выдавалъ по осердкѣ или чтобы защитить самъ себя.

Кровавая битва кончилась въ 12 часовъ пополудни. 17-го числа въ 9 часовъ утра были плѣнники посажены на дилижаны и отправлены въ Рождественскую часть.

Прибавлю, что я вамъ не всѣ предъявилъ притѣсненія министраціи и также фабричныхъ подмастерьевъ. Фабричная министрація очень притѣсняетъ рабочихъ совсѣмъ не за что; такъ что за какія-нибудь бездѣлушки даютъ рабочему разсчетъ, не отработавши двухъ недѣль; еще

*) См. «Рабочая Мысль» № 11.

**) Впрочемъ, эти слова были потомъ возстановлены.

Въ заключеніе моего очерка, я постараюсь возстановить въ представленіи читателя истинный образъ „Р. М.“, и притомъ я постараюсь сдѣлать это такимъ способомъ, чтобы читатель могъ совершенно свободно составить свое самостоятельное мнѣніе о томъ, что въ сущности представляла собою „Рабочая Мысль“.

фабричная министрація дала волю подмастерьямъ, а подмастерье что хочетъ, то и дѣлаетъ. Однажды одного человѣка, т. е. рабочаго, мастеръ уволилъ и далъ пропускъ за ворота, а подмастерье Лисицынъ увидалъ и взялъ отъ рабочаго пропускъ и разорвалъ, а рабочаго послалъ работать на старое мѣсто. Мастеръ Карла Карловичъ своего лакея поставилъ въ подмастерья; а лакей не знаетъ, какъ держать ключъ въ рукахъ, а всячески занимаетъ двѣ должности: лакея и подмастерья. (Слѣдуетъ полная подпись).

ГЛАВА VII.

Что же собою представляла „Рабочая Мысль?“

Само собою разумѣется, что для того, чтобы возможно опредѣленнѣе, точнѣе и ярче отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо взять „Рабочую Мысль“ въ томъ ея видѣ, въ какомъ она появилась на свѣтъ и въ какомъ она оставалась въ теченіе всего перваго періода своего существованія, такъ какъ второй (переходный) періодъ менѣе характеренъ. Въ этотъ послѣдній періодъ истинная физіономія „Р. М.“, подъ вліяніемъ борьбы, какъ бы нѣсколько исказилась и даже наиболѣе характерныя ея черты стали менѣе отчетливыми.

Что же представляла собою „Р. М.“, какъ независимый органъ петербургскихъ рабочихъ?

Мнѣ кажется, что самое лучшее и вѣрное средство опредѣлить истинную физіономію и характеръ прежней „Р. М.“ заключается главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы сдѣлать до очевидности ясными самыя сокровенныя, самыя завѣтныя стремленія и задачи „Р. М.“, какъ ихъ представляли себѣ сами рабочіе, ея основатели, и ея дальнѣйшіе руководители.

Всякій, знающій прежнюю „Р. М.“, всякій, кто серьезно и вдумчиво прочелъ всѣ ея номера, можетъ сказать, что для опредѣленія истинныхъ стремленій и задачъ этой газеты (какъ ихъ представляли сами ея основатели) не мыслимо найти болѣе подходящей статьи, чѣмъ основная статья въ № 1, занимающая половину всего перваго номера *). Для того, чтобы каждый читатель могъ свободно и самостоятельно составить свое собственное мнѣніе по данному вопросу, я привожу здѣсь эту статью цѣликомъ. Статья эта съ полнымъ правомъ можетъ быть названа декларацією принциповъ „Рабочей Мысли“. Вотъ она:

„Никто изъ сочувствующихъ рабочему движенію не ста-

*) На сколько мнѣ извѣстно, она была написана тѣмъ самымъ рабочимъ, который еще весною 96 г. мечталъ объ основаніи газеты.

нетъ отвергать всѣми признанной и не опровержимой истины, что улучшеніе нашего рабочаго положенія зависитъ отъ насъ самихъ.

„Какъ бы ни былъ добръ и великодушенъ капиталистъ, все же у него, какъ и у каждаго смертнаго, на первомъ планѣ стоятъ свои личные интересы и свои потребности, объ удовлетвореніи которыхъ онъ и заботится больше всего. Средства для удовлетворенія этихъ потребностей капиталистъ получаетъ съ эксплуатируемыхъ (обираемыхъ) имъ рабочихъ; изъ этого уже становится вполнѣ яснымъ, что заботиться о рабочихъ капиталисту нѣтъ никакой надобности, потому что съ улучшеніемъ положенія рабочихъ ему не удастся выжать изъ насъ столько соку, сколько онъ можетъ выжимать тогда, когда мы находимся подъ болѣе сильнымъ гнетомъ. Капиталистъ знаетъ, что вся роскошь и излишество, которыми онъ пользуется, пріобрѣтаются не его ничего недѣланьемъ, а трудомъ тѣхъ, которыхъ онъ обираетъ и которые терпятъ всевозможныя лишенія, такъ какъ ему хорошо извѣстно, что чѣмъ больше лишеній переносятъ имъ обираемые, тѣмъ больше прибыли переваливаетъ на его долю.

„Капиталисты могутъ быть добры къ намъ на столько, на сколько мы имъ нужны, и они при всей ихъ добротѣ и великодушіи, при первомъ удобномъ случаѣ, всегда готовы сократить нашъ заработокъ, или выбросить насъ на мостовую. Интересы капиталистовъ и рабочихъ совершенно противоположны; поэтому капиталисты уступаютъ только то, что они не могутъ удержать. Рабочіе могутъ улучшить свое положеніе только упорнымъ требованіемъ, такимъ, отказать которому капиталистъ не въ силахъ. Я не стану углубляться въ дальнѣйшія подробности о положеніи рабочихъ и объ отношеніи къ нимъ капиталистовъ, потому что все это извѣстно намъ рабочимъ, которые на своихъ плечахъ выносятъ всю тягость капиталистическаго гнета. Желающіе ознакомиться близко съ этимъ вопросомъ, могутъ достигнуть этого при помощи нѣкоторыхъ книгъ, достать которыя не особенно трудно.

„Изъ вышеуказаннаго видно, что дѣло улучшенія рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Послѣднія слова, пожалуй, никому изъ читающихъ эти строки не новы, и я нѣсколько опасаюсь, что читатели *„Рабочей Мысли“* посовѣтуютъ мнѣ подзаняться выдумкой такого способа, при помощи котораго можно было бы улучшить нашу черезъ чуръ обремененную жизнь, прочесть о чемъ было бы го-

раздо интереснѣе и полезнѣе, чѣмъ то, что я писалъ въ первыхъ строкахъ этой статьи. Выдумать такого способа, конечно, нельзя, при помощи котораго каждый изъ рабочихъ могъ бы улучшить свое положеніе, и пока мы будемъ заботиться только о своемъ собственномъ положеніи отдѣльно, можно съ увѣреннностью сказать, что мы не достигнемъ ничего лучшаго; а если и удастся нѣсколько удобнѣе устроить свою жизнь, то это удастся очень немногимъ и такъ мало, что такое улучшеніе всегда оказывается ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, которымъ пришлось его пріобрѣсть, если только это лучшее устройство жизни достигается честнымъ путемъ и безъ всякихъ счастливыхъ случайностей. Но какъ оказывается, задумывать какой-либо особый способъ нѣтъ надобности, потому что онъ давно открытъ и давно признанъ рабочими другихъ странъ самымъ вѣрнымъ, что подтверждаетъ его примѣненіе къ дѣлу. Способъ этотъ— объединеніе рабочихъ; онъ не представляетъ изъ себя новинки для насъ, потому что мы слышимъ о немъ и знаемъ его; но и устарѣлымъ его назвать тоже нельзя, во первыхъ, потому, что такія вещи не старѣютъ, а во вторыхъ, что мы его не употребляли, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, напримѣръ стачки; рабочіе, выведенные изъ терпѣнія общимъ гнетомъ, предъявляютъ общее требованіе. И у насъ, безъ всякой подготовки и самостоятельной организаціи рабочихъ, способъ этотъ оказываетъ громадные успѣхи.

„Рабочіе разныхъ заводовъ и фабрикъ составляютъ, такъ сказать, одинъ классъ, разница между нами только та, что одинъ изъ насъ исполняетъ одну, другой другую работу; но всѣ мы обязаны работать съ утра до вечера, всѣ мы подчиняемся общему закону, возложенному на насъ капиталистами и стоящимъ на ихъ сторонѣ правительствомъ. Законъ этотъ, какъ извѣстно, составленъ такъ, какъ нашли сдѣлать это удобнѣе для себя его представители. И мы видимъ, что законъ этотъ не только ничего не даетъ намъ, но даже отнимаетъ у насъ то, что составляетъ неотъемлемую собственность каждаго человѣка. Мы всѣ скованы одною цѣпью произвола, порвать которую мы можемъ только общими силами.

„Несмотря на всю очевидность необходимости объединенія, нельзя не замѣтить полной разрозненности рабочихъ, не только по всей Россіи, но и здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ сообщеніе вполнѣ возможно. Однако несмотря на это, связи

между рабочими почти совсѣмъ отсутствуютъ. Причиной нашей разрозненности являются первымъ долгомъ тѣ неудобства, которыя приходится встрѣчать при поддержкѣ связей, при чемъ нельзя не признать того грустнаго явленія, что мы сами слишкомъ мало заботимся о возстановленіи связей; но главная причина этого зла заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ ничего такого, что представляло бы общій интересъ. Разрозненность эта не остается безслѣдной; ея результатомъ является то, что кружки рабочихъ, потерявши своего руководителя, ищутъ возстановленія новыхъ связей черезъ товарищей другихъ заводовъ или фабрикъ; между тѣмъ ихъ можно было бы возобновить черезъ лицо, находящееся только въ другой мастерской. Также мнѣ приходилось встрѣчать организовавшуюся группу товарищей, которая составилась сама по себѣ и не знала, какъ ей примкнуть къ Союзу и получать книги.

„Вообще о разрозненности можно сказать, что она поглощаетъ и безъ того небольшія наши силы и мѣшаетъ приложенію ихъ къ дѣлу. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что потребность объединенія существуетъ, которую вызываетъ сама наша жизнь, и мы должны считать своей обязанностью способствовать удовлетворенію этой потребности. Мы, какъ и другихъ странъ рабочіе, тоже сознаемъ, что способъ объединенія является въ данномъ случаѣ единственнымъ и вѣрнымъ, который можетъ принести намъ громадную пользу, но какъ одолѣть тѣ препятствія, которыя встрѣчаются при его примѣненіи? Вотъ вопросъ, который при первыхъ же шагахъ столько запугиваетъ насъ своею сложностью, что мы отказываемся отъ его рѣшенія и малодушно остаемся въ бездѣйствіи. Многіе изъ насъ и, быть можетъ, даже большинство рабочихъ сознаютъ необходимость объединенія и желаютъ его, но слишкомъ мало стараемся перейти отъ слова къ дѣлу, утѣшая себя тѣмъ, что сдѣлать этого у насъ пока нельзя; мы видимъ предъ собою мрачную стѣну монархическаго строя, которая препятствуетъ доступу къ намъ свѣта; мы сознаемъ все неудобство нашего пребыванія во мракѣ, но приступить къ этой стѣнѣ не рѣшаемся, видя, какъ отдѣльныя попытки къ этому ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Но вотъ въ томъ то и дѣло, что мы видимъ случаи только отдѣльныхъ попытокъ и принимаемъ результатъ ихъ за общую неизбѣжность. Стѣна современнаго строя крѣпка и произволъ нашего бюрократизма непоборимъ, но непоборимъ только въ томъ случаѣ, когда на это направляются отдѣльныя

силы, которыя настолько малы, что падаютъ жертвой произвола. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правительства будетъ направлена объединенная сила — сила сознанія самостоятельности рабочаго класса, справедливыя требованія котораго должны быть удовлетворены. Каждый изъ насъ подавленъ заботой о содержаніи себя и своего семейства, забота эта поглощаетъ все время и силы рабочаго, такъ какъ только при напряженномъ усиліи мы можемъ гарантировать себя отъ особой нужды, т. е. сводить концы съ концами. Историческое положеніе наше, какъ рабочаго класса таково, что работая надъ достиженіемъ своего благополучія, мы исполняемъ общественную работу. Мы послѣдній классъ. За нами нѣтъ никого. Господство рабочаго класса, есть всеобщее господство, или, лучше, всеобщее равноправіе, и къ достиженію его должны мы стремиться; только тогда мы можемъ сказать, что жили не напрасно, и это подтвердятъ наши дѣти. Чтобы сдѣлать что-нибудь полезное для рабочаго класса, намъ необходимо объединить наши силы, такъ какъ требованія наши будутъ удовлетворены только тогда, когда они будутъ общимъ требованіемъ всего рабочаго класса, а иначе всѣ наши заявленія на принадлежащія намъ права останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Для прочности объединенія рабочихъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ необходимо имѣть рабочую кассу, которая въ свое время окажетъ намъ громадную услугу. Касса такая уже существуетъ и уставъ ея, выработанный петербургскими рабочими, распространенъ. Кассу эту мы должны поддерживать всѣми силами, потому что безъ нея дѣятельность на рабочемъ поприщѣ почти невозможна. Внести 25 коп. въ мѣсяцъ можетъ каждый рабочій безъ особыхъ затрудненій, и я надѣюсь, что всѣ сознательные рабочіе примутъ участіе въ дѣлѣ для пользы народа. Для установленія связи между рабочими будетъ выходить газета „*Рабочая Мысль*“, первый номеръ который у читателя въ рукахъ. „*Рабочая Мысль*“ будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ способствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающему, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и насмѣшки нашу опричнину“.

Само собой разумѣется, что только что приведенная статья, являющаяся деклараціей принциповъ „Рабочей Мысли“ и опредѣляющая ея задачи, черезъ это самое и есть та основная статья, которая опредѣляетъ направленіе

„Рабочей Мысли“, поскольку направленіе это вытекало изъ принциповъ „Рабочей Мысли“ и изъ ея задачъ и стремленій. Однако надо прибавить, что это направленіе, вытекая изъ задачъ и стремленій ея основателей, слагалось вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ тѣхъ, разобранныхъ нами въ главѣ VI, отрицательныхъ условій, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла „Р. М.“. И для опредѣленія вліянія этихъ условій, мнѣ кажется, лучше всего можетъ служить другая статья въ № 1, брошенная какъ бы въ видѣ вызова тѣмъ руководителямъ тогдашняго Союза Борьбы, которые стояли противъ допущенія рабочихъ во внутреннюю его организацію.

Я говорю про передовицу перваго номера, по которой обыкновенно, и притомъ совершенно ошибочно, судятъ о направленіи первыхъ номеровъ „Р. М.“. Дѣло въ томъ, что первые номера давно уже стали величайшей библіографической рѣдкостью, и всѣмъ интересующимся прежнею „Р. М.“ по неволѣ приходилось составлять о ней свое мнѣніе по этой передовицѣ, перепечатанной В. И—нымъ въ его библіографической замѣткѣ № 9—10 листковъ „Работника“. Необходимо однако сказать, что В. И—нъ не вполнѣ правильно выбралъ для перепечатки именно эту статью, если только цѣль его замѣтки состояла, дѣйствительно, въ желаніи познакомить читателя, въ общихъ чертахъ, „съ этой *первой* русской рабочей газетой“. Впрочемъ и самъ товарищъ И—нъ, перепечатывая передовицу № 1, счелъ необходимымъ прибавить, что „статья эта... не совсѣмъ полно и точно выражаетъ собой общее направленіе и характеръ органа петербургскихъ рабочихъ“ *).

Впрочемъ, если ужъ начать серьезно выяснять направленіе „Р. М.“, то поневолѣ придется выводить его изъ всего ея содержанія, а не только изъ немногихъ ея передовыхъ статей, которыя подчасъ могли быть написаны и неумѣло, и не совсѣмъ полно, и не совсѣмъ „надлежащимъ образомъ освѣщать изъ жизни взятые матеріалы“.

Каково же было направленіе всего содержанія „Р. М.“? Каково было направленіе тѣхъ безчисленныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „достовѣрныхъ сообщеній“, которымъ „должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты“ и которыя составляли главную часть ея содержанія?

На этотъ вопросъ отвѣтить ужъ не такъ трудно. Рабочіе стремились къ выясненію темныхъ сторонъ своего

*) Стр. 50.

положенія и, обладая своимъ собственнымъ органомъ, они имѣли полнѣйшую возможность выводить на свѣжую воду всѣхъ своихъ угнетателей. Рабочіе знали, что ихъ слово всегда найдетъ себѣ надлежащее мѣсто въ ихъ газетѣ.

Интересно знать, кто станетъ теперь отрицать, что стачки средины и конца 90-хъ годовъ представляли собою начальный періодъ широкой профессіональной борьбы петербургскихъ рабочихъ со своими хозяевами?

А если это такъ, то почему же газета, бывшая органомъ этихъ рабочихъ, не должна была призывать ихъ къ подобнаго рода борьбѣ? развѣ такая борьба нежелательна? Врядъ ли кто осмѣлится повторить, что такая борьба буржуазна. И „Р. М.“, будучи органомъ петербургскихъ рабочихъ, сознательно призывала ихъ къ этой борьбѣ, не боясь, что кто-либо можетъ обвинить ее въ буржуазности.

Если же даже почти неорганизованная профессіональная борьба весьма желательна, какъ первое начало профессіональнаго движенія, то можетъ ли быть нежелательной сознательная и организованная профессіональная борьба, какъ дальнѣйшее развитіе того же рода движенія? Опытъ большихъ стачекъ ткачей и прядильщиковъ показалъ петербургскимъ рабочимъ всю необходимость организованности для успѣшности дальнѣйшей борьбы.

Рабочіе стремились основывать боевые рабочіе союзы и кассы; и ихъ газета „Р. М.“ являлась и въ этомъ отношеніи ихъ выразителемъ, настаивая въ каждомъ номерѣ на необходимости организацій и не пропуская случая для агитаціи по этому поводу. Она выражала въ этомъ отношеніи насущныя нужды и интересы рабочихъ и представляла рабочимъ свои страницы для проектовъ организацій и для обмѣна мыслями по этому поводу. Вспомнимъ, вѣдь это былъ самый разгаръ *организаціоннаго* періода, явившагося самымъ прямымъ послѣдствіемъ двухлѣтней, напряженной борьбы, періода, развившагося самымъ естественнымъ образомъ изъ предшествовавшаго ему періода массовой агитаціи.

Конечно, „Рабочая Мысль“ не была вполнѣ выраженнымъ соціалдемократическимъ органомъ. Но и самое движеніе петербургскихъ рабочихъ средины и конца 90-хъ годовъ, описанное на предыдущихъ страницахъ, стоитъ еще очень далеко отъ вполнѣ сознательнаго соціалдемократическаго рабочаго движенія. А недопущеніе сознательныхъ рабочихъ соціалдемократовъ во внутрь соціалдемократической организаціи, конечно, не только не способствовало

развитію среди рабочихъ соціалдемократизма, но, наоборотъ, задерживало его развитіе.

Исходя изъ всего этого, нисколько не мудрено, что и органъ, выражавшій движеніе, какъ оно есть, не былъ вполнѣ соціалдемократическимъ органомъ, хотя имѣлъ въ средѣ своихъ основателей и главныхъ сотрудниковъ сознательныхъ, преданныхъ и искреннихъ соціалдемократовъ.

Правда, „Рабочая Мысль“ призывала рабочихъ больше къ профессіональной борьбѣ, чѣмъ къ борьбѣ политической; однако въ ней постоянно говорилось и о необходимости „Союза всего рабочаго класса“, о необходимости борьбы съ бюрократизмомъ. Такъ въ приводившейся выше статьѣ изъ № 1 мы читаемъ: „Стѣна современнаго строя крѣпка и произволъ нашего бюрократизма непобѣдимъ, но непобѣдимъ только въ томъ случаѣ, когда на это направляются отдѣльныя силы, которыя настолько малы, что падаютъ жертвой произвола. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правительства будетъ направлена объединенная сила—сила сознанія самостоятельности рабочаго класса“.

Въ передовицѣ № 2 мы читаемъ: „правительство открыто, не стѣсняясь, становится на сторону капиталистовъ и, при помощи полиціи и войска, съ оружіемъ въ рукахъ старается заставить рабочихъ снова приняться за свою несносную лямку. Такимъ образомъ приходится вести борьбу съ двумя врагами: фабрикантами, заводчиками и ихъ защитникомъ правительствомъ“. Статья оканчивается такъ: „Зданіе капиталистовъ съ правительствомъ устроено на пескѣ; очевидно, оно рушится при первой бурѣ. Сила пролетаріата, рабочихъ скрыта въ нихъ самихъ; но русскій рабочій еще только начинаетъ просыпаться; проснувшіеся съ ужасомъ узнаютъ, насколько долго они спали и, дабы не потерять драгоцѣннаго времени, спѣшатъ будить своихъ спящихъ товарищей.

Будите же, товарищи, быстрѣе, старательнѣе другъ друга, соединяйтесь въ союзы и такимъ образомъ за нами, русскими рабочими, будетъ полный успѣхъ и побѣда“!

По смыслу всей статьи, подъ союзами здѣсь надо понимать нѣчто среднее между профессіональнымъ союзомъ и соціалдемократическимъ союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Въ № 3, на ряду съ выдвиганіемъ необходимости боевыхъ союзовъ и кассъ, говорится: „правительство и фабриканты заключили „союзъ“ для борьбы съ рабочими, и

дружными усиліями полиціи, войска и духовенства имъ удается подавлять требованія рабочихъ. Понятно, что для отпора союза враговъ и намъ надо устроить союзъ рабочаго класса".

Отъ направленія этихъ трехъ номеровъ не отступаетъ ни на іоту и „знаменитая" передовица № 4, одно мѣсто которой было въ свое время кое кѣмъ совершенно неправильно истолковано, и въ этомъ невѣрно истолкованномъ видѣ послужило почвой для распространенія слуховъ о томъ, что будто бы „Р. М." даже противъ политической свободы?

Вотъ это мѣсто: „Нѣтъ! довольно той лжи, по которой рабочее движеніе оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода... Нѣтъ! настоящая свобода оттого развивается, что рабочее движеніе двинулось и неудержимо стремится впередъ! Истина въ томъ, что всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ только тогда становится „законнымъ", когда сталъ дѣломъ обычнымъ, когда—запрещай его или дозволяй—все равно ничего не подѣлаешь".

А вотъ заключеніе этой статьи: „Да! Дѣло въ томъ, чтобъ бороться за жизнь... Какими средствами?.. законными или беззаконными?.. *Всѣми!* Всѣми, какія только даетъ современная жизнь и указываетъ въ своемъ движеніи впередъ.

„Всѣми средствами, начиная съ открытыхъ массовыхъ стачекъ за повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня—до тайныхъ рабочихъ сообществъ и кассъ, отъ „трудовыхъ товариществъ или сообществъ работниковъ, добровольно составленныхъ", по проекту министерства внутреннихъ дѣлъ и имъ же разрѣшаемыхъ потрбительныхъ обществъ, обществъ взаимопомощи, образованія, развлеченія и т. д.—до союзовъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, отъ книгъ и журналовъ, цензурой одобренныхъ, вплоть до „преступнѣйшихъ" прокламацій, говорящихъ о необходимѣйшихъ нуждахъ рабочихъ, вплоть до машинъ скорописныхъ и тайныхъ типографскихъ станковъ!

Въ ходъ все, слѣдуя жизни! Пусть жизнь вся пропитается „злонамѣреннымъ", „незаконнымъ" духомъ рабочихъ. Правительство уже чувствуетъ себя не въ силахъ остановить все усиливающееся движеніе рабочихъ, охватившее всю страну, и измѣняетъ политику (замѣчайте!). По прежнему преслѣдуя „зачинщиковъ" и „главарей", оно начинаетъ уже разрѣшать настоящія рабочія общества

(напр. „Харьковское общество взаимопомощи заводскихъ рабочихъ“, уставъ котораго недавно утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и др.); оно, очевидно, разсчитываетъ *канализовать* рабочее движеніе, направить его по болѣе удобному для себя руслу. Это значитъ, что у насъ началась хорошо извѣстная всѣмъ заграничнымъ рабочимъ политика „приручения“ рабочихъ союзовъ.

„Великолѣпно! Пусть же всеоживляющая сила сознательныхъ рабочихъ дѣятелей проникаетъ повсюду, гдѣ мыслимо двигать рабочее дѣло подъ какимъ бы то ни было покровомъ. Товарищи! Крыться намъ нечего. Наживной, сознательный классъ фабрикантовъ и его ловкое правительство знаетъ хорошо, что такъ и будетъ. Весь ихъ разсчетъ—на отсрочку.

„Пусть же не будетъ отсрочки! Пусть скорѣе забьютъ струи жизни тамъ, гдѣ про нихъ никто не гадалъ и не думалъ. Пусть все оживаетъ! Пусть желательное становится скорѣй настоящимъ, а настоящее пусть неудержимо бьетъ кипучимъ ключемъ жизнедѣятельности“.

(Октябрь, 1898 г.)

Но мнѣ скажутъ, все-таки соціалдемократическое направленіе „Р. М.“ не было выражено вполнѣ опредѣленно. Я скажу болѣе. Если принять во вниманіе всѣ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось направленіе „Р. М.“ и если принять въ соображеніе первоначальную постановку задачъ „Р. М.“—быть выразителемъ рабочихъ,—то придется сказать, что направленіе ея и не могло въ то время быть вполнѣ выраженнымъ соціалдемократическимъ направленіемъ, хотя оно и заключало въ себѣ начала истиннаго соціалдемократизма.

Слѣдующее мѣсто основной статьи перваго номера „Рабочей Мысли“ очень хорошо подтверждаетъ только что сказанное.

„... Историческое положеніе наше, какъ рабочаго класса, таково, что работая надъ достиженіемъ своего благополучія, мы исполняемъ общественную работу. Мы послѣдній классъ. За нами нѣтъ никого. Господство рабочаго класса, есть всеобщее господство, или, лучше, всеобщее равноправіе; и къ достиженію его должны мы стремиться; только тогда мы можемъ сказать, что жили не напрасно и это подтвердятъ наши дѣти. Чтобы сдѣлать что-нибудь полезное для рабочаго класса, намъ небоходимо объединить наши силы, такъ какъ требованія наши будутъ удовлетворены

только тогда, когда они будутъ общимъ требованіемъ всего рабочаго класса, а иначе всѣ наши заявленія на принадлежащія намъ права останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ".

Но довольно о направленіи „Рабочей Мысли".

Теперь два слова о самой постановкѣ задачъ газеты. „Не „Рабочая Мысль" создаетъ извѣстное настроеніе среди рабочихъ, а напротивъ, сама „Рабочая Мысль" создается рабочимъ настроеніемъ, „отражаетъ ихъ мыслями",—писалъ одинъ изъ рабочихъ главныхъ сотрудниковъ „Р. М." предъ выходомъ въ свѣтъ № 5.

Быть можетъ, надо признать ошибочнымъ веденіе рабочей газеты въ такомъ направленіи. Но это уже вопросъ иного порядка; это вопросъ о правильности постановки задачъ „Рабочей Мысли" ея основателями. Объ этомъ вопросѣ можно поговорить когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же, принимая во вниманіе *данную* постановку задачъ, приходится лишь окончательно установить тотъ фактъ, что „Р. М." дѣйствительно самымъ точнымъ образомъ выражала собою *общее* направленіе петербургскаго рабочаго движенія средины и конца 90-хъ годовъ. Поэтому обвиненіе „Р. М.", *какъ органа петербургскихъ рабочихъ*, въ неправильности ея направленія, обвиненіе ея въ томъ, что она держалась именно *такого*, а не иного направленія, равносильно обвиненію въ неправильности всего направленія петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ.

Между тѣмъ направленіе этого движенія, очевидно, не могло быть инымъ, будучи обусловлено всѣми тогдашними обстоятельствами. При *данной* постановкѣ своихъ задачъ, и „Р. М." тоже не могла быть тѣмъ, чѣмъ она была бы при другой постановкѣ ея задачъ. Но самая постановка ея задачъ вытекала цѣликомъ изъ условій ея возникновенія.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., д. 14.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе 3

Глава I. Первый періодъ—кружковщина. 6

» II. Начало агитаціоннаго періода 18

» III. Петербургскія лѣтнія стачки 1896 г. 34

» IV. Зимняя стачка. 53

» V. Организаціонный періодъ движенія.—Новыя задачи союза и условія, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла «Рабочая Мысль» 68

» VI. Возникновеніе «Рабочей Мысли». Ея краткая исторія. . 77

» VII. Что же собою представляла «Рабочая Мысль»? 88

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038267142